

Секция «ИСТОРИЯ»

Подсекция «История России»

Тенденции формирования банковского сектора России (1988-2004 гг.)

Е.Э. Аксенова

Тольяттинский государственный университет

Эффективность функционирования банков во многом определяется состоянием экономики, прежде всего ее производственного сектора. В то же время и развитие экономики зависит от состояния банковской системы. По мере возрастания роли банковского сектора в экономике увеличивалось и его влияние на ход экономического развития. Поэтому исследования тенденций формирования банковского сектора имеет особое значение для адекватного понимания сущности хода хозяйственных преобразований.

Современная банковская структура создавалась в условиях кризисного состояния планово-распределительной модели экономики. Ее теоретической базой явился международный опыт банковского обслуживания стран с развитым рыночным хозяйством. В результате реформ 1987-1994 гг.[1] сложилась действующая и по сей день двухуровневая банковская система первый уровень, которой представлен Государственным банком. Он выполнял эмиссионные и контрольные функции. Второй уровень — коммерческие банки, осуществлявшие кредитно расчетные операции.

Наиболее крупные коммерческие банки создавались на средства таких советских организаций, как комсомол, профсоюзы, КГБ и др. В их число входили «Молодежный коммерческий банк», «Профбанк», «Аэропорт» [2]. Целью таких банков была защита средств данных организаций от обесценения в период инфляции.

В 1988 г. были зарегистрированы уставы более сорока коммерческих банков. К концу сентября 1991 г. в России официально деятельность осуществляли уже 1215 коммерческих банков с 2293 филиалами[3].

Количество, разнообразие видов и форм коммерческих банковских структур не способствовало организации эффективного управления данным сектором экономики. Формировалась и притворялась в жизнь идея «уполно-

моченных банков». Этот мощный механизм обогащения частных структур за счет бюджетных доходов был задействован самим правительством.

Банковская система России уникальна тем, что в ней центральное место занимает полугосударственный Сбербанк [4]. Во второй половине девяностых он обслуживал 70-75%, а после августа 1998 г. до 80% всех вкладов физических лиц [5].

На протяжении всего периода существования большинство коммерческих банков не сумели преодолеть конкуренцию со стороны Сбербанка в привлечении средств населения. Они были вынуждены пользоваться ресурсами юридических лиц. Как правило, это были средства основных акционеров банков, которые создавали их для управления собственными кассовыми операциями. В результате формировалась традиционная модель «карманных банков». «Карманные» — небольшие банки с ограниченным спектром операций. По сути, финансовые управления крупных предприятий преобразовываются в банковскую структуру, деятельность которой подчинялась непосредственно руководству промышленной единицы [6]. Фактически требовалась независимая от государственного бюджета финансовая организация, которая могла бы аккумулировать временно свободные финансовые ресурсы для кредитования производства. Одним из первых представителей данного типа банков стал АвтоВАЗбанк. Объем активов подобных банков в основном зависел от финансового состояния их основателей, а не от собственной стратегии.

В рассматриваемый период образовывалось множество не только банков, но и других коммерческих структур. Из-за превышения спроса над предложением, между всеми этими организациями практически не существовало конкуренции, что, в конечном счете, привело к образованию структур типа МММ, РДС, Русская недвижимость, банк «Чара», концерн «Тибет» и др. Это привело к глобальному росту недоверия физических лиц к коммерческим финансовым институтам, в том числе и к банкам.

Тенденция роста численности банков сохранилась и в девяностые годы. После принятия закона «О банках и банковской деятельности в РСФСР» 2 декабря 1990 г. мы наблюдаем резкий скачок их численности. Уже к концу 1994 года коммерческих банков насчитывалось 2600. Но совокупные капиталы банков едва достигали 4% ВВП, а сумма предоставленных ими кредитов — 20% ВВП. Своего пика численность коммерческих банков достигла к 1995 г. Отчасти это обусловлено инерционностью системы, наличием свободных ресурсов, которые можно было задействовать банковской организации, и отсутствием резких изменений экономики. Но уже с 1996 г. мы наблюдаем резкое сокращение численности банковских структур. В преддверии кризиса на начало 1998 г. в России было 2526 зарегистрированных банков. Из них фактически действовало 1675 [7]. Остальные были лишены лицензий Центрального банка, находились в процессе ликвидации. Экономическая ситуация требовала активного регулирования данного сегмента рынка.

Коммерческие банки XXI века претерпели ряд структурных изменений: расширяется спектр предоставляемых услуг, стабилизируется численность, технически обеспечивается стабильное функционирование. Но наряду с вышеперечисленными фактами наблюдается стагнация концептуальных принципов направленности деятельности российских банков. Это в свою очередь влечет стратегическую ограниченность потенциальной конкурентоспособности отечественной банковской системы, как на мировом рынке, так и в отечественном финансовом пространстве. В настоящее время осуществляемая банковская реформа представляет собой очередную попытку совершенствования системы. Прежде всего, она формирует гарантии вкладов населения, ужесточает банковский надзор. Но основной ее целью является активизация интеграции российских банков в мировую банковскую систему.

Таким образом, в рассматриваемый период характерными чертами для формирования банковского сектора явились: бурный рост количества коммерческих банковских структур, хроническое отставание законодательной базы от практики банковской деятельности, отсутствие стратегической концепции развития банковской системы, слабость действий ассоциированного банковского сообщества. Новая же попытка преобразований отечественного финансового сектора должна производиться с учетом его исторически обусловленных потребностей, только в этом случае реформы могут быть плодотворны.

Литература

1. Матовников М.Ю. Михайлов Л.В. Сычева Л.И. Тимофеев Е.В. Российские банки: десять лет спустя. М. 1988. С.5
2. Текущий архив музея КБ АВТОВАЗБАНК. Зарегистрированные коммерческие банки. Справка по состоянию на 1 февраля 1989 г. С.1-4.
3. Мехряков В.Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С.222
4. Аникин А.В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М., 2002. С
5. Вольтер Ж. Банковский сектор России: до и после кризиса. Банки: мировой опыт. М., 1999 С.9-12.
6. Милуков О. Эффективный ход «Эффект – кредита»//Век № 20, 1995, С.6.
7. www.banks-rate.ru

Польско-советские отношения в свете информационных обзоров 2-го отдела генштаба Польши. 1924 – 1925 гг.

О.В. Бабенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проблема развития польско-советских отношений середины 1920-х гг. имеет важное значение для выяснения взаимоотношений указанных госу-

дарств в межвоенный период. Именно в это время начали закладываться основы польско-советского договора о ненападении, подписанного в 1932 г.

Важной составной частью документального обеспечения рассматриваемой проблемы являются неопубликованные материалы 2-го отдела Генерального штаба Польши, сохранившиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Они представляют собой информационные обзоры «Польша и граница» польской военной разведки, в которых излагаются содержание и особенности переговоров представителей СССР и Польской республики, характеристика их позиций по различным проблемам двусторонних отношений, международные проблемы межвоенного периода в интерпретации поляков.

1924 год ознаменовался переменами в международной политике, которые выразились прежде всего в изменении отношения главных творцов Версальского миропорядка Англии и Франции к побежденной Германии. Западные державы пытались вовлечь Германию в свою систему отношений с целью получения дополнительных гарантий безопасности и сохранения собственных позиций в Европе. В связи с этим продолжалось жесткое соперничество ослабевшей Франции, связанной с Польшей политическим договором 1921 г., и сохранявшей доминирующие позиции в Европе Англией, которая поддерживала возрождающуюся Германию. Последняя выдвигала претензии на польскую часть Верхней Силезии и принадлежавший Польше т.н. Данцигский коридор, но тесно сотрудничала с Советским государством. Германия и Советская Россия после войны оказались в международной изоляции и строили свою внешнюю политику в основном на двусторонних отношениях.

На этом фоне в августе 1924 г. по инициативе члена коллегии НКВД СССР В.Коппа состоялась его встреча с польским полномочным представителем в Москве К.Вышиньским. В своем заявлении В.Копп выразил точку зрения, согласно которой личная встреча глав внешнеполитических ведомств обоих государств могла бы способствовать урегулированию спорных вопросов. Эта инициатива была поддержана министром иностранных дел Польши А.Скшиньским, что нашло выражение в его переписке с наркомом иностранных дел СССР Г.В.Чичериным [З.Л.20об.].

В первой половине 1925 г. польско-советские переговоры проходили параллельно с переговорами западных держав и Германии о заключении гарантийного пакта, которые должны были показать, сможет ли Германия вернуть себе утраченные международные позиции и сохранить основания для выдвижения территориальных претензий к Польше и Чехословакии, порожденных Версальским договором 1919 г.

23 февраля 1925 г. польский посланник в СССР С.Кентшиньский встретился с Г.В.Чичериным и предложил гарантировать территориальный статус-кво в Восточной Европе. Однако Чичерин дал понять польскому представителю, что «совместное с Польшей гарантирование статус-кво Восточной Европы советское правительство считает невозможным» [З.Л.21об.]. Негативное отношение Кремля к проблеме пакта о не-

нападении для Восточной Европы было подтверждено 9 марта 1925 г. в беседе С.Кентшиньского с В.Коппом [там же].

Следует отметить, что о факте и сути проводившихся с 1924 г. переговоров между СССР и Польшей была проинформирована Германия, а летом 1925 г. в Москве было решено осуществить давление на министра иностранных дел Германии Г.Штреземана с целью скорейшего заключения двустороннего политического договора. Находившийся в Берлине заместитель наркома иностранных дел СССР М.М.Литвинов 13 июня 1925 г. в беседе со Штреземаном предостерег Германию от подчинения Великобритании и одновременно дал ей понять, что «Советский Союз мог бы сблизиться с Францией и даже с Польшей» [4. С.20].

Осенью 1925 г. в связи с приближавшейся конференцией в Локарно Польша сделала очередную попытку сблизиться с Советским Союзом. Для осуществления данной цели огромное значение приобрел неофициальный визит Г.В.Чичерина в Варшаву, проходивший 27-29 сентября 1925 г. Этот визит, совершенный советским наркомом по пути в Берлин, был призван сыграть роль противовеса переговорам западных держав с Германией о заключении гарантийного пакта. В ходе встреч Г.В.Чичерина с польским министром А.Скшиньским были затронуты различные проблемы двусторонних отношений, обсуждалась международная обстановка в Европе. Однако конкретных результатов эти встречи не принесли. Следует отметить, что сразу после пребывания в Варшаве Чичерин отправился в Берлин, где в беседах с Г.Штреземаном, по всей видимости, согласовал основные положения советско-германского политического договора [1. Л.23об.-24, 32; 3. Л.22].

В октябре 1925 г. в швейцарском городе Локарно на конференции с участием Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии, Польши и Чехословакии были подписаны соглашения, устанавливавшие неприкосновенность только западных границ Германии и подтверждавшие тем самым разницу в статусе западных и восточных границ Германии, которая сохранила основания для выдвижения территориальных претензий к Польше. Поляков беспокоило и то, что министр иностранных дел Германии Г.Штреземан заявил в интервью для прессы, что Берлин не собирается менять свою внешнюю политику [2. Л.7].

Таким образом, в ходе польско-советских переговоров 1924-1925 гг. польская сторона пыталась улучшить свое международное положение, но не достигла цели. Советское же правительство успешно использовало отношения с Польшей с целью вынудить Германию заключить взаимовыгодные соглашения с СССР.

Литература

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.308к. Оп.19. Д.500.
2. РГВА. Ф.308к. Оп.19. Д.502.
3. РГВА. Ф.308к. Оп.19. Д.504.

4. Gregorowicz S., Zacharias M.J. Polska-Zwi?zek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925-1939. W-wa, 1995.

**Проблемы становления «свободных» профсоюзов в Германии
в конце 60х – начале 70х годов XIX века**

Е.В. Барсук

Днепропетровский национальный университет, Украина

Профсоюзы – это профессиональные объединения наемных рабочих, создаваемые с целью фиксации существующих или создания новых условий труда и экономического благосостояния методами сотрудничества или борьбы [O.Heilborn]. Формирование профсоюзного движения на территории германских земель приходится на 60е годы XIX века и обусловлено разрешением коалиций в ряде германских землях [G.A.Ritter]: в 1868 году одновременно были созданы профсоюзы Фрицше-Швейцера [C.W.T?lcke], марксистские «Международные профессиональные товарищества» [А.Бебель] и союзы Гирша-Дункера [P.Kampffmeyer]. Изучение данного периода истории «свободных» профсоюзов шло двумя путями: западная «социальная история» [G.A.Ritter] рассматривает данный период единственно как ответ социал-демократии на действия либеральных сил, ставших на путь создания собственных профсоюзов. В то же время «марксистская» историография делает акцент на особую заслугу марксизма и его принципов профсоюзной деятельности в данном процессе [W.Ettelt, Н.-D.Krause; Ф.Апельт]. Современная западная и отечественная историческая наука обходит данные вопросы стороной.

Целью нашей работы является исследование процесса становления социал-демократического профсоюзного движения Германии конца 60х-начала 70х годов XIX века. Объектом изучения были «свободные» профсоюзы: лассальянские и эйзенахские.

В результате исследования данного объекта нами были сделаны следующие выводы:

1. Руководящий состав социал-демократической партии в период относительной политической либерализации в немецких государствах 60х годов XIX века начал осознавать необходимость создания для своего политического движения определенной социальной базы. Таковой по его мнению могло стать профсоюзное движение. Оно рассматривалось социал-демократической партийной элитой как «школа» партии.

2. Побудительным моментом к созданию Всеобщим германским рабочим союзом профессиональных организаций послужила идея М.Гирша, в последующем основавшего профсоюзы либеральной направленности.

3. Стремление обезопасить создаваемые рабочими соответствующие профсоюзные структуры от возможных действий репрессивного характера со стороны государственных органов обусловило принятие на Эйзенахском съезде СДРПГ 1869 года принципа «нейтральности» профсоюзов.

4. Разграничение сфер деятельности между профсоюзами (экономическая) и партией (политическая) было заимствовано у ВГРС. Это в последующем стало одним из объединяющих моментов в создании единого социал-демократического профсоюзного движения.

5. Создание Германской империи в 1871 году поставило перед профессиональными организациями новые задачи, в ходе решения которых начался отток руководящего состава из ВГРС и присоединение его к более демократичной СДПГ. Дальнейший успех «свободных» профсоюзов был обусловлен реальной поддержкой их со стороны партии и теми социал-демократическим лозунгам, которые находили живой отклик в среде трудящихся.

6. Объединение политических сил СДПГ и ВГРС, послужило толчком к созданию единого руководства профсоюзами. Однако данный процесс был приостановлен до 1890х годов введением Исключительного закона против социалистов.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют создать более целостную картину начального периода развития «свободных» профсоюзов. Анализ источникового материала неопровержимо свидетельствует о взаимозависимости процессов проходивших в партийном и профсоюзном движениях. И, наконец, исследование истории профсоюзов середины XIX века, позволило углубить представление о немецком рабочем движении данного периода.

Литература

[1] Апелът Ф. Германское профдвижение от зарождения до наших дней. М., 1929, с. 60

[2] Бебель А. Из моей жизни. М., 1963, с. 800

[3] Ettelt W., Krause H.-D. Die Durchsetzung der marxistischen Gewerkschaftspolitik in der deutschen Arbeiterbewegung 1869-1878 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, XVIII. Jahrgang, 1970, Heft 8, s. 1023-1046.

[4] Heilborn O. Die freien Gewerkschaften seit 1890. Jena, 1907, s. 197

[5] Kampfmeier P. Die Bedeutung der Gewerkschaften für die Taktik des Proletariats. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Gewerkschaften. Berlin, 1892, s. 30

[6] Ritter G.A. Arbeiterbewegung, Parteien und Parlamentarismus: Aufsätze zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Göttingen, 1976

[7] Tölcke C.W. Zweck, Mittel und Organisation des Allgemeinen Deutschen Arbeiter-Vereins: ein Leitfaden für die Agitatoren, Bevollmächtigten und Mitglieder des Vereins. Berlin, 1873, s. 106

Иконические знаки и историческая наука**В.П. Богданов***Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Мировая культура зиждется на знаке. Согласно американскому семиотику Ч.С. Пирсу, знаки делятся на символические (буквы, цифры, пиктограммы, слова и т.д.), иконические (то, что можно назвать образами) и индексы (т.н. вторичные знаки, по которым можно судить о других знаках) [1]. Конечно, ни один из выделенных Пирсом типов не встречается в чистом виде. Так литературные образы представляют собой «иконы», но создаются с помощью «символов». История как наука выросла на «символах», которые для неё стали и содержанием и формой. При этом историки долгое время, казалось бы, избегали «иконы». Конечно, в настоящее время есть определённые наработки в области изучения иконических знаков как исторических источников [2], но, тем не менее, отношение к ним ещё довольно настороженное. Может быть, сказывается боязнь, что изучение «иконических знаков» приведёт к размыванию самого предмета истории. Так или иначе, но произведения искусства чаще всего отдаются на откуп литературоведам и искусствоведам. При этом забывается, что они «представляют собой чрезвычайно экономные, ёмкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации» [3].

Любой источник должен дать новую информацию и, что не менее важно, ракурс рассмотрения темы. Приведём следующий пример. Много говорилось о взаимоотношениях помещиков и крепостных: советские историки трактовали эти взаимоотношения исключительно с точки зрения эксплуатации и классовой борьбы. Художественные произведения, не отвергая проблему эксплуатации, показывают нам отношения между Петрушей Гринёвым и Савеличем, старым князем Болконским и его денщиком Литература показывает «семейственность» во взаимоотношениях господина и слуги, а это новый взгляд на широкую проблему отношений помещика и крепостного. И.А. Бунин в повести «Суходол» так писал про жизнь крестьян и помещиков: «Правда, столбовые мы, Хрущевы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой литовской крови, да татарских князьков. Но ведь кровь Хрущёвых мешалась с кровью дворян и деревни спокон веку. Кто дал жизнь Петру Кирилловичу? Разно говорят об этом предания. Кто был родителем Герваськи, убийцы его? ...Молочной же сестрой отца была Наталья, с Герваськой он крестами менялся». Мемуары редко фиксируют подобные легенды: такая информация не предназначена для афиширования. Перед нами не только новый исторический факт, но и новый взгляд на проблему отношений внутри крепостного быта.

Любой источник является «продуктом эпохи» и сам участвует в историческом процессе. В этом плане художественные произведения, в силу своего предназначения *воздействовать*, наиболее показательны. Как известно И.В. Гёте, написав «Страдания юного Вертера», отразил тот самый гнетущий европейский пессимизм, вселенский пессимизм, который со-

здал впоследствии философию А. Шопенгауэра. При этом после выхода сочинения Гёте по Европе прокатилась волна самоубийств. Это, пожалуй, один из наиболее ярких примеров того, как художественное произведение отражает окружающую действительность и воздействует на неё. Помимо самого исторического факта, художественные произведения содержат предание о нём и вполне могут рассматриваться не только в качестве источника по теме, но и в качестве историографии её. В этом плане наиболее интересно обращение художников к историческим событиям.

Рассмотрим фильм «Депутат Балтики» с точки зрения конкретно исторической и историографической информации. Фильм отражает отношение советских людей 1930-х гг. к событиям Октябрьской революции. В этом велико его историографическое значение: он прекрасно отразил складывание культа Ленина в советском обществе. Сам Ленин в фильме не появляется, но он незримо присутствует. Так он звонит профессору Полежаеву в день его семидесятипятилетия и именно благодаря этому звонку профессор Полежаев понимает: «Теперь я не один». В конце фильма он прямо говорит, что «преклоняется перед гением Владимира Ильича». В этом смысле фильм стал «продуктом» сложения культа Ленина и фактором этого сложения. С точки зрения исторического факта, фильм интересен тем, что он, снятый в 1936г., сам по себе рассчитан на принципиально иную публику, чем фильмы 1920-х гг. Фильм, рассчитанный на массового зрителя, содержит шутки и намёки, понятные только для зрителей 1930-х гг., зрителя большей культуры. Большевик-матрос, делая обыск в квартире профессора Полежаева в начале фильма, впервые слышит имя Ньютона. Старый профессор кричит в ответ на его невежество: «Ньютон – физик!». И в конце фильма, во время заседания Петровета, матрос с гордостью характеризует уже знакомого ему профессора своему товарищу словами: «Ньютонов друг». В данном случае мы имеем дело с «индексами». Т.е. информация в них выражена опосредованно. Указанный эпизод мог быть понят только публикой, достигшей определённого уровня культуры. Соответственно, массовая культура 1930-х гг. была выше 1920-х гг., когда ирония с Ньютоном была бы не понятна большинству зрителей.

Литература

[1] Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000; Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.

[2] В этом плане показателен выход двух журналов «Отечественная история» (№1 за 2002 и № 1 за 2004), где приведены материалы круглых столов по использованию литературных произведений и кинофильмов как исторических источников.

[3] Лотман Ю.М. Люди и знаки // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. с. 5-10.

Жилищно-коммунальное хозяйство Советской России в 1917 – 1940 гг.*И.А. Власенко**Тольяттинский государственный университет*

История функционирования ЖКХ в 1917 – 1940 гг. даёт нам понимание того, что монополизм жилищно-коммунальных предприятий в купе с централизованным управлением были необходимыми условиями обеспечения высоких темпов урбанизации Советской России.

Период централизации управления местным хозяйством начался с создания в составе НКВД Главного управления по делам местного хозяйства, в соответствии с постановлением II съезда Советов в ноябре 1917 г. В декабре 1917 г. был подписан декрет «Об учреждении Комиссариата по местному самоуправлению» для объединения деятельности всех городских и земских учреждений, в распоряжение которого из НКВД было передано Главное управление по делам местного хозяйства. Постановлением СНК РСФСР от 17 марта 1918 г. Комиссариат по местному самоуправлению преобразован в Отдел местного хозяйства НКВД.

Вследствие разрухи, вызванной гражданской войной, трудности обеспечения населения жильём и коммунальными услугами усугублялись ещё больше. Выход из кризиса был найден в децентрализации управления. В январе 1919 г. была признана целесообразность возвращения местным органам хозяйственных функций. Хозяйственная деятельность новых административных единиц – «коммун» была обозначена как «коммунальное хозяйство», а отделы местных Советов, руководящие ими, были названы коммунотделами. В январе 1920 г. Отдел местного хозяйства НКВД был реорганизован в коммунальный отдел, а в 1921 г. создано Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД РСФСР.

Новые органы местных Советов начали своё существование чрезвычайно активно. Едва созданные, они сформировали программу своего функционирования, выполнение которой началось весной следующего года. Свидетельством активной деятельности отделов коммунального хозяйства могут служить и первые приказы, например, заведующего Укомхоза г. Ставрополя (ныне – Тольятти) товарища Балакина: «Я требую от всех служащих и рабочих вверенного мне Комхоза самой интенсивной и аккуратной работы, во время служебных обязанностей всегда находится на своих местах, отнюдь не позволять себе праздного хождения из одного Подотдела в другой, своевременно являться на работы и оставлять таковые» [1].

В 1920 году В.И. Ленин подписал декрет «Об отмене квартплаты». Это привело к тому, что только в Москве за период отмены квартплаты обветшало и пришло в полную негодность 11,5 тыс. зданий, в том числе 6,8 тыс. жилых домов с более чем 40 тыс. квартир.

В исследованиях Т.М. Говорёнковой отмечается, что в русле проводившейся в 1920-х гг. новой экономической политики решениями местных Советов была произведена демунципализация зданий на условиях их ремонта и надлежащего содержания путём аренды. Число демунципализованных строений в городах в 1924 г. составляло от 30 до 90%. Боль-

шое значение в этот период приобретает принцип «не доход, но польза», на основании которого ГУКХ координирует восстановление городского хозяйства Советской России. За 1923 – 1925 гг. в городах и рабочих посёлках городского типа было построено почти 5,5 млн. кв. м жилья; за 1923 – 1927 гг. городское хозяйство было восстановлено до уровня 1913 г., причём произошло перераспределение благоустройства от центра к окраинам. В 52 городах приступили к строительству водопровода, в 12 – канализационной сети (в том числе и в Ленинграде, где до 1926 г. её не было), в 15 городах пустили трамвай, в 6 – выполнили специальные проекты озеленения, в 2 – соорудили мусоросжигательные заводы. В эти годы впервые открылось автобусное и таксомоторное движение [2]. В 1928 г. выходит в свет книга (единственный в СССР труд по муниципальному управлению) Л. А. Велихова «Основы городского хозяйства».

В 1928 г. на одного городского жителя приходилось 5,8 кв. м жилой площади (в 1940 г. – 4,5). Поэтому в постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» признавалось необходимым для разрешения жилищного кризиса усилить темпы строительства новых жилищ, а также правильное и целесообразное управление и эксплуатация жилищного фонда. С 1926 по 1938 г. количество жилой площади в Самаре выросло на 70% и достигло 1,4 млн. кв. м, но одновременно наблюдалось снижение её нормы на одного жителя [3]. Уровень благоустроенности возводимого жилья имел также большое значение. Однако, например, коммунальное хозяйство городов и селений Средне-Волжского края в 1929 г. оставалось в запущенном состоянии. Вердеревский А. Д. отмечал, что «Города имеют полуразрушенные мостовые (или совсем не имеют), очень мало зелёных насаждений, не канализированы (5 % домовладений присоединённых в Самаре), недостаточное количество бань, расположенных к тому же в центре городов, необеспеченность водопроводами (количество и сеть), слабое освещение окраин исключительно острый жилищный кризис, отставание роста жилой площади от прироста населения, особенно по краевому центру – Самаре, изношенность на 30 % существующего домового фонда и тенденции к его дальнейшему износу» [4].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 года ликвидирован ГУКХ НКВД и образовано Главное управление коммунального хозяйства при Совнарком РСФСР. В соответствии с решением в 1931 г. июньского Пленума ЦК ВКП(б) постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1931 г. был образован Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (преобразованный в 1936 г. в Министерство коммунального хозяйства РСФСР). Таким образом, был создан аппарат для централизованного управления коммунальным хозяйством. Приоритетом вновь созданного ведомства стали строительные функции. А в мае 1939 года образовано самостоятельное строительное ведомство СССР.

В 30-е гг. в СССР проводилась кредитная и налоговая реформа, поставившая в исключительное положение промышленность страны, её финансирование и дотирование. В то же время коммунальное хозяйство пре-

вращается в одну из самых крупных отраслей непроеизводственной сферы народного хозяйства: на его долю приходилось около 30% основных фондов страны. С 1920 г. основные фонды ЖКХ увеличились более чем в 2 раза и по состоянию на 1 января 1931 г. оценивались в 78 млрд. руб. Кроме того, если в 1922 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании населения в СССР составляла 95 тыс. чел., то в 1940 г. уже 1516 тыс. чел. [5]. В 30-е гг. был создан и активно работал «Роскоммунбанк» (средний оборот – более 160 млрд. руб. в год), являвшийся уполномоченным банком по жилищно-коммунальному строительству и обслуживанию в России. Через него осуществлялись финансирование всех централизованных капитальных вложений развития отрасли и сбор коммунальных платежей.

Итак, создание в 1917 – 1940 гг. в Советской России аппарата для централизованного управления жилищно-коммунальным хозяйством и последовательное увеличение объёмов жилищного строительства позволило эффективней осуществлять политику индустриализации, которая могла проходить только при высоких темпах урбанизации страны.

Литература

[1] Приказ № 2 заведующего Укомхозом тов. Балакина от 24 января 1921 г. // Тольяттинский городской архив (ТГА). Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

[2] См.: Чернышов Л. Н. Формирование рыночных отношений в жилищно-коммунальном хозяйстве. Проблемы. Перспективы. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 15 – 17.

[3] История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918 – 1998). – М.: Наука, 2000. С. 103.

[4] Вердеревский А. Д. О состоянии коммунального хозяйства в городах Средне-Волжского края (1929 г.) // Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. – Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. С. 267.

[5] См.: Народное хозяйство СССР. 1922 – 1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. – М.: «Статистика», 1972. С. 347.

Земский Собор Н.П. Игнатьева

М.М. Горинов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проект Земского Собора занимает особое место в деятельности министра внутренних дел Николая Павловича Игнатьева (3 мая 1881-1 мая 1882 гг.) по причине грандиозности мероприятия и его беспрецедентности.

Для 80-х гг. Российской империи XIX века Земский Собор был уже древней стариной. Он существовал как форма народного представительства в XVI-XVII вв., избирался от большинства сословий и созывался время от времени по инициативе царя по судьбоносным для страны проблемам. В XIX веке вернуться к практике созыва Собора предлагали славянофилы (И.С. Аксаков), желая восстановить прямое общение царя с

народом. Так они ответили на действительно важную проблему, стоящую перед самодержавием: каким должно быть участие общества в жизни абсолютистского государства. В правительстве обсуждались проекты создания в России законосовещательного представительства либо как самостоятельного органа, либо в виде привлечения выборных в Государственный Совет (М.М. Сперанский, П.А. Валуев, великий князь Константин Николаевич, М.Т. Лорис-Меликов). Но ни разу дело не пошло далее составления записок и предварительных обсуждений [1].

В исторической литературе бытует мнение, что мысль о созыве Земского Собора в период коронации Александра III была внушена министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву И.С. Аксаковым в 1882 г. [2] Но идея принадлежала самому Игнатьеву, являясь плодом его убеждения о непригодности для России парламентаризма по типу европейских стран. Уже вскоре после убийства Александра II, 18 апреля 1881 г., в письме министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову он предложил созыв Земского Собора в качестве средства борьбы с революционным движением. Мнение народных представителей, собравшихся на Собор, Игнатьев назвал серьезной антиреволюционной силой. Игнатьев придавал Собору и антибюрократическую направленность. Он считал, что экономические решения, принятые с учетом мнения «земли», будут более согласованы с потребностями страны, чем разработанные канцелярским методом [3].

Став министром внутренних дел, летом 1881 г. Игнатьев сделал пробный шаг, попросив редактора газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского написать статью о Земском Соборе [4].

В начале 1882 г. начиналась подготовка к коронации Александра III. Игнатьев подумал, что представился удобный случай реализовать свою идею. Он помнил, что докладывал мысль о Соборе еще Александру II, и император идею не отверг, заявив, что подобное мероприятие можно было бы приурочить к коронации [5]. Министр понадеялся на сочувствие нового императора к соборному проекту. Кроме того, захватив организацию коронации в свои руки, Игнатьев бы увеличил свой политический вес, что было особенно необходимо ввиду распространившихся в обществе слухов о его скорой отставке.

Почти одновременно с этим 10 января 1882 г. с идеей Собора к Игнатьеву обратился И.С. Аксаков, предложивший Игнатьеву услуги своего единомышленника П.Д. Голохвастова по ее разработке. Игнатьев принял его услуги, и с последней недели февраля по конец марта они провели подготовительную работу, обставленную секретностью. 12 апреля Игнатьев представил проект соборного манифеста царю Александру III. Публикация манифеста намечалась на 6 мая 1882 г. (к двухсотлетию со дня открытия последнего Собора). Сам Собор предполагалось открыть в апреле 1883 г., совместив с коронацией. Игнатьев взял за основу проекта наработки Голохвастова, внося некоторые поправки. Министр внутренних дел предложил составить Земский Собор из крестьян, дворян и купцов, избранных на основе прямых выборов: общими избирательными съездами большаков

(глав крестьянских семей), землевладельцев-помещиков и гильдейцев. Крестьян предполагалось избирать от пространственной округи (в 1600 кв. верст), землевладельцев от уезда (при выборах мелкопоместные хозяева уравнивались в правах с крупнопоместными), купцов от губернии.

Проект созыва Собора предусматривал участие в нем высших церковных кругов, членов правительства и представителей национальных регионов (финнов, поляков). Общее число депутатов составляло бы от трех с половиной до четырех тысяч человек. По мнению Игнатьева, Собору следовало обсудить проект реформы местного управления, подготовленный комиссией М.С. Каханова. В конце работы Собора предполагалось избрать комиссию из 30 или 40 членов, которой предстояло работать при Государственном Совете, рассматривая по указанию императора те или иные вопросы [6].

Научная литература и современники Игнатьева характеризовали Земский Собор как демагогический трюк [7]. Действительно, министр внутренних дел признавался, что Собор будет представлять собой декорацию к царской коронации. Однако Игнатьев излагал в докладах царю и иные аргументы в пользу созыва «земских людей»: узнать нужды страны, положить конец слухам о переделе земли. Министр внутренних дел был убежден, что общество, привлеченное к содействию, выйдет из состояния апатии, недовольства правительством и прекратит симпатизировать революционерам. Не случайно, Игнатьев хотел придать Собору «деловое, преобразовательное значение», предоставив на его обсуждение такой настоятельный вопрос, как местное управление. Он намеревался и впредь предлагать на рассмотрение народных представителей проекты законов, утверждая, что законы, вырабатываемые в петербургских канцеляриях, непрактичны и потому не исполняются. Игнатьев предполагал укрепить самодержавие созданием ему общественной опоры, ослабляя его усилившуюся зависимость от бюрократии, злоупотребляющей своей властью [8].

Идею Земского Собора Игнатьев связывал с необходимостью создания единого правительства («единомышленного министерства») с точно определенной программой, деятельность которого и должен усиливать Собор [9].

12 апреля Александр III не дал Игнатьеву определенного ответа на проект созыва Собора. Так было и на последующих докладах. Игнатьев нервничал, не получая царского согласия. После доклада 20 апреля он стал искать союзников среди министров: попытался расположить в пользу своего проекта министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова, обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, министра государственных имуществ М.Н. Островского. Но они не поддержали своего коллегу.

Игнатьев продолжил активную подготовку к осуществлению своей затеи. Окончательный проект царского рескрипта (инструкции по вопросу о выборах), подготовленный Голохвастовым, был подвергнут правке в канцелярии министерства внутренних дел. Важным различием двух проектов являлось то, что Голохвастов предполагал предоставить большин-

ство депутатских мандатов землевладельцам, а Игнатъев намеревался избрать более половины участников Собора (от полутора до двух тысяч) от крестьян [10].

Ожидаемой публикации манифеста о Земском Соборе 6 мая не произошло. 8 мая Игнатъев предоставил царю записку, в которой доказывал, что созыв Собора нельзя рассматривать как уступку сторонникам конституции. Александр III, почувствовав давление, стал сопротивляться, высказывая сомнение в пользу Собора.

Несмотря на существовавшее запрещение публиковать в печати статьи о Земских Соборах, полемика по этому опросу разгорелась. Редактор газеты «Московские ведомости» М.Н.Катков выступил противником Собора. Он считал проект Игнатъева революционным. 14 мая в газете «Новом времени» А.С.Суворина, а затем в газете «Русь» И.С.Аксакова появились статьи в защиту игнатъевской идеи. Следствием вспыхнувшей полемики стало решение Александра III подвергнуть план министра внутренних дел обсуждению в специальном совещании министров. Итогом совещания, которое состоялось 27 мая 1882 г. в Петергофе, стала отставка Игнатъева и конец его активной политической карьеры.

Отрегулировать образ власти, придать ей новое звучание Игнатъев собирался возвращением к представительным формам допетровской Руси (Земский Собор). Но страна стремительно модернизировалась в другом направлении.

Литература

[1] Лукоянов И.В. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский Собор. СПб., 2000. С.48-49.

[2] Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964. С.453; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.377.

[3] ГАРФ. Ф.730. Оп.1. Д.1525. Л.4-5.

[4] Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С.489.

[5] Игнатъев Н.П. Земский Собор. СПб., 2000. С.94.

[6] Зайончковский П.А. Указ. соч. М., 1964. С.454-459.

[7] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. 2001. С.160-161; Мещерский В.П. Указ. соч. М., 2003. С.490; Зайончковский П.А. Указ. соч. М. 1964. С.460.

[8] ГАРФ. Ф.730. Оп.1. Д.1525. Л.8. Д.1527. Л.5, 7-8, 19, 25, 34. Д.1533. Л.1-2, 5.

[9] ГАРФ. Ф.730. Оп.1. Д.1525. Л.8.

[10] Переписка П.Д.Голохвастова с И.С.Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. 1913. №1. С.108.

**«Дело Азефа» в периодической печати
консервативного и либерального направлений (1909 год)**

Е.М. Жаркова

Самарский государственный университет

Е.Ф.Азеф — одна из ярчайших фигур российского террора. С его деятельностью связано осуществление многих террористических актов начала XX века. Но вместе с тем, Евно Азеф — агент политической полиции. Противоречивая личность главы Боевой Организации эсеров требует новых и новых исторических исследований. Данная работа посвящена процессу разоблачения «великого провокатора».

Основным источником по заявленной теме являются ежедневные периодические издания, вышедшие в 1909 году. В работе представлены центральные издания консервативного направления: «Вече», «Колокол», «Московские ведомости», «Новое время», «Петербургская газета»; либерального: «Речь», «Слово», «Русские ведомости», «Голос Москвы».

«Дело Азефа» в целом — достаточно популярная тема в отечественной историографии. Особенно много исследований по истории партии эсеров и истории терроризма в России опубликовано в последнее десятилетие, поскольку теперь «запретные» ранее темы стали открыты для исследователей. На мой взгляд, необходимо отметить работы таких авторов как Будницкий О.В [1], Гейфман А [2], Городницкий Р.А [3], Морозов К.Н [4], Перегудова З.И [5]. Однако упомянутые исследователи рассматривают «дело Азефа» лишь в рамках масштабных работ по истории партии социалистов-революционеров или российского политического террора в целом. Отдельно следует отметить две монографии, посвященные собственно личности Азефа, оценке его роли как в партии эсеров, так и в сфере российского политического сыска. Это исследования А. Гейфман [6] и Л.Г. Прайсмана [7].

Цель данной работы — сравнить оценки «дела Азефа» в периодической печати консервативного и либерального направлений (1909 год), а также в современной исторической науке. Заявленная цель решается посредством решения следующих задач: изучить публикации прессы консервативного и либерального направлений за 1909 год, посвященные «делу Азефа»; рассмотреть исторические исследования современных авторов, так или иначе затрагивающих «дело Азефа».

За январь-февраль 1909 года газета «Вече» дважды публиковала материалы по «делу Азефа». Важно отметить, что ни один из авторов не ссылался на какие-либо источники. Статьи «Московских ведомостей» отличались обилием фактического материала по «делу Азефа».

Публикации «Нового времени» были созвучны друг с другом, содержали практически равные между собой оценки. Однако, важно отметить, что в «Новом времени» читатель мог найти официальные документы — запросы Государственной Думы — не снабженные какими бы то ни было комментариями. Таким образом, у читателя была возможность составить собственное мнение о происходящем, не подвергаясь влиянию иных то-

чек зрения. Тем не менее, нельзя считать публикации «Нового времени» непоколебимо достоверными, о чем красноречиво свидетельствует письмо князя Кропоткина. Статьи «Петербургской газеты» были направлены против Лопухина в частности и партии кадетов в целом. Следует отметить, что газета обвиняла Лопухина не в связях с революционерами, а в выдаче государственной тайны.

Таким образом, в рассмотренных публикациях правой прессы следует выделить два основных направления. Во-первых, это попытка стопроцентного оправдания деятельности департамента полиции и правительства страны; во-вторых, — обвинения в адрес Азефа и революционеров; Лопухина и кадетов. Причем, как следует из сказанного выше, мало кто из журналистов старался восстановить истинный ход событий, то есть основная задача публикаций — создание «правильного» общественного мнения по «делу Азефа».

Публикации кадетской газеты «Речь» условно можно разделить на три части: материалы, посвященные деятельности департамента полиции; личности Азефа; и конкретно делу Лопухина. Причем, следует отметить, что если статьи о Лопухине и Азефе не имели какой-либо ярко выраженной точки зрения на дело Лопухина-Азефа, то публикации, изучавшие механизм работы политического сыска, носили совершенно четкую антиправительственную окраску.

«Русские ведомости» предлагали читателю весь спектр точек зрения на дело Лопухина-Азефа, сложившийся в обществе: от радикальных воззрений Бурцева и Бакая до речи Столыпина в Государственной Думе, однако собственного взгляда на происходящее у газеты не было, она не навязывала ничего читателю, предоставляя ему самостоятельно сформировать собственное видение проблемы.

Основной вопрос, поднимаемый в публикациях «Слова» — был Азеф двойным агентом, или же он был последовательным сотрудником охранного отделения? Вступив в спор с официальной точкой зрения, «Слово» дало совершенно однозначный ответ: Азеф не мог быть только агентом охраны, он участвовал в террористических актах, тем самым обманывая и полицию. Официальная точка зрения на дело Азефа создает очередной предлог для нападок на правительство со стороны общественного мнения.

Таким образом, публикации либеральной прессы имели в основном два направления: во-первых, это обвинения в адрес департамента полиции и попытки доказать двойную роль Азефа; во-вторых — последовательное объективное изложение фактов, касающихся дела Азефа-Лопухина.

Характерным отличием либеральной прессы от консервативных публикаций являлось обилие фактического материала. Это можно объяснить тем, что правые газеты в первую очередь старались оправдать действия правительства и департамента полиции, что не предусматривало необходимости предельно правдивого расследования «дела Азефа». Либеральная

же печать стремилась, напротив, обвинить правительство, что требовало четких фактических доказательств.

«Дело Азефа» вызывает массу споров в современной исторической науке. Один из центральных вопросов, поднимаемых в исследованиях: почему Лопухин пошел на сотрудничество с эсерами? Что руководило его действиями? На этот счет известно две версии, одна из которых выдвинута Р.Городницким, вторая — А.Гейфман.

По первой версии, «Лопухин намеревался сделать скандал, после чего он надеялся на то, что его пригласит к себе сам Николай II, и во время этой аудиенции ему удастся убедить императора, что при такой системе управления его жизнь находится в опасности, и уговорить государя дать конституцию». Точка зрения А.Гейфман противоположна: она развивает версию о том, что Бурцев принудил Лопухина дать показания против Азефа посредством шантажа, похитив его дочь.

Другой важный вопрос, связанный с «делом Азефа»: каким образом предательство в ЦК ПСР повлияло на дальнейшую судьбу террористической тактики и развитие партии в целом? По этому вопросу практически все исследователи единогласны в своем решении: «дело Азефа» фактически разрушило Боевую Организацию, которая так и не смогла оправиться после столь тяжелого удара; дискредитировало партию эсеров на политической арене России.

Как видно из сказанного выше, основное отличие предложенных материалов состоит в том, что корреспонденты правых газет не пытались разобраться в «деле Азефа»; статьи были написаны без каких-либо ссылок на источники. Основная задача консервативных публикаций — оправдать департамент полиции и правительство, возложив ответственность за «дело Азефа» на Лопухина и партию кадетов. Задача либеральной прессы совершенно противоположна — обвинение правительства и департамента полиции.

В современной историографии мы видим совершенно иную картину. Здесь авторы буквально «расследуют» «дело Азефа», кропотливо изучают источники, составляют схемы и логические цепочки.

Однако, несмотря на коренные различия в подходах изучения «дела Азефа», можно отметить и общие черты в освещении одного из наиболее крупных политических дел начала XX века. Следует обратить внимание, что за почти сто лет не поменялась проблематика «дела Азефа»: современные историки по-прежнему пытаются дать ответ на вопрос: что такое провокация? Чем провокация отличается от шпионства? Кроме того, до сих пор в центре внимания остается «дело Лопухина» и вопрос о причинах, побудивших его пойти на сотрудничество с социалистами-революционерами.

Литература

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000.

2. Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917 гг. М., 1997; Она же. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991.
3. Городницкий Р.А. Боевая Организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.
4. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.
5. Перегудова З.И. Политический сыск в России. М., 2000.
6. Гейфман А. В сетях террора. Дело Азефа и русская революция. М., 2002.
7. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

Вопрос о реформе высшего образования в студенческих публикациях начала XX века

Н.А. Красножен

Российский Университет Дружбы Народов

1. Суть вопроса о реформе высшего образования в начале XX в. сводилась к изменению места и роли высших учебных заведений в государственной системе, приведению в соответствие целей, задач и содержания деятельности университетов социальным и политическим нуждам России. Главными требованиями профессуры и студенчества были принятие нового университетского устава и новых правил для студентов, в том числе – восстановление университетской автономии, разрешение студенческих корпоративных организаций и создание студенческого самоуправления [1].

2. Уже в первые годы XX в. «университетский вопрос» вышел за внутриведомственные рамки Министерства просвещения. Кризис системы образования выразился в конфликте демократически настроенного студенчества с неизменной самодержавной политикой в этой сфере. Одним из показателей остроты кризиса стала и оппозиционность либеральной профессуры. Студенты и профессора выступали за разрешение «университетского вопроса», который постепенно получал политическое звучание. В свою очередь, все их устремления наталкивались на противодействие институтов самодержавия. Любой протест рассматривался царским правительством как покушение на прерогативы государственной власти.

3. Публицистика начала XX в. дает богатый материал для изучения хода дискуссии по университетскому вопросу. В ней принимали участие представители разных общественно-политических направлений, принадлежавших к старшему поколению (чиновники, профессуры) и к вузовской молодежи. По этому вопросу выпускались как отдельные брошюры, так и множество статей в журналах и газетах [2]. Характер эволюции вопроса о реформе высшего образования особенно наглядно раскрывают материалы студенческого движения. Самый многочисленный вид среди

подобных документов – листовые издания [3]. В них неоднократно ставился вопрос о необходимости реформы.

4. Студенческая публицистика являлась одной из форм борьбы молодежи за демократические свободы, одной из форм проявления ее общественной активности. В центре внимания находились все правительственные мероприятия, затрагивавшие сферу просвещения (издание различных правил для студентов, создание комиссии профессоров для упорядочения положения в университетах и др.). Учащаяся молодежь требовала права образовывать свои организации (землячества, кружки самообразования и взаимопомощи), снижения платы за обучение, права свободного доступа к образованию (в том числе, ликвидации 3% ограничения для еврейской молодежи и прекращения «приписки к округам»), отмены полицейского надзора. Так, например, в нелегальных листовках московских студентов данные сюжеты затрагивались в 122 изданиях из 936 за период 1895-1904 гг.

5. Изучение тиражей нелегальных изданий учащейся молодежи позволяет выявить динамику постановки «университетского вопроса». Она была обусловлена нарастанием революционной ситуации в стране в целом и переходом студентов от академической борьбы за свои права к политическому движению. Особое место занимает хронологический отрезок весны 1901 – весны 1902 гг., когда появилось более 75 % материалов за 1895-1904 гг., посвященных реформе образования. Это было вызвано несколькими факторами. В первую очередь, это протест студентов против применения «Временных правил» 1899 г. и, во-вторых, появившаяся у них надежда на осуществление реформы. Она подкреплялась созданием весной 1901 г. в различных учебных округах комиссий профессоров для рассмотрения вопроса о положении в вузах. Кроме того, 25 марта 1901 г. появился рескрипт Николая II, адресованный министру образования П.С. Ванновскому относительно «сердечного попечения» о студентах [4]. После 1902 г. освещение вопроса о мероприятиях царского правительства в области высшего образования резко снизилось, т.к. студенты убедились в невозможности достижения «академической свободы» в монархической России.

6. Решение «университетского вопроса» правительство видело только в мерах по «умиротворению» студенчества, нейтрализации оппозиционной либеральной профессуры. Совокупность этих мер определила политику в сфере высшего образования в начале XX в. Действия, предпринимавшиеся правительством для подавления радикализма в высших учебных заведениях, соответствовали духу охранительного режима. Поэтому они не привели к прекращению студенческого движения, а еще более обострили отношения Министерства народного просвещения как с молодежью [5], так и с либеральным большинством профессоров, на которое были возложены функции кураторства над студентами и участия в дисциплинарных судах. Политика «сердечного попечения» продемонстрировала свою полную несостоятельность. Она основывалась на предложенной

С.В. Зубатовым полицейской методике, широко использовавшейся во внутриполитическом курсе по отношению к рабочему вопросу.

7. К концу 1904 г. в высшей школе учебный процесс был фактически остановлен. Вышла из повиновения и профессура. Ее недоверие к обещаниям царизма усилилось особенно после того, как были оставлены без последствий результаты деятельности Комиссии по преобразованию высших учебных заведений, предложившей проект нового устава, основанного на принципах университетской автономии. Академические интересы начали уступать первенство интересам политическим. Революционная борьба демократических и либеральных кругов в 1905 г. знаменует качественно новый этап не только общественного развития в России, но и эволюции вопроса о реформе высшего образования; она привела к изменению положения в вузах и возврате частичной автономии университетов.

Литература

[1] См.: *Иванов А.Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 годов // Отечественная история. М., 1995. №6. С. 93.

[2] См., напр.: *Алексеев А.С.* К вопросу об университетской реформе. М., 1901. С. 1-21; *Гершуни Г.А.* Реформа генерала Ванновского. Б/м., 1902; *Емельянов Н.* Агитаторы и учащая молодежь // Русский Вестник. 1899. Т. 263. №9. Сент. С. 341-348; *Ивановский В.В.* К университетскому вопросу // Русская мысль. 1901. №5. С. 1-13; *Юзефович Б.М.* сборник статей и записок по вопросам народного образования. Киев, 1901.

[3] См.: *Георгиева Н.Г.* Теоретико-методологические и прикладные проблемы источниковедческого изучения материалов студенческого движения в России конца XIX – начала XX в. Дисс. д-ра ист. наук. Приложения. М., 1989. С. 167.

[4] Журнал Министерства народного просвещения. Официальный отдел. 1901. Май. С. 34.

[5] См., напр.: ГАРФ. Коллекция нелегальных изданий. Нелегальные молодежные издания, посвященные организации всеобщего протеста против самодержавия в Москве в 1902 г. Ф. 1741. №17735, №17736, №16117, №35421, №35421 и др.

Национализация кожевенно-обувной промышленности Курской губернии в 1918-1921 гг.

Р.А. Лантес

Курский государственный университет

Вплоть до середины XIX столетия кустарное кожевенное производство развивалось в совокупности с сапожным, но уже к началу XX века в Курской губернии сформировалась крупная кожевенная промышленность. По объемам производства выделялись заводы Лаврова, Сальмана, Зусмана. Обувное производство к этому времени широкое распространение получило в слободе Ольшанке Новооскольского уезда, заштатном городе Мирополье Суджанского уезда и слободе Орлик Старооскольского

уезда. Здесь находились довольно крупные мастерские, где применялось машинное оборудование. Частные обувные фабрики возникли позднее в губернском центре г. Курске, а именно фабрики механической обуви братьев Евдокимовых и «Пантер» [1].

В результате к 1917 г. состояние кожевенно-обувной индустрии Курской губернии в целом соответствовало общероссийскому уровню. В период с 1918 по 1922 г. в данной отрасли произошли кардинальные перемены, которые были вызваны Революцией 1917 г. в России [2].

Уже 15 апреля 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров началось приведение в жизнь «кожевенной монополии» и национализации соответствующих заводов, возложенной на Главный комитет по кожевенным делам и его исполнительные органы – Районные комитеты. Действовавший с 1918 г. Курский райкож должен был считаться с тем наследием, которое оставила в экономической жизни политическая и общественная разруха. Райкож совместно с Правлением Профсоюза кожевников и фабрично-заводскими комитетами принял решительные меры к установлению кожевенной монополии и на 14 мая 1918 г. было произведено повсеместное обследование заводов, фабрик и складов, все зарегистрированное взято на учет и послужило исходным активом национализированной кожевенной промышленности.

В конце 1918 г., благодаря активному содействию профсоюза, кустари были организованы в артели, что облегчило контроль за кустарным производством, а все работающие в артелях стали членами профессионального союза [3].

В 1919 г. Райкож, согласно постановлению Совнаркома, был переименован в автономный Губернский комитет кожевенной промышленности (Губкож) [4]. Решающим для кожевенно-обувной промышленности был 1920 г., именно в этом году была проведена национализация крупных заводов Курской губернии.

Ввиду постановления Коллегии главного комитета кожевенной промышленности от 8 октября 1920 г., протокола заседания Курского президиума Губернского совета народного хозяйства от 12 октября 1920 г., протокола заседания Правления профсоюза кожевников от 14 октября 1920 г. о национализации кожевенных заводов, Коллегия Губкожа постановлением от 14 октября 1920 г. решила провести в жизнь национализацию курских кожевенных заводов: Лаврова, «Комета», Зусьмана и Сальмана. Решено было также назначить Комиссии по приему от владельцев заводов материалов, товара, оборудования. В состав этих комиссий вошли представители от Губкожа, Правления профсоюза, рабочей крестьянской инспекции, а также фабзавкомов. Комиссия выработала общий план работ о приеме заводов и приступила к его реализации.

По результатам проведенной национализации в Курском губернском кожевенном комитете создали четыре основных отдела, ведающих главными сторонами отрасли: сырьевой, готового товара, финансово-счетный

и технический, что позволило лучше управлять процессом циркуляции кожевенного товара от производителя к потребителю [5].

Национализация завершилась в 1921 г.: в общей сложности было национализировано 12 кожевенных заводов; кустари организованы в восемь артелей. Для повышения экономической отдачи Губкожу пришлось ввести институт контролеров, которые следили за кожей на всех фазах ее выработки, но без права вмешиваться в технику производства и в оценку качества товара, лишь докладывая о недостатках в технический отдел (Губкож) [6].

Национализация заводов и институт контролеров дали быстрый положительный импульс к увеличению объемов производства и снижению коррупции в кожевенно-обувном производстве губернии. В 1921 г. начался переход к новой экономической политике. Произошло трестирование промышленности путем выделения из кожевенно-обувной промышленности крупных заводов и фабрик в объединенную самостоятельную организацию (трест), а при Государственном совете народного хозяйства Курской губернии образована кожсекция, которая регулировала данную отрасль [7].

Создав крупное промышленное объединение (Кожтрест) и ликвидировав мелкие кустарные заведения, государство стало целиком контролировать данную отрасль промышленности. Таким образом, с 1918 по 1922 г. курская кожевенно-обувная индустрия пережила переход к монополизации производства, дополненный частичной национализацией и ассоциированием промышленности, что подготовило полное огосударствление отрасли в конце 1920-х-начале 1930-х гг.

Литература

1. Государственный архив Курской области (далее ГАКО), ф. 4, оп. 1, д. 111, л. 2-7.
2. ГАКО, ф. Р-175, оп. 1, д. 1, л. 2.
3. Курский кожевник (Курск.) 1922. 30 июня. С. 10.
4. Там же. С. 11.
5. ГАКО, ф. Р-174, оп. 1, д. 42, л. 2.
6. Там же, ф. Р-175, оп. 1, д. 1, л. 1.
7. Там же, ф. Р-174, оп. 1, д. 901, л. 11.

Николай II и великий князь Сергей Александрович накануне революции 1905 г.

Г. А. Литвиненко

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Личность великого князя Сергея Александровича в научной и публицистической литературе, посвященной первому десятилетию царствования последнего самодержца, упоминается часто. Как правило, о нем говорят как об одном из самых влиятельных великих князей [1], что обуславливалось личной дружбой с Николаем II (долгое время великий князь и его жена Елизавета Федоровна были единственными хранителями тай-

ной любви наследника к Гессенской принцессе Александре, к тому же, будучи цесаревичем, Николай Александрович служил в Преображенском полку, командиром которого с 1887 по 1891 гг. являлся Сергей Александрович), высоким административным положением великого князя (он являлся с 1891 по 1905 гг. московским генерал-губернатором), а также кровным родством их супруг, — как известно, великая княжна приходилась старшей сестрой императрице. Вместе с тем, разница в возрасте в одиннадцать лет позволяла дяде Николая II давать императору советы с позиции человека старшего, более опытного, но и не создавала разрыва, свойственного отношениям людей разных поколений.

Учитывая значимость для российского исторического процесса фигуры самодержца, становится очевидной актуальность изучения характера его личных контактов, которые при определенных обстоятельствах могли оказывать влияние на внутреннюю политику, проводимую правительством. В этой связи отношения Николая II с великим князем Сергеем Александровичем представляют для историка несомненный интерес. Нужно отметить, что до сих пор нет ни одной специальной работы, затрагивающей характер и динамику этих взаимоотношений, что определяет научную новизну подобного исследования.

Источником первостепенной важности для изучения контактов императора с великим князем является их переписка. Письма Николая II Сергею Александровичу отложились в личном фонде великого князя [2], соответственно, письма дяди императору хранятся в личном фонде последнего [3]. Анализ данного источника дает представление не только о характере и развитии взаимоотношений самодержца с дядей, но и об их взглядах на различные вопросы внутренней политики, дополняет их личные портреты.

Переписка показывает, что, несмотря на постоянную поддержку Николая II великим князем, бывали моменты, когда Сергей Александрович достаточно резко показывал свое недовольство конкретными политическими мерами. Так, в письме от 15 марта великий князь резко высказал свое недовольство циркуляром Министра внутренних дел Д. С. Сипягина от 13 марта, в котором разбирались действия полиции во время беспорядков в разных городах. Московский генерал-губернатор принял замечания в адрес полиции, содержащиеся в циркуляре, на счет московского обер-полицеймейстера Д. Ф. Трепова и, как следствие, на свой, в свою очередь выразил в резкой форме недовольство подобными действиями министра внутренних дел и даже попросился у императора в отставку. Наибольшее недовольство Сергея Александровича вызвало то, что циркуляр имел публичный характер. По этому поводу он писал: «...но, скажем даже, что действия мои и обер полиц. были ниже всякой критики, разве теперь время их критиковать (подчеркнуто в тексте — Г.Л.) и подрывать наш авторитет?» Уже 20-го марта, не получив еще ответа от Николая II, великий князь, видимо, почувствовал, что «переборщил» и решил «отыграть обратно», написав письмо, в котором пытался сгладить резкий тон своих высказываний [4]. Однако в тот же день императором уже был отправлен от-

вет на письмо. Николай II объяснял, что циркуляр написан по его приказу, а также, что им не может быть подорван авторитет местной власти. По поводу возможной отставки генерал-губернатора он писал: «Извини, друг мой... Служба вещь тяжелая, я это первый знаю, и она не всегда обставлена удобствами и приятностями, благодарностями и наградами...» Относительно публичности циркуляра было сказано следующее: «По моему, действительно сильное правительство именно сильно тем, что оно, открыто сознавая свои ошибки или промахи, тут же приступает к исправлению их, ни сколько не смущаясь, что подумают или скажут»[5]. Подобный назидательный тон по отношению к дяде был прежде несвойственен Николаю II. Возможно, эта перемена в отношении к дяде была связана с личной дружбой императора с Д.С. Сипягиным (против которого, по утверждению современников, великий князь интриговал[6]) и объяснялась попыткой «защитить» Министра внутренних дел.

Постоянные волнения студенчества в Москве и видение причин надвигающейся смуты в ненадлежащем образом поставленном народном образовании заставляли Сергея Александровича уделять внимание кадровым назначениям в этой области. Так, после убийства Министра народного просвещения Н.П. Боголепова великий князь просил императора не назначать на этот пост В. И. Ковалевского (товарища министра финансов) в связи с его «красными» взглядами, предлагая в свою очередь на этот пост Н.Д. Сергеевского (начальника отделения Свода законов Государственной канцелярии)[7]. Николай II ответил Сергею Александровичу, что Ковалевский как кандидат на пост министра народного просвещения даже не рассматривался[8]. Этот факт свидетельствует об отсутствии у великого князя надежных источников информации в бюрократической среде. Нужно отметить, что это не единственный случай, когда Сергей Александрович под воздействием слухов обращался к императору с просьбами.

Великий князь достаточно ясно чувствовал надвигающуюся смуту, полагая, что единственный способ ее избежать — твердые последовательные действия. В своих письмах императору он часто говорил о необходимости жестких мер. Весной 1901 г. Сергей Александрович писал Николаю II: «Признаюсь тебе, мне очень трудно, веяния не хорошие, проявления прямо революционные — нужно называть вещи их именами без иллюзий. Время напоминает мне скверные времена моей молодости! Твердо, круто, сильно нужно вести дело, чтоб не скользить дальше по наклонной плоскости»[9].

В исследовательской литературе и воспоминаниях современников существует мнение о том, что назначение А. Г. Булыгина министром внутренних дел было инициировано Сергеем Александровичем. Однако в конце 1904 г. великий князь в письме императору от 14 декабря высказался против этого назначения, считая Булыгина не подходящим для кризисного управления. Вместо него Сергей Александрович предложил члена Государственного Совета С. Ф. Платонова, который в бюрократиче-

ской среде как возможный кандидат на пост министра не рассматривался, и, вообще, учитывая традиции кадровой политики, едва ли мог быть назначен на эту должность (послужной список Платонова никак не давал оснований для такого назначения)[10]. Подобный факт свидетельствует о незнании великим князем существующих политических реалий.

Приведенные факты позволяют отметить некоторые особенности видения великим князем Сергеем Александровичем политической ситуации в стране и некоторые аспекты его взаимоотношений с императором Николаем II, а также наметить направление дальнейших исследований.

Литература

- [1] Кризис самодержавия. 1895 – 1917. Л., 1984. С. 22.
- [2] ГАРФ Ф. 648. Оп. 1. Д. 70-71.
- [3] ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340-1341.
- [4] ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 59 – 65об.
- [5] ГАРФ Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 55 – 57.
- [6] С. Д. Шереметьев. Мемуары. Т. 1. М., 2004. С. 556.
- [7] ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 53 – 57.
- [8] ГАРФ Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 60.
- [9] ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 56об. – 57.
- [10] ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 149 – 150об.

К вопросу о положении русскоязычного населения Латвии в XX веке

И. В. Мостинский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Процесс формирования русскоязычного населения в Латвии происходил на протяжении почти десяти веков – с X до XX века. Русские жили в Прибалтике еще до прихода туда немцев. Латышское слово «krievs», обозначающее «русского» происходит от названия восточнославянского народа – кривичи. Можно выделить несколько основных этапов формирования русскоязычного населения в Латвии.

Первый этап – период до XVIII в. В это время шло увеличение числа русских, преимущественно за счет купцов, торговавших в прибалтийских городах и оседавших по берегам Западной Двины (Даугавы) и Гауи. Существенную роль сыграл приток старообрядцев [1].

Второй этап связан с вхождением части территории нынешней Латвии в состав Российской Империи (1721–1918 гг.). Если в XVIII в. увеличение числа русских в основном было вызвано притоком беглых крестьян из западных регионов России, то со второй половины XIX в. начинается государственная колонизация Прибалтики.

Третий этап – годы независимого развития Латвии (1918–1940 гг.).

Четвертый этап – советский период (1940–1991 гг.).

Пятый (современный) этап начался в 1991 г. после выхода Латвии из состава СССР и продолжается до сих пор.

В представленном материале рассматриваются последние три этапа.

В 1918 г. была провозглашена Латвийская Республика. Уже в первые годы независимости положение русского населения значительно ухудшилось. Русские крестьяне, проживающие преимущественно на приграничных территориях, лишились традиционных рынков сбыта своей продукции. Преподавание русского языка в школах являлось предметом жарких споров и дискуссий. Часть депутатов Сейма выступала за полное его запрещение и удаление из латышской школы. Крайне правые круги видели в русском языке и русской культуре влияние советской власти. Крайне левые, наоборот, видели в них возвращение к великодержавности, которая держит в рабстве молодое поколение независимой Латвии. За русский язык выступали только либералы и коммунисты. Первые с прагматических позиций, так как в Латвии необходимо знать языки соседних государств, с которыми страна связана экономически. Вторые стремились к единению с Советской Россией. В защиту русского языка выступал и министр просвещения, народный поэт Янис Райнис [2].

После государственного переворота К. Улманиса в мае 1934 г. права национальных меньшинств в Латвии были существенно ограничены. Началась их быстрая ассимиляция в латышскую среду. В 1935 г. все русские гимназии были объединены в одну — Рижскую русскую правительственную гимназию. К этому же времени относится закрытие всех русских общественных организаций политической направленности.

В период между Первой и Второй мировыми войнами русские составляли в среднем 9% населения Латвии и проживали преимущественно в Латгалии [3]. По данным переписи населения 1935 г. русских в Латвии было 206 499 чел. (10,59%).

В советский период увеличение населения Латвийской ССР в значительной мере происходило за счет миграции из других республик. Особенно резкий сдвиг в этническом составе населения произошел после Великой Отечественной войны. Восстановление разрушенных войной предприятий и развитие народного хозяйства требовали массированного привлечения трудовых ресурсов. В ЛатССР приехало большое количество рабочих из сопредельных сельских районов РСФСР и БССР, в основном из Калининградской, Псковской, Смоленской и Витебской областей. С 1959 по 1979 гг. доля русских в Латвии увеличилась с 26,6 % до 32,8%, а белорусов — с 2,9% до 4,5%.

Прибалтийские республики являлись одним из наиболее динамично развивающихся регионов СССР. Их портовые города на побережье Балтийского моря традиционно обслуживали значительную часть внешне-торгового оборота страны. Наряду с экономическим фактором, механический прирост населения происходил и благодаря размещению на западных границах Советского Союза значительного количества воинских частей Советской Армии и Военно-Морского Флота, что стимулировало бурное развитие обслуживающей инфраструктуры, в том числе предприятий ВПК. Накануне распада СССР русские в Латвии были заняты в промышленности больше, чем титульное население. Перекос в сторону

индустриального труда был характерен и для русской интеллигенции, среди которой самую большую группу представляли инженерно-технические работники.

После провозглашения независимости в 1991 г. Латвийская республика стала строиться как моноэтническое государство и проводить политику вытеснения русскоязычного населения на «историческую родину». Треть населения страны была лишена гражданства, ему было отказано в предоставлении многих политических и экономических прав, сужена культурная автономия. Были установлены многочисленные существенные различия в правах между гражданами и негражданами (58 позиций), перечень запретов на профессии и занятие различных должностей, существенно ограничена сфера применения русского языка, взят курс на демонтаж системы русского образования. С 1 сентября 2004 г. в школах национальных меньшинств 60% предметов преподаются на государственном (латышском) языке и только 40% на родном.

В настоящее время русских в Латвии проживает 741 тыс. человек, что составляет 30,4% населения страны. Из их числа 289 тыс. — граждане Латвии (16,3%) и 452 тыс. — неграждане. Помимо этого в Латвии проживают 104 тыс. белорусов и 68 тыс. украинцев, из них гражданами являются 21 тыс. (1,2%) и 4,7 тыс. (0,2%) соответственно. После 1991 г. из Латвии выехало около 150 тыс. человек. К настоящему времени миграционный отток сильно сократился, т.к. большинство желающих уехать сделали это в начале 1990-х гг. [4] Темпы натурализации (получения гражданства) остаются крайне низкими: с начала процесса в 1995 г. по июнь 2002 г. латвийское гражданство получили лишь около 52 тыс. человек, т.е. менее 8% из 650 тыс. неграждан. Среди основных причин — требования к знанию языка, трактовка отдельных периодов истории, в частности, взаимоотношений с Россией (тезис о «советской оккупации» и др.), психологическое неприятие процесса натурализации и ограничения по политическим мотивам.

В последние годы в латвийском обществе проявились разнонаправленные тенденции. С одной стороны, под воздействием этнопсихологических и внутривнутриполитических факторов закрепляются дискриминационные подходы к проблеме участия русскоязычного населения в делах государства. С другой стороны, под воздействием внешнеполитических факторов предпринимаются попытки снять остроту данной проблемы, отменив ряд одиозных положений в законодательстве и предложив некую программу социальной интеграции неграждан. Вместе с тем, уступки в вопросе о гражданстве компенсируются усилением давления на нелатвийской средствеми лингвистической и образовательной политики. Всё это позволяет говорить о сохранении в Латвии в ближайшие годы сегрегированного общества с ощутимой этносоциальной напряженностью.

Литература

[1] Федосова Э.П. Формирование русского населения в Латвии (XVIII — XIX вв.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Кн. 1. М.-Иркутск, 1997. С. 89-90.

[2] Инфантьев Б.Ф. Русский язык и литература в латышских школах 20–30х годов // Русские в Латвии: история и современность. Вып.2. Рига, 1997. С.106-109.

[3] Зепа Б., Устинова М.Я. Интеграция русских в Латвии // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997. С.222.

[4] Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. С.438.

Образ дореволюционной профессуры украинских университетов в «зеркале» советской публицистики 1920 – начала 1930-х гг.

А. Ю. Парфиненко

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина)

«Существует только три профессии, представители которых удостоены носить мантию: священник, судья и ученый. Мантия символизирует то, что ее носители наделены зрелостью ума, независимостью суждений и ответственностью перед собственной совестью и Богом. Это означает внутреннюю независимость всех этих трех профессий: их обязанность – быть последними, кто позволит себе действовать принужденно и поддаваться давлению снаружи [1, С. 7]. Именно так характеризовал носителей мантии, в том числе, профессуру Генри Розовски. Такое же представление о профессуре бытовало в общественном сознании социально – ранжированного дореволюционного общества, где ученая степень также имела табельно-должностной статус. Представители ученого сословия, призванные утверждать истинное и отвергать ложное, практически всегда находились на гребне прогресса, нередко сами становились инициаторами реформ и демократических преобразований общества. С приходом к власти большевиков и началом реформы высшей школы в Украине, отношение к дореволюционной профессуре резко изменится. Высокий социальный статус, сам образ профессуры казались незыблемыми, однако общественное мнение существенно изменилось, и социальный статус профессуры был девальвирован. Все это нашло отражение в периодической печати того времени. В историографии, к сожалению, анализ образа дореволюционной профессуры, который возник в общественном сознании в первые годы советской власти, отсутствует. Реконструкция данного образа и является целью настоящей работы. И для этого мы обратимся к анализу публицистики тех лет.

Прежде всего, заметим, что еще задолго до 1917 г. в революционной публицистике начинал вызревать и формироваться негативный образ университетской профессуры. Недовольство, главным образом, вызывал призыв либеральной профессуры к учебе и «чистой науке». Тогда как большевики призывали к революционной деятельности. Профессура начала изображаться как пособник ненавистного режима. Но все-таки, подобные оценки встречались редко, тогда как с началом 1920-х гг. они становятся широко распространенными [см. 2].

Еще в большей мере это относится к профессуре украинских университетов. Известно, что в Украине начатая большевиками реформа высшей школы увенчалась ликвидацией университетов и созданием на их базе профильных институтов. Что профессурой, со слов публицистов, было воспринято «в штыки». В периодике неоднократно писалось, что «старые теоретики» образования оказывали «сопротивление» [3, С. 12]. Отмечалось, что вся «косность академической мудрости» была направлена против реализации этого плана [4, С. 48]. Таким образом, уже в начале 1920-х гг. в публицистике начинает складываться образ профессора – врага, который саботирует все мероприятия советской власти. При тщательном анализе публицистики среди форм профессорского сопротивления можно выделить две – открытые и скрытые. К числу первых можно отнести сходки части студенчества из, как говорили, «белоподкладочников» и интеллигентов с «неоформившейся идеологией» (что характерно для начала 1920-х гг.), проходившие, со слов реформаторов, при поддержке «реакционной профессуры». К скрытым формам сопротивления можно отнести «консерватизм», «замкнутость», «вредительскую», а порой и «контрреволюционную» деятельность. Хотя последняя экспликация не имела. Впрочем, с трудом поддаются экспликации и остальные формы враждебной деятельности.

Весомая доля критики профессуры сосредоточена на их пособничестве эксплуататорам, что, со слов публицистов, выражалось в идеологическом обосновании господства буржуазии и дворянства. Иногда профессоров характеризовали даже как «агентов правящих классов». Особое недовольство вызывал преподавательский состав юридического и историко-филологического факультетов, которых реформаторы отнесли к числу прямых «апологетов самодержавия».

Корпоративные права преподавательского состава университетов также вызывали негодование новой власти. Критикуя замкнутость ученого сословия, реформаторы сравнивали их с замкнутостью священников и служителей культов, называя профессуру «жрецами науки». Со слов Я. П. Ряппо их: «выделяли в особую корпорацию или касту людей, с особыми традициями, почетом и привилегиями» [5, С. 18].

Называя университеты «святой обителью науки», а профессоров «жрецами» [6, С. 22], соответственно характеризовали уровень их профессионализма и всю систему обучения. Аксиоматичным стало утверждение, что университетская наука в последние перед революцией годы практически не дала стоящих внимания трудов. Сама обстановка в бывших университетах виделась авторам работ не творческой и созидательной, а «казенной» и «затхлой» [7, С. 11]. Обвиняли профессуру и в «академизме», критерием которого была оторванность от жизни, от практических задач.

Оторванность от жизни ставилась в особый укор профессуре. По словам публицистов, придание университетам педагогического профиля было встречено профессурой нескрываемым протестом. Что рассматривалось реформаторами как нежелание заниматься разрешением практиче-

ских задач, в данном случае, подготовкой педагогов. Следует сказать, что социальный негативизм по отношению к профессуре подпитывало и характерное для тех лет неуважительное отношение к интеллигенции. Интеллектуальный труд рассматривался в дореволюционном социально — стратифицированном обществе как привилегия господствующего класса. Физический труд считался уделом черни. С приходом новой власти интеллектуальный вид трудовой деятельности оказался в наименьшем почете. Нередко лекция рассматривалась как бесполезное славословие.

Подводя итог, нужно сказать, что в целом, создаваемый украинской советской периодикой негативный образ дореволюционной профессуры — представителей «старой» университетской системы, принципиально отвергал возможность ее использования. Такой образ явился важным аргументом для создателей украинской модели просвещения. Нельзя не заметить, что в «зеркале» публицистики отразились и определенные общественные стремления. У значительной части рабочих и крестьян такая критика профессуры находила поддержку, поскольку в условиях дореволюционного общества профессура представляла элемент системы социального неравенства — университет, доступ в который был открыт, как известно, далеко не всем. Возможно, что критика профессуры и была рассчитана на то, чтобы сыграть на настроениях революционной части общества, заручившись, тем самым, поддержкой для проведения данных реформ. Интересно, что со временем созданный публицистикой образ дореволюционной профессуры перейдет и на страницы историографии. Долгое время он будет даже определяющим.

Литература

1. Цыт. по: Марія Зубрицька Філософський дискурс ідеї університету: в складних лабіринтах пошуку істини // Ідея Університету: Антологія. — Львів, 2002. — С. 3-10.

2. Посохов С. І. Криза старого університету в українській публіцистиці 1920-х рр. // Наукові праці Кам'янець — Подільського державного університету. — Т. 12. Історичні науки. — Кам'янець — Подільський, 2004. — С. 197-204.

3. Ряппо Я. Короткий нарис розвитку української системи народної освіти. — Х., 1927.

4. Гринько Г. Очерк истории и системы профобра // Путь просвещения. — 1923. — №6. — С. 1-50.

5. Ряппо Я. П. Об управлении высшей школой // Путь просвещения. — 1924. — №4-5. — С. 18-28.

6. Шелест Н. Комсомол і наукова робота // Студент революції. — 1929. — №12. — С. 20-24.

7. Бідний В. Вітаємо перше десятиріччя робфаків // Студент революції. — 1929. — №1-3. — С. 11-13.

Образование Могилёвской римско-католической митрополии (1783)*М.А. Попов**Белорусский государственный университет. Республика Беларусь*

Первый раздел Речи Посполитой внёс существенные коррективы в территориально-административную структуру Римско-католической Церкви в Беларуси. В состав России были включены приходы Смоленской, Виленской и Инфлянтской епархий. Поставив целью своей «белорусской» политики полное административное слияние новоприсоединённых земель, Екатерина II пошла на ломку старой территориальной структуры Римско-католической Церкви. 14 (25) декабря 1772 г. была создана Белорусская епархия, которая объединила в своих границах все римско-католические приходы Российской империи. Через год 22 ноября (3 декабря) 1773 г. белорусским епископом был назначен виленский каноник Станислав Богуш-Сестренцевич. Но на всём протяжении своего 10-летнего существования Белорусская епархия так и не получила канонического утверждения со стороны Святой Столицы. Камнем преткновения служило упорное нежелание правительства изменить наиболее противоречащие церковному праву положения Регламента 12 (23) февраля 1769 г., согласно которому спорные дела между прихожанами и священником разбирались не церковным судом, а светским органом — Юстиц-коллегией Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел при Сенате.

Станислав Сестренцевич неоднократно пытался получить каноническую апробацию Рима на назначение его Белорусским епископом. Все его попытки были безрезультатными. Тщетность собственных усилий все более и более «отдаляла» белорусского епископа от Рима. Все меньшим становилось его желание защищать интересы «центра». Покорность и усердие епископа при открытии новициата иезуитов понравились Екатерине II и вызвали у неё желание отблагодарить Сестренцевича. Епископ желает получить каноническую санкцию. Он её получит. В ход был пущен самый действенный способ дипломатии — шантаж. Екатерина решила разыграть «униатскую» карту.

В 1780 г. стало вакантным место главы греко-католиков в России — полоцкого архиепископа. Екатерина II воспользовалась ситуацией. 2 июля 1780 г. она издаёт указ, по которому для управления Униатской Церковью создается консистория из 3 человек, и возобновляет процесс возвращения униатов в православие. В 1781 г. могилевский епископ Георгий Конисский сообщил о присоединении к православию более 85 тысяч греко-католиков [1]. Встревоженный папа Пий VI 16 сентября 1780 г. направил российской императрице письмо, в котором просил о значении архиепископа в Полоцк. 31 декабря Екатерина ответила папе через варшавского нунция Архетти. В своем письме она оправдывала создание консистории и потребовала назначения Станислава Сестренцевича архиепископом и наделение его паллиумом [2].

Письмо Екатерины II вызвало в Риме испуг. Российская императрица не двусмысленно требовала создания в Российской империи митрополии и

назначение тяжело провинившегося перед Римом Сестренцевича её главою. При этом никаких обещаний по поводу назначения Полоцкого архиепископа. Кардинал Паллавичини стоял перед трудным выбором. Назначить Сестренцевича митрополитом означало многочисленные протесты со стороны «бурбонских» дворов. Не назначить — означало ставить под удар Униатскую Церковь и злить российскую императрицу.

Начались переговоры. Папа надеялся, что императрица, в замен за согласие создания в России отдельной церковной провинции, откажется от кандидатуры Сестренцевича.

Неожиданно для себя, Рим нашел мощного союзника в лице Григория Потемкина. Один из его любимцев Иван Иванович Михельсон однажды представил всесильному фавориту своего родственника католического священника Яна Бениславского. Тот своей искренней верой, набожностью и душевной открытостью так понравился Потемкину, что тот вскоре предложил ему возглавить Римско-католическую Церковь в Российской империи.[3] Однако Бениславский отказался.

Не дожидаясь согласия Рима, Екатерина II 17(28) января 1782 г. подписала указ [4], согласно которому в границах всей Российской империи было образовано Могилевское архиепископство и его главою назначен Станислав Сестренцевич.

Двумя днями позже 19 (30) января она оповестила папу о своих действиях и попросила его ратифицировать свой указ. Угрозы императрицы ликвидировать Католическую Церковь в России заставили Пия VI пойти на уступки и согласиться с требованием императрицы. В конце 1783 г. в Санкт-Петербург приехал варшавский нунций Джованни Архетти. Зная о желании Потемкина, Рим в инструкции от 19 октября 1782 г., присланной нунцию, советовал ему предложить российской императрице согласиться на назначение архиепископом Могилевским Яна Бениславского. В случае её согласия предполагалось добиться у короля Станислава-Августа Понятовского разрешения на перевод Станислава Сестренцевича на кафедру одной из епархий Речи Посполитой.[5]

Практически одновременно с нунцием в Санкт-Петербург прибыл Станислав Сестренцевич. Архетти вынужден был признать, что другой кандидатуры, кроме кандидатуры епископа Mallo не было. Острота ума, свободное владение несколькими иностранными языками, исключительная вежливость и приветливость Станислава Сестренцевича очаровали российскую аристократию. Его литературные и научные способности ценили сами российская императрица и Григорий Потемкин. Неосторожно оброненное слово, направленное против Сестренцевича, могло вызвать бурю негодования. Исключительная набожность и серьёзное отношение епископа к исполняемым им обязанностям расположили к нему нунция. В своих депешах в Рим он пишет, что о нем сложилось слишком предвзятое мнение.

Торжественная передача архиепископского палиума состоялась в недавно освященном костеле Святой Екатерины.

Юридические тонкости были решены декретами «Pastoralis sollicitudo» 8 (19) декабря 1783 г. и «Ad majorem fidei Catholicae» 10 (21) декабря 1783 г., которые канонически утвердили новую церковную провинцию и возвели Станислава Сестренцевича в архиепископское достоинство [6]. Новый архиепископ получал все права и обязанности, которые были предусмотрены существующим римско-католическим церковным правом. За полное удовлетворение своих требований Екатерина II щедро наградила посла папы: добилась для него кардинальского титула, подарила при отъезде соболью шубу, богато украшенный крест стоимостью в 10 000 рублей и денежную сумму в 7 200 рублей «на путевые издержки». 17(28) апреля 1784 г. именным указом Екатерина II утвердила все грамоты и акты, выданные нунцием Архетти.[7]

На придании Сестренцевичу архиепископского достоинства Екатерина II решила не останавливаться. С ответной миссией в Рим был направлен князь Н.Б. Юсупов. Главной целью его посольства являлось добиться кардинальской шапки для могилевского митрополита. Однако намерениям императрицы не суждено было осуществиться. Слишком велико было недоверие Курии к «церковному сепаратисту», а также страх перед Бурбонами, которые не могли простить Сестренцевичу легализации новициата иезуитов. Чтобы избежать оскорбительного отказа решили сослаться на то, что не принято назначать кардиналов в не католических странах.

Таким образом, в 1783 г. Станислав Сестренцевич, наконец, получил каноническое утверждение со стороны Рима. Его преданность российской императрице была ею по заслугам оценена. Сестренцевич получил больше, чем ожидал. Он был возведен в архиепископский сан и стал во главе новой, самой обширной церковной провинции в мире.

Литература

- [1] Канфесіі на Беларусі. Мн., 1998. С.6-7.
- [2] Brumanis A.A. Aus origins de lahierarchy latine en Russie Mgr. Stanislas Siestrzencewicz – Bohusz. Premier archevêque – métropolitain de Mohilev (1731-1826). Louvain, 1968. P.108.
- [3] Szantyr S. Zbiór wiadomości o Kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskim. Część 1. Poznań, 1843. S.51-52.
- [4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXI. СПб., 1830. С.383-385.
- [5] Loret M. Kościół katolicki a Katarzyna II 1772-1784. Kraków, 1910. S.178.
- [6] Акты и грамоты о устройстве и управлении Римско-католической Церкви в Российской империи и Царстве Польском. СПб., 1849. С.1-28.
- [7] Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXII. СПб., 1830. С.105-133.

Проблематика русско-бранденбургских переговоров и заключение Рижского договора 1656 г.

П. И. Прудовский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Дипломатические отношения России и Бранденбургского курфюршества (которому также принадлежало герцогство Пруссия), завязавшиеся в 1650 г., достигли высокой степени интенсивности в период русско-польской (1654 – 1667 гг.) и русско-шведской (1656 – 1661 гг.) войн, особенно в 1654 – 1656 гг.

Посольством Ф.Ф.Порошина (июль 1654 г.) Россия безуспешно требовала от Бранденбурга неучастия в начинавшейся русско-польской войне. Посольство Л.Киттельмана (сентябрь 1655 г.), обещав полный нейтралитет в войне России с Польшей, добились гарантий неприкосновенности прусских владений курфюрста для русских войск, вышедших в ходе завоевания Литвы к прусской границе. В первой половине 1656 г., когда Россия переориентировалась на соглашение с Польшей и войну со Швецией, в Бранденбург была направлена миссия кн. Д. Е. Мышецкого (май 1656 г.) с не встретившим понимания предложением союза против Швеции. Ответное посольство барона И. К. фон Эйленбурга (сентябрь 1656 г.) увенчалось заключением договора о нейтралитете 22 – 24 сентября (2 – 4 октября нов.ст.) 1656 г. в лагере русских войск, осаждавших Ригу [2]. Параллельно в сентябре 1656 г. (отправлено в августе) состоялось не имевшее последствий посольство дьяка Г.К.Богданова, требовавшего от курфюрста сменить польского сюзерена на российского (Пруссия была леном польской короны). Состоялся также ряд менее значимых посольств [1; 5].

Фактография русско-бранденбургских контактов достаточно полно изучена как цепь меняющихся от посольства к посольству состояний, связанных с динамикой внешнеполитического курса и положения обеих стран [3; 4]. Попытка отвлечься от частных и увидеть константы отношений России и Бранденбурга и более абстрактную структуру их взаимодействия приводит к анализу проблематики переговоров.

Преимущество в постановке и обсуждении ряда вопросов позволяет говорить о наборе основных тем, более или менее устойчиво присутствующих в русско-бранденбургских отношениях. Формирование такого набора показывает, что контакт двух государств не ограничивался сиюминутными политическими расчетами, но конституировался как элемент системы их внешних связей и, таким образом, включался в общую систему международных отношений, складывавшуюся в Европе.

Основными для данной работы являются два уровня проблематики: тема (взятая независимо от ее конкретного раскрытия на переговорах) и ее отдельные варианты (даются в порядке их появления).

1. Польский вопрос имеет три основных варианта. **1А.** Русское требование не оказывать помощи Польше в ее войне с Россией (посольства Ф.Порошина и Л.Киттельмана) и сначала отказ дать такие гарантии (во

время посольства Ф.Ф.Порошина), а затем согласие выполнять это требование (миссия Л.Киттельмана), что было зафиксировано в Рижском договоре. **1В.** Предложение курфюрстом бранденбургского посредничества между Россией и Польшей, переданное через Порошина, а затем Киттельмана, и отказ от этого предложения. Мышецкий проинформировал курфюрста о начале русско-польских переговоров. **1С.** Формально не мотивирован русско-польскими отношениями (хотя его содержание определялось именно ими): русское требование, чтобы курфюрст перешел «в подданство» к царю на тех же условиях, на каких был «в подданстве» у польского короля (миссия Г.К.Богданова, сентябрь 1656 года).

Варианты о неоказании помощи Польше и о мирном урегулировании русско-польского конфликта обсуждались на протяжении русско-польской войны. Включение первого в Рижский договор отражало не актуальную ситуацию, а было нацелено на возможное развитие событий в будущем. Третий вариант был связан с русским проектом избрания царя на польский престол и подчинения всей Речи Посполитой и зависимых от нее государств. Во всех изменениях трактовки польского вопроса прослеживается корреляция с развитием внешнеполитического курса России. Внешняя политика Бранденбурга как активный фактор воздействовала лишь на второй вариант вопроса, что отражало стремление курфюрста в 1654-1655 гг. к прекращению русско-польской войны и сохранению силы Польши для того, чтобы та могла служить противовесом Швеции.

2. Шведский вопрос имеет четыре основных варианта. **2А.** Предложение союза против Швеции (Л. Киттельман с бранденбургской стороны, затем Д. Мышецкий и русские представители на переговорах с Эйленбургом). Ни одно из этих предложений не было успешным. **2В.** Обсуждение вопроса об отношениях Бранденбурга и Швеции. Впервые об их союзе (антипольский с начала 1656 г.) стало известно Мышецкому. Эйленбург постарался представить союз со Швецией в наименее компрометирующем виде, как соединение, ничем не грозящее России. **2С.** Русское требование и бранденбургское обязательство не оказывать никакой помощи Швеции против России (переговоры Мышецкого и Эйленбурга и Рижский договор). **2Д.** Бранденбургское предложение о посредничестве между Россией и Швецией и фактический отказ России (миссии Мышецкого — еще до начала русско-шведской войны — и Эйленбурга).

Учитывая, что отношения России и Бранденбурга к Швеции большую часть времени были противоположны, единственным прочным результатом обсуждения шведского вопроса стало обязательство курфюрста не помогать Швеции против России.

3. Вопрос о бранденбургском посредничестве (между Россией и Польшей — 1В и Россией и Швецией — 2Д) обсуждался в ходе миссий Порошина, Киттельмана, Мышецкого, Эйленбурга, но остался на стадии слабо предварительного обсуждения.

4. Вопрос о статусе контрагента (Порошин, Киттельман, Мышецкий, Богданов, Эйленбург) связан как с более низким по сравнению с коро-

нованными особами положением курфюрста в иерархии европейских государств, так и с его вассальной зависимостью от польского короля. Следствием этого была постановка вопроса 1С, но после заключения Рижского договора тема «подданства» исчезла из проблематики русско-бранденбургских отношений.

5. Вопрос о форме урегулирования русско-бранденбургских отношений.

5А. Союз (Киттельман, Мышецкий, оба раза — антишведский). **5В.** Подчинение Бранденбурга России (Богданов и зондирование на переговорах с Эйленбургом). **5С.** Нейтралитет как основной вариант (Порошин, Киттельман, Эйленбург). Весной — летом 1656 г. нейтралитет предусматривался только как запасной вариант: в России считали нужным и достижимым заключение более тесного соглашения с Бранденбургом, хотя причины и условия в обоих случаях были разными (Мышецкий в связи с поисками союзников против Швеции — 2А, Богданов в связи с проектом подчинения Речи Посполитой — 1С).

Выделяется группа посольств, наиболее близких по проблематике; в рамках этих посольств ряд вопросов рассматривался в преемственности. Это посольства Порошина, Киттельмана, Мышецкого, Эйленбурга, обнаруживающие сходство, несмотря даже на то, что первые два происходили во время русско-польской, а следующие — во время русско-шведской войны. Общим для них являются вопросы о неоказании помощи врагам контрагентов и нейтралитете (именно на таких условиях был заключен договор под Ригой), а также направленные не на преобразование внешней действительности, а на поддержание контакта вопросы о посредничестве и статусе.

Проблема нейтралитета является ключевой для общих принципов, по которым строились русско-бранденбургские отношения. Россия добивалась нейтралитета от Бранденбурга, что было для нее необходимо как элемент дипломатического обеспечения войн, которые она тогда вела, и других своих дипломатических акций (проекта об избрании царя на польский престол), и предлагала либо придерживаться политики невмешательства, либо (вторичный вариант) оказывать России поддержку. Бранденбург не имел достаточного политического веса, чтобы настаивать на невмешательстве России в конфликты, в которых он участвовал, поэтому его стремления заключались в том, чтобы Россия, воевавшая с государствами (Польша и Швеция), с которыми курфюрст был так или иначе связан (вплоть до союза), не распространяла свою вражду к этим государствам на него, и добивался согласия на сохранение за ним статуса нейтрального государства.

Это свидетельствует об отчужденности контрагентов друг от друга, их нежелании идти на тесные контакты и о стремлении не дать связать себя требующими серьезных ограничений обязательствами. Не желая конфронтации и, за редкими исключениями, не желая прочного соединения, стороны должны были, находясь в разных политических лагерях, прила-

гать серьезные усилия для сохранения и поддержания нейтралитета, в итоге закрепленного Рижским договором.

Литература

- [1] РГАДА. Ф.74. Оп.1. Кн.2; 1654. № 1; 1656. №2; 1656. № 5.
 [2] Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных древнею Россиею с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 5.
 [3] Форстен Г.В.. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. № 6, 7, 8, 9.
 [4] Forstreuter K. Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen, 1955.
 [5] Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1872. Bd. 6; Berlin, 1884. Bd. 8.

Россия в планах и делах Наполеона III. 1851 – 1853 гг.

Л.А. Пухова

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

2 декабря 1852 г. Луи-Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором Франции Наполеоном III. Усилия российского правительства и попытки отговорить его от этого мероприятия провалились. А уже через совсем короткий промежуток времени начнется сначала русско-турецкая война, а затем и Крымская война. Как вел себя Наполеон III, какого реванша хотел он от России за поражение своего дяди в 1815 г. и как это желание реванша влияло на его политику?

Незадолго до провозглашения империи во Франции Николай I адресовал Луи-Наполеону собственноручное письмо. Но оно опоздало. Конечно, французский император мог бы ответить на него, однако этому помешал Друэн де-Люис, заявив, что не подобает императору отвечать на письмо, адресованное принцу-президенту [1]. Император же российский ожидал ответа на свое письмо. Вместо него, однако, чрезвычайный курьер привез сообщение о провозглашении принца императором. Ответа же на письмо так и не было. На полученном известии о провозглашении империи во Франции Николай написал: «Очень хорошо; мое мнение называть его Louis-Napoléon, Empereur des Français и только. Если он будет сердиться, тем хуже для него; а если он станет дерзить, Киселев покинет Париж» [3]. Российский император не был склонен идти на переговоры по поводу титула нового «Императора французов», а с титулом напрямую связан и другой вопрос – форма обращения между двумя государями в личной переписке.

Сначала три кабинета – российский, прусский и австрийский – приняли единую форму обращения к новому французскому императору – «sire et bon ami» [4]. Однако немецкие дворы в скором времени «одумались» и приняли традиционную формулу. Таким образом, Николай I оказался одинок в нежелании обращаться к Наполеону III должным образом. В результате небольшой дипломатической борьбы 5 января француз-

ский император созвал совет министров и объявил, что он принимает все преподнесенные ему верительные грамоты, в том числе и российскую, изящно высказав идею о том, что друзей мы выбираем сами.

Однако самым главным для обеих сторон стало расхождение во взглядах на проблему так называемых Святых мест. Л. Тувенель утверждает: «Поднимая этот вопрос, принц Людовик-Наполеон совершенно не подозревал последствий, которые могут повлечь за собой его требования. Мысль о возможном столкновении с Россией вовсе не являлась в представлении принца и его советников Истина заключалась в том, что поддержка клерикальной партии была нужна для внутренней политики принца Людовика-Наполеона» [5]. И действительно, сразу после переворота 2 декабря 1851 г. (став президентом на 10 лет) Луи-Наполеон сам высказался в том смысле, что французский посланник в Константинополе преступил свои инструкции, требуя невозможного. Однако по мере обострения личных отношений уже между двумя императорами ситуация начала усугубляться. Российский император тоже это видел: «Думаю, что L.-Napoléon будет на меня очень зол (по поводу «frère»), хотя явно, может быть, и не покажет, но искать будет вредить из-под руки. Уже и теперь видно его дурное влияние в Царьграде по делам Святых мест» [6].

Примечательно, что еще незадолго после декабрьского переворота Тувенель, бывший тогда посланником Франции в Мюнхене, писал директору архива Министерства иностранных дел Сентрату: «Что же означает этот спор, который мы подняли в Константинополе по поводу святых мест Я знаю Восток и могу утверждать, что Россия не уступит. Это для нее вопрос жизни или смерти, и желательно, чтобы об этом знали в Париже» [7].

17 мая 1853 г. Меншиков предъявил Турции ультиматум с требованием расширить толкование Куйчук-Кайнаджийского мира, а несколькими днями позже Киселев имел аудиенцию у Наполеона III, во время которой французский император в том числе сказал: «Франции нет дела до ваших споров с Турцией, но у нее есть обязательства в отношении неприкосновенности и независимости Оттоманской империи. Мое весьма искреннее желание — поддержать мир. Теперь дело султана решать» [8]. Изучив предложенный Киселевым проект российской ноты, Наполеона III заметил, что по форме нота не заставляет делать никаких возражений.

В своих донесениях за конец мая — начало июня Киселев отмечает все нарастающее возбуждение французской публики против России. Но особое значение он придает мнению самого Наполеона III, не без оснований полагая, что вопрос войны и мира находится теперь в его руках: «В настоящем положении Франции мир зависит от пристрастного к приключениям ума человека, которого судьба так странно поставила в ее главе. Людовик-Наполеон, сообразуясь обыкновенно лишь со своими личными вдохновениями, которым он верит и которые считает более верными, чем мнения других, удивит еще мир неожиданным решением, где наибольшая доля будет отведена его звезде и случаю, а не расчету и рассудку. При современном могуществе Наполеона в этом странном го-

сударстве от него одного зависит мир или война»[9]. Но правительство Франции, в отличие от общественного мнения, воспринимало события в Константинополе спокойно. Так, Друэн де-Люис писал 1 июня Капельбажаку: «Мирная развязка кажется должна укрепить взаимоотношения между двумя правительствами»[10]. В этом же письме он заявил, что пока Франция должна воздержаться с протестом против русских требований. Лавалетт был отозван, а его место занял другой человек, о котором лорд Мальмсбери отозвался так: «Император Наполеон не представлял себе серьезности дела о святых местах и не видел, что Николай не может отступить, поэтому он поощрял Лавалетта в его нелепых требованиях к султану. Теперь же он вынужден был отозвать Лавалетта.»[11]. Французская сторона выразила желание закончить спор.

После того, как князь Меншиков покинул Константинополь, Наполеон III в беседе с Киселевым сказал: «Вы войдете тогда в княжества, мы же будем поставлены в необходимость остаться у Дарданелл. Но каков будет конец такого положения? Ведь придется сделать что-нибудь, чтобы выйти из него. Придется вступить в соглашение [подчеркнуто нами – Л.П.] и сообща устроить дело. Что вы думаете об этом?». После того, как Турция отвергла Венский проект, герцог Мори в разговоре с Киселевым намекнул, что лучшим исходом из кризиса был бы «маленький конгресс» (*un petit congrès*)[12]. В октябре Киселев снова из разговора с Наполеоном III сделал вывод о том, что лучшим средством достижения мирного исхода конфликта французский император видит международную конференцию и конгресс, призванные зачеркнуть «оскорбительные для Франции» положения Венского конгресса 1815 г.[13]

20 октября (1 ноября) 1853 г. император Николай подписал Манифест «О войне с Оттоманской Портою». В этот же день произошла встреча между принцем Наполеоном и князем А. М. Горчаковым. Они встретились, чтобы принц мог передать императору Николаю письмо от Наполеона[14]. Принц Наполеон сообщил Горчакову, что идея о цифре «III» принадлежала не императору, а Персиньи; сам же император только отказывался принимать титул Луи-Наполеон I, поскольку этим нарушалась бы память о его великом дяде. Но титул «Наполеон II» мог бы вполне его устроить, как, возможно, и российского императора. Также принц признал, что желание соглашения с Россией и желание сделать ее «осью своей политики» является практически «навязчивой идеей», к которой Наполеон III может легко вернуться, только если не надо будет жертвовать своим достоинством.

Чего же на самом деле хотел Наполеон III? Нам представляется, что его искренним желанием все же было ослабить влияние России на континенте, но война не планировалась им сразу – его вполне бы устроил европейский конгресс, на котором бы Францию вернули в ряды великих держав. Уже после начала русско-турецкой войны Наполеон говорил австрийскому посланнику: «Я смеюсь над восточным вопросом и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь влияние их в Европе, и я

хочу положить конец тому господству, которое последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну цели»[1].

Литература

- [1]. Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III. Paris, 1891. P. 236.
- [2]. Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Спб., 1908-1918. Т.1. Приложения. № 56.
- [3]. Etude diplomatique de la guerre de Crimée. St.-Petersbourg, 1878. P. 97.
- [4]. Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III. Указ. изд. P. 3.
- [5]. Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Указ. изд. Т.1. С. 382.
- [6]. Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III. Указ. изд. P. 1.
- [7]. Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941. С. 110.
- [8]. Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Указ. изд. Т.2. Ч.1. С. 2.
- [9]. Vapst. Les origins de la guerre de Crimée. Paris, 1912. P. 389.
- [10]. Earl of Malmesbury. Memoirs of an ex-minister. London, 1885. P. 287.
- [11]. Зайончковский А.М. Указ. соч. Т.2. Ч.1. С. 498.
- [12]. Зайончковский А.М. Указ. соч. Т.2. Ч.1. С. 504.
- [13]. Зайончковский А.М. Указ. соч. Т.2. С. 545.

Российские либералы середины XIX в. о путях развития русской цивилизации (на материалах статей неизвестных авторов сборников «Голоса из России»)

С.А. Репинецкий

Самарский государственный педагогический университет, Россия

Издававшиеся в 1856 – 1861 гг. «Вольной русской типографией» (Лондон) А.И. Герцена и Н.П. Огарёва сборники «Голоса из России» достаточно полно отразили настроения русских либералов того периода. Статьи сборников стали предметом изучения историков. Внимание исследователей, главным образом, привлекали взгляды либералов на необходимые стране реформы, особенно, крестьянскую. Наиболее скрупулёзному изучению подвергались статьи таких столпов российского либерализма, как Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин, а так же таких не менее значительных фигур, как Н.А. Мельгунов и А.М. Унковский.

Между тем, для понимания смысла предлагаемых либералами преобразований представляется уместным изучить их взгляды на развитие российской цивилизации в целом. Естественно, в этом вопросе нельзя ограничиться рассмотрением идей наиболее выдающихся мыслителей. Обращение к статьям неизвестных авторов, опубликованным в сборниках «Голоса из России», может оказать значительную помощь в формировании

нии целостного представления о настроениях российской либеральной общественности в канун Великих реформ.

Целью исследования является изучение взглядов российских либералов середины XIX в. на специфику русской цивилизации на материалах статей сборников «Голоса из России», написанных неизвестными авторами. Объектом исследования выступают 3 статьи, озаглавленные как «письма» — к издателю «Колокола» [2], к императору Александру II [3] и «Письмо из провинции» [1], авторы которых не были установлены [5]. Специфика русской цивилизации в понимании авторов «писем» становится предметом исследования. В ходе работы использовались как обще-логические (анализ, синтез, компаративные и т.д.), так и специальные (генетический, контент-анализ) методы. Методологической основой стало совмещение принципов историзма и историцизма в разработке проблемы. Данное исследование продолжает серию работ по вопросам истории российского либерализма (на материалах сборников «Голоса из России»).

По итогам изучения взглядов российских либералов середины XIX в. на специфику русской цивилизации на материалах статей неизвестных авторов сборников «Голоса из России» следует отметить следующие положения.

Во-первых, все авторы приходят к единодушному выводу о том, что Россия зашла в исторический тупик своего развития, подготовленный её предшествующей историей [1, 2, 3], которая «довела Россию до степени второстепенной державы и до степени крайнего ничтожества» [3]. Авторы называют ряд причин такого положения.

1. Негативные черты характера русского народа [1, 2]. На этом делает акцент автор «Письма к издателю «Колокола»», доходя в своих суждениях до идей сервиального комплекса и неполноценности русской нации [2].

2. Авторы других статей, в основном, указывают на резко отрицательные личные и профессиональные качества политической элиты как фактор кризиса. Важно, что, критикуя аристократию, либералы видят в ней уже не отдельных «плохих» деятелей, а единую социальную группу, порождённую «системой старого правления» (т.е., эпохи Николая I). [1, 2, 3]

3. Третью причину кризиса авторы видят в неправильных взаимоотношениях правительства и народа. Однако, суть проблемы трактуется диаметрально противоположным способом: то все беды от оторванности «верхов» от «низов» [1, 3], то от того, что «низы» плохие (см. пункт 1), а «верхи» — им подстать [1, 2].

Из различий в понимании сути проблемы проистекают и различия в предлагаемых путях решения: либо сначала заменить политическую элиту [1, 3], либо, прежде всего, просветить народ [1, 2]. Вместе с тем, авторы статей едины во мнении о необходимости осуществления преобразований путём правительственных реформ по Западному образцу [1, 2, 3].

В итоге исследования были сделаны следующие выводы.

1. При описании специфики русского народа и его исторического пути авторы основывают свою позицию на бытовом материале, личных наблюдениях, пытаются приводить историческую аргументацию, которая

под час не отличается достоверностью (указано, что «татары» впервые «заставили наших князей собирать дань и чеканить монету» [2]). Таким образом, их выводы — это, скорее, эмоциональная оценка, родившаяся под впечатлением военных неудач Крымской войны и внутренних неурядиц Родины. Данное обстоятельство коренным образом отличает эти произведения от статей Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.М. Унковского и др., сильной стороной которых можно считать богатый фактический материал и строгую логическую аргументацию, что сближает их с научными работами, однако отрывает их от общественного мнения [6, 7]. Статьи неизвестных авторов, наоборот, можно считать подлинным примером общественного мнения.

2. Несмотря на это, в рассмотренных статьях прослеживается интересная концепция. Авторы, фактически, указали на сочетание в национальном характере и системе управления России черт восточной деспотии и западной бюрократии. То и другое считается собственно русским и оценивается сугубо негативно. Выход видится авторам в перенесении на русскую почву западного либерализма — гражданских свобод и парламентского строя [1, 2, 3]. В таком подходе можно заметить проявление, берущего начало в XVII в., кризиса национальной идеи, характеризующегося (и поныне) стремлением найти свой путь развития, копируя иностранные образцы. Либералы пытались одни западные институты заменить другими [4]. В российской общественно-политической мысли эта тенденция существует до сих пор, что делает её изучение чрезвычайно актуальным.

3. Так же в исследовании сделана попытка провести анализ взглядов либералов, с точки зрения их происхождения, образования и предполагаемого круга источников, на основе которых формировались их воззрения. Главная роль, в данном случае, отводилась методу контент-анализа. В этой наиболее сложной и, вместе с тем, наиболее перспективной части исследования (её завершение позволит ответить на вопрос о социальной группе, идеология которой отразилась в статьях) работа на данный момент продолжается.

Список использованных источников и литературы:

Источники

1. Письмо из провинции // Голоса из России. М., 1974. Кн. 2., С. 110 — 120.
2. Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. М., 1975. Кн. 6., С. 92—115.
3. Письмо к императору Александру II // Голоса из России. М., 1975. Кн. 6., С. 117 — 140.

Литература

4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
5. Нечкина М.В., Рудницкая Е.Л. Комментарии // Голоса из России. М., 1975. Кн. 10.
6. Российские либералы. М., 2001.
7. Hamburg G.M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. Stanford. 1992.

Особенности процесса политической социализации школьников в современной России

И.В. Тарасова.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Политическая социализация представляет собой сложный многоуровневый, непрекращающийся на протяжении всей жизни индивида процесс освоения норм и ценностей, присущих той или иной политической системе. В процессе социализации задействованы все политические институты, степень эффективности которых может колебаться от незначительной до решающей. При этом все они делятся на институты целенаправленной социализации, которые задействованы в процессе формирования будущего гражданина, и косвенной социализации, которые совмещают социализирующие функции со своими основными.

В качестве источника модели и основных идей политической социализации зачастую выступает государство, поскольку оно непосредственно заинтересовано в положительном для себя результате и обладает необходимыми для достижения этой цели средствами. В СССР государство в полной мере реализовывало все доступные ему возможности для политического воспитания граждан, однако, в период демократизации общества в 1990-е гг. принципы политической социализации молодежи были в корне изменены. Если говорить о школе, то она утратила свое лидирующее положение в процессе формирования политической культуры, которое она занимала ранее, уступив его средствам массовой информации, семье и неформальным объединениям. Вместе с тем, в настоящий момент пока еще рано говорить об окончании формирования новых принципов политической социализации школьников, поскольку до сих пор продолжается процесс выработки системы гражданских ценностей, а также не завершена реформа (модернизация) российского образования.

Рассматриваемый период условно можно разделить на несколько этапов. Первый этап, с 1991 по 1994 гг., характеризуется стремлением отказаться от устаревших идеологических основ, освободиться от коммунистических ценностей, что на практике вылилось в разрушение прежних основ жизни общества в целом и образования в частности. В этот период политическую проблематику всячески вытесняют из сферы образования. Деполитизация и деидеологизация школы в том виде, в котором они были осуществлены на практике, привели к развалу существовавшей ранее системы политической социализации. Это было обусловлено очень динамичным развитием общества и насыщенностью политической жизни России в начале 1990-х гг. В результате, основными институтами политической социализации в этот период стали СМИ, семья и неформальные объединения.

Включение в обязательную школьную программу Конституции РФ и Закона «О выборах» можно считать началом второго этапа. Основной идеей, определившей содержание образовательных программ этого периода, была его гуманизация и гуманитаризация. В результате этого школа прочно закрепила за собой исключительно просветительские функции, но еще

не определила для себя свое место в системе распространения общественных ценностей. Вместе с тем, события общественно-политической жизни России того времени показали, что отсутствие у системы образования воспитательных функций имеет и сомнительные результаты для развития российского общества. Рост цинизма, равнодушие граждан к происходящему, своеобразное понимание морали и т. д. повлияли на то, что пришлось признать право школы на распространение основ политической культуры среди подрастающего поколения. В общеобразовательной школе были введены предметы, которые должны были положить конец правовой безграмотности, дать представление о политическом устройстве Российской Федерации, о функционировании политической системы, а также месте и роли граждан в этой системе. Однако надо отметить, что политическая социализация осуществляется на когнитивном и эмоциональном уровнях. Эмоциональное восприятие политических ценностей происходит, в том числе, и через изучение истории. Историческое же образование к тому времени окончательно перешло на концентрическую систему, что уже через несколько лет стало объектом критики общественности, поскольку созданная система социализации дала совершенно неожиданный результат. Купированный набор знаний о политической системе привел к росту интереса к ней, а несистематизированное накопление знаний об исторических событиях привело к формированию политических мифов и искаженных представлений о политических процессах.

Начиная с 2000 г. стоит говорить о начале третьего этапа, который характеризуется актуализацией патриотической тематики и ростом интереса к содержанию школьной программы и школьных учебников. Не смотря на это, до сих пор остается нерешенным вопрос о стандартах образования, что свидетельствует о том, что продолжающаяся реформа области по-прежнему не уделяет должного внимания содержательной стороне образовательного процесса.

Подсекция «Средние века»

К легенде о появлении шелководства в Византии и о византийско-персидском торговом соперничестве

А. Н. Домановский

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

Изложенная византийскими историками Прокопием и Феофаном [1, IV. 17; 2, р. 484] история появления шелководства в Византийской импе-

рии в период правления Юстиниана I не единожды привлекала внимание исследователей и популяризаторов науки. Редкий историк восточной раннесредневековой торговли не упоминал об этой чуть ли не древнейшей успешной попытке промышленного и коммерческого шпионажа, о безымянных находчивых монахах, удачно доставивших грены шелкопряда императору ромеев в своих дорожных посохах. Обычно в таких случаях не акцентировали внимания на значительных отличиях версий Прокопия и Феофана (хотя и упоминали о них), создавая обобщенный исторический миф (можно сослаться на классические работы Р.Хеннига (1933 г.) и Р.Лопеца (1945 г.), а также практически на все обобщающие работы по истории Византийской империи и восточной торговли).

В последнее время А. Мучесиус убедительно доказала, что свидетельства обоих авторов о появлении грен шелкопряда в Византии являются скорее легендой, чем действительным историческим событием, поскольку шелководство появляется в византийской Сирии не позднее V в., то есть значительно ранее, чем об этом пишут Феофан и Прокопий. Однако, по словам исследовательницы, оба свидетельства могут быть использованы для выяснения «общей правды» распространения шелководства во внутренних регионах Византии в VI – VII вв. [3, p. 23, 40; 4, p. 150]. Следовательно, даже будучи признанными легендарными, сведения обоих авторов заслуживают детального разбора с точки зрения выяснения представлений византийцев о том, как произошло появление и распространение технологии шелководства в империи.

Привлекает внимание вопрос о том, кто, с точки зрения Прокопия и Феофана, препятствовал распространению шелководства в Византии. В большинстве исследований как бы само собой разумеющимся считалось, что византийским контрабандистам пришлось использовать свою уловку против китайцев, якобы засекретивших технологию шелкопрядения и всячески препятствовавших ее распространению за пределами Поднебесной [5, с. 173]. Особенно прочно эта точка зрения утвердилась после того, как ее освятила своим высоким научным авторитетом блестящая исследовательница Н. В. Пигулевская, которая, впрочем, нигде прямо не утверждала, что секрет производства шелка был вывезен именно из Китая [6, с. 184, 195 сл.].

Сравнительно недавно к этому вопросу обратился еще один знаток истории Китая Е. И. Лубо-Лесниченко. Он отмечает, что устоявшееся мнение о запрете распространения технологии производства шелка за пределами Китая не соответствует действительности. Напротив, китайцы стремились научить приграничных «варваров» земледелию и шелководству, чтобы поднять их до уровня «цивилизованных» людей. Кроме того, ввергнутый в экономический и политический хаос Китай VI в. вряд ли мог обеспечить действенную охрану «государственной тайны» шелководства, даже если она и существовала [5, с. 173-175]. Причиной же возникновения современного историографического мифа автор считает вызвав-

шую бурный интерес европейцев XVIII в. и действительно засекреченную китайцами технологию изготовления фарфора [5, с. 175].

Предложенная В. Е. Лубо-Лесниченко интерпретация достаточно убедительно объясняет путь возникновения ошибки современной исторической науки, однако не способна пролить свет на политико-экономические реалии средневековой легенды о проникновении шелководства в Византию. Если византийским шпионам пришлось обманывать не китайцев, то кто же тогда реально препятствовал проникновению технологии шелкопрядения в Византийскую империю?

Ответ на этот вопрос изначально лежал на поверхности. Он был настолько очевидным, что некоторые исследователи приходили к нему между делом, даже не уделяя проблеме специального внимания. Так, к примеру, Е. А. Беляев в обобщающем исследовании по истории арабов в раннее средневековье писал, что несшие грены шелкопряда византийские монахи обманули персидскую пограничную стражу [7, с. 7]. Исследователь, очевидно, пришел к данному ответу на основании общих соображений о характере византино-персидского торгового соперничества.

Действительно, кому, как не персам, наживавшимся на торговом посредничестве, было выгодно держать в секрете от византийцев технологию производства шелка? Если признать, что китайцы не только препятствовали, но даже способствовали обучению «варваров» производству шелка, персы остаются единственной силой, заинтересованной в том, чтобы препятствовать проникновению технологии шелкопрядения в Византию и вполне способной принять для этого надлежащие меры.

Эти размышления на основании свидетельств *ex silentio* прекрасно соотносятся с конкретными данными источников, описывавших историю персидско-византийского торгового соперничества. Прежде всего, следует обратить более пристальное внимание на информацию соответствующих сообщений Прокопия и Феофана. Объединять информацию этих двух источников, считая, что они дополняют друг друга, ни в коем случае нельзя, поскольку они дают, по сути, две разные, схожие лишь в общих чертах версии доставки грены шелкопряда в Империю ромеев.

Как справедливо отмечает А. Мучесиус, Прокопий и Феофан расходятся в двух вопросах: о стране, откуда был вывезен шелк, и об этносе тех, кто его принес [3, р. 21]. Прокопий приписывает его нескольким монахам-несторианам, Феофан же считает, что грены доставил императору некий перс. Показательным представляется одновременное упоминание Феофаном о том, что грены шелкопряда в Византию доставил перс, и том, что ему пришлось спрятать их в своем дорожном посохе. Вполне вероятной выглядит гипотеза, что этот перс был одним из тех завербованных империей шпионов из числа персидских подданных, о которых упоминает все тот же Прокопий и в «Тайной истории», и в «Войне с персами».

Правительство Византийской империи, стремившееся обеспечить собственные экономические интересы в торговом противостоянии с персами, вполне могло (пере)вербовать персидских подданных и использовать

их против Сасанидов. Вербовка была тем более возможной, что на территории Ирана проживало немало христиан (преимущественно еретического толка), которые вполне могли выступать в качестве опоры империи ромеев на вражеской территории и, судя по всему, активно стремились к этому. По крайней мере, в официальном византийско-персидском мирном договоре 562 г., приведенном в сочинении Менандра Протиктора, специально оговорено невмешательство Византии во внутренние дела персидских христиан.

Приведенные соображения позволяют сопоставить сведения Прокопия и Феофана, предположив, что перс, доставивший в империю грены шелкопряда, был христианином, исповедывавшим несторианство. Вероятно, именно это обстоятельство побудило его действовать в интересах Византийской империи против Сасанидского Ирана и значительно облегчило процесс его «вербовки» ромейскими властями.

В целом же, вполне обоснованно считая пересказанную источниками историю о появлении технологии производства шелка в Империи ромеев легендой, подобной истории о распространении шелководства в Хотане [5, с. 173], следует признать, что она имеет серьезную историческую подоплеку и прекрасно соотносится с торгово-экономической политикой Сасанидского Ирана в IV – VI вв.

Литература

[1] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. Jac. Haury. — Lipsiae, 1905. — Vol. 2: De bellis libri V – VIII (De bello gothico).

[2] Theophanis Chronographia / Ex rec. I. Classeni. — Bonnae, 1839. — Vol. 1.

[3] Muthesius A. The Byzantine Silk Industry: Lopez and Beyond // Journal of Medieval History. — 1993. — Vol. 19. — № 1-2. — P. 1-67.

[4] Muthesius A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of the Production of Silk Textiles // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — Vol. 1. — P. 147-168.

[5] Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). — М., 1994.

[6] Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV – VII вв. — М.; Л., 1951.

[7] Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. — 2-е изд. — М., 1966.

Четвёртый крестовый поход как факт обмирщения крестоносного движения

А. М. Назаров, И. А. Власенко

Тольяттинский государственный университет

Крестовые походы имеют интерес, не только как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории, но и как явление, которое оказало разнообразное и глубокое влияние на взаимо-

отношения Востока и Запада. Можно утверждать, что это сложное явление со временем претерпевает определённые трансформационные изменения. Это выражается в том, что предпосылки политико-экономического характера приобретают первенство над религиозными.

На начальном этапе, предпосылки религиозного характера являлись наиболее важными для складывания идеологии крестоносного движения и организации первых крестовых походов [1]. Но ко времени четвёртого крестового похода (1199 – 1204 гг.) определяющее значение приобретают политико-экономические цели. Именно в нём получили особое преобладание мирские чувства и материальные интересы над духовно-религиозными. В виду этого, необходимо рассмотреть причины изменения направления этого похода, которые указывают на трансформационные изменения крестоносного движения.

Четвёртый крестовый поход, преследуя своей целью захват Египта, так как отсюда мусульманство черпало свои силы для борьбы с христианами, обернулся, в конечном счёте, разгромом Византии и образованием на её месте Латинской империи.

Многие исследователи отводят главную роль в изменении целей и направления четвёртого крестового похода Венеции. В XIII в. происходят крупные изменения в мировой посреднической торговле в Восточном Средиземноморье и на Черноморском побережье. К этому времени процесс утраты Константинополем роли главного торгового распределительного центра на Леванте практически завершился [2]. В виду целенаправленной политики Венеции на преобладание в средиземноморском регионе, становится ясной настойчивость венецианских кругов в захвате Константинополя. Для Венеции не имело никакого смысла оказывать поддержку крестоносцам в предполагавшейся войне против Египта: арабы были надёжными торговым партнёром, а религиозные соображения в глазах венецианских купцов стоили немного.

Стремление Венеции к торговой монополии на Востоке привело её к участию в завоевательной войне латинян и к приобретению знаменитых «трёх восьмых» (*quarta pars et dimidia*) Латинской империи. Республика св. Марка в наибольшей степени воспользовалась плодами четвёртого крестового похода для организации мощного колониального домена на Востоке. Венеция, как одна из основных участниц раздела Византийской империи, получила кварталы в Константинополе, контролировавшем проливы, и ряд территорий, преимущественно в Эгеиде. Теперь она могла свободно осуществлять навигацию своих судов в Чёрное море, называемое итальянцами *Mare Maius* (Великое море), которое до 1204 г. оставалось преимущественно «закрытым» водным бассейном, заповедной зоной империи Ромеев [3].

Надо отметить, что к началу XIII в. Византия находилась в глубоком политическом (династическом) и социально-экономическом кризисах.. Сын свергнутого византийского императора Исаака II, царевич Алексей Ангел (будущий Алексей IV), весной 1202 г. просил Иннокентия III ока-

зять ему помощь в борьбе с занявшим престол дядей Алексеем III. Можно утверждать, что внутривосточная ситуация в самой Византии явилась одной из причин изменения направления крестового похода.

Политика римской курии по отношению к православному Востоку послужила ещё одной причиной, сделавшей возможным разгром Константинополя войском креста в начале XIII века. Одним из главных вопросов в политике папы Иннокентия III было подчинение греческой православной церкви. Например, когда пришедший к власти Алексей IV изъявил готовность подчинить Византию папскому престолу, то Иннокентий III, по отношению к крестоносцам, сменил гнев за убийство христиан на милость [4]. Крестовый поход и церковная уния сразу же оказались тесно связанными друг с другом в политике Иннокентия III.

«Разрыв 1054 г., завершивший схизму католической церкви, тем самым и завершил процесс дифференциации социальных структур. Образовались два новых общества — западное и православное» [5]. Четвёртый крестовый поход положил начало истинному, не церковному, но уже религиозному расколу христианства. Раскол начал существовать уже и в массовом сознании.

Именно с четвёртым крестовым походом изменилась внутренняя суть походов от святого паломничества до феодальной захватнической войны. В нём мы не видим прежнего религиозного порыва, когда участие в походе принимали все слои западноевропейского средневекового общества. Теперь крестоносное войско практически полностью состояло из профессиональных воинов — рыцарей. Заметны изменения и в командной структуре крестоносного войска — назначение единого главнокомандующего [6].

Ко времени четвёртого крестового похода «весна крестовых порывов» пошла на убыль. На первый план выходят политико-экономические, а не религиозные цели. Использование крестоносного войска Венецией и римским престолом для решения своих собственных задач, а не во имя дела освобождения Святой земли, ясно показало обмирщение идеи крестоносного движения.

Литература

[1] См.: Янчарук Д. К вопросу об идеологических предпосылках первого крестового похода // Исторический вестник: Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и студентов исторического факультета и Урало-Поволжского Регионального конкурса по истории. Тольятти, ТГУ, 2004. С. 152 — 155.

[2] См.: Карпов С.П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII — XV вв. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 6 — 7.

[3] См.: Карпов С.П. Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 1. С. 3 — 4.

[4] См.: Эпштейн А.Д. Четвертый крестовый поход и Венецианская республика. / Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. акад. С. Д. Сказкина. Ч. I. М., «Просвещение», 1969. С. 318.

[5] Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Айрис-пресс, 2004. С. 49.

[6] См.: Ллойд С. Крестоносное движение. 1096 — 1274 // История крестовых походов / Пер. с англ. Е. Дорман. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 79.

Эволюция структуры иммунитетных грамот сербского королевства 13–14 вв.

Ю. В. Пичугин.

Московский государственный университет имени Ломоносова.

Период царствования Неманичей до распада Сербско-Греческого Царства в середине 14 века представлен в сербской истории весьма ограниченным набором типов источников. При отсутствии каких-либо летописных произведений и юридических законодательных памятников общесербского характера особую важность приобретают жалованные грамоты сербских правителей частным лицам и различным церковным владениям. В этих грамотах, преимущественно иммунитетных, перечислялись универсальные правовые нормы, регулирующие социально-экономические процессы на территориях, подвластных сербским монастырям.

Изучение иммунитетных грамот сербского средневековья проходило в основном по двум направлениям — анализ правового содержания документа и описание дипломатического формуляра. В историографии 20 века исследование дипломатического формуляра затрагивало вопросы происхождения отдельных его частей, их последовательности при составлении документа, а также разнообразию лексических форм юридических формул; в то время как исследования по истории сербского права проводились в рамках современных юридических концепций с типологизацией отдельных клаузул из сербских грамот. Подобная типологизация проводится с целью реконструкции правовой системы средневекового сербского государства и выяснению взаимоотношений между собою различных субъектов государственной системы и их полномочий [5]. С другой стороны изучение эволюции дипломатического формуляра позволяет соотнести развитие отдельных элементов оформления документа с социальными изменениями в государстве и определить этапы социально-экономического развития страны.

Но в силу комплексности структуры иммунитетных грамот, элементы дипломатического формуляра и нормативные положения средневековой юриспруденции взаимно влияли друг на друга. В начале 13 века, заимствованный из Византии формуляр [4] включал в себя вводную часть, состоящую из интитуляции (титулатуры и перечисления владений), инскрипции (торжественного оглашения совершаемого действия), салютации (приветствия адресату документа), аренги (религиозной мотивации

издания документа), интервенции (упоминания об инициаторах совершения правового акта) и экспозиции (фактической мотивации); собственно основной части с перечислением правовых параграфов и конкретных акций государства по отношению к адресату (то есть диспозиции); и заключения — санкции (меры по пресечению любых попыток нарушить нормы данного документа) и короборации (подтверждение принятого правового акта). Основная часть документа включала в себя параграфы, касающиеся: характера передаваемых церкви владений, объема предоставляемого иммунитета, норм использования церковного имущества, социального законодательства на передаваемых территориях и взаимоотношений церковных властей с королевской властью.

Разделение текста на структурные элементы, имеющие в качестве признаков принадлежность к определенным правовым категориям или выполняющие функции частей дипломатического формуляра, позволило прийти к следующим выводам.

Структура дипломатического формуляра и нормы сербского законодательства взаимно влияли друг на друга в течение 13 и 14 веков. Это влияние было неравномерным и в 13 веке отмечаются преимущественно изменения в формуляре, тогда как с начала 14 века черты введения и заключения как составных частей формуляра приобретают некоторую стабильность, но изменяется структура документа в целом.

В целом процесс эволюции структуры иммунитетных грамот может быть разделен на три этапа. Первый этап охватывает всю первую половину тринадцатого века и характеризуется четкостью структурных границ внутри документа. Элементы формуляра текстуально обрамляют правовое содержание документа. Второй этап приходится на вторую половину 13 века. В это время формуляр эволюционирует под воздействием новых социальных реалий. В экспозиции появляется упоминание о конкретном способе фиксации правового акта. Санкция подразделяется на духовную (проклятие) и материальную (денежный штраф) [3], причем к концу 13 века закрепляется принцип духовной санкции для членов царствующего дома и денежного штрафа для господствующих слоев общества; что, по мнению Е. П. Наумова [2], соответствует произошедшему в это время обособлению бюрократического аппарата от слоя феодалов. Третий этап охватывает первую половину 14 века и характеризуется формализацией самой диспозиции. Правовые нормы четко разводятся в систему установлений, где основным критерием служит принадлежность к той или иной социальной группе. Налоговые нормы, иммунитет и полномочия перечисляются для членов определенной социальной категории от крестьян до представителей церкви. Все больший процент таких норм фиксируется в лексической форме дипломатических элементов, преимущественно санкции с обязательным указанием штрафа за неисполнение. Также в тексте появляются «короборационные» обобщения правовых норм на определенную территорию или сферу полномочий. Указанные тенденции развиваются до самого конца правления Стефана Душана и

находят свое воплощение в одном из его последних документов «Хрисовуле монастырю Архангелов Михаила и Гавриила в Призрене» [1]. Особенностью данного документа является почти полная формализация правового содержания документа, но уже по территориальному принципу, где для каждой территории указаны в ранжированном порядке правовые нормы, действующие только для нее и для проживающего на ней населения. Это, с одной стороны, соответствует формированию общесербского законодательства после принятия на соборе 1349 Законника, а, с другой стороны, наглядно демонстрирует самобытность развития отдельных районов Сербо-Греческого Царства, подвергшегося распаду вскоре после смерти первого царя.

Литература

1. Соловјев А. В. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд. 1926. С. 135 –143.
2. Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII – XV вв. М. 1975. С. 97-98.
3. Славева Л., Мошин В. Српски грамоти од Душаново време. Прилеп. 1988. С. 2-10.
4. Станојеви С. Студије о српској дипломатици // Глас СКА ХС., 1912. С. 68-70.
5. Тарановски Т. Историја српског права у Неманьићкој држави. Историја државног права. Београд. 1931. С. 1 – 25.

Проблемы миграции польского крестьянства в последней четверти XIX – начале XX в.

Е. В. Яковкина

Ставропольский государственный университет

В течение всего XIX столетия и вплоть до образования в 1918 г. независимого государства польские земли были одним из основных «экспортеров» эмигрантов в мире, чему, безусловно, способствовали сложившиеся там политические и социально-экономические условия. Но, если первая половина XIX в. прошла под знаком «Великой эмиграции» польской политической и интеллектуальной элиты, то, начиная с 1870-х гг., основную массу мигрантов составило крестьянство. Масштабы крестьянского миграционного движения были настолько велики, что его, зачастую, называли «социальной эпидемией». Миграционный вопрос стал одной из важнейших проблем и в социально-экономической жизни всех польских земель.

Среди польской интеллигенции не существовало однозначной оценки крестьянской эмиграции [1]. Одни видели в ней средство решения демографических и экономических проблем деревни, считая, что никакой контроль не может привести к уменьшению ее размеров. Другие же рассматривали данное явление как угрозу польским национальным интересам и отстаивали необходимость проведения централизованной политики в решении данного вопроса. Первым шагом на пути решения мигра-

ционной проблемы, по их мнению, могло стать создание специального учреждения для защиты прав крестьян-эмигрантов. С этой целью в 1910 г. в Варшаве была создана общественная организация, получившая название «Товарищество помощи эмигрантам» (ТПЭ) [2]. Директором варшавского отделения Товарищества и главным редактором его печатного органа – журнала «Выходца польски» («Польский эмигрант») – стал Ф. Знанецкий, в будущем – известный польский социолог, президент Американского социологического общества.

Деятельность ТПЭ велась в нескольких направлениях. Основное внимание уделялось проведению просветительской работы. Так как главную свою задачу эта общественная организация видела в сокращении размеров эмиграции и поиске альтернативных способов улучшения материального положения крестьянства и, учитывая, что главными мотивами крестьянской эмиграции были экономические (покупка земли или заработок), товарищество осуществляло сбор и распространение информации о возможностях трудоустройства и покупки земли на территории Царства Польского. Кроме того, потенциальным эмигрантам предоставлялась информация по таким важным вопросам, как условия жизни, уровень заработной платы в отдельных странах, наиболее удобные и дешевые способы транспортировки, размер необходимых для поездки финансовых средств, что должно было защитить их от злоупотреблений со стороны разного рода посредников. Крестьянам-эмигрантам также оказывалась юридическая помощь – проводились консультации по вопросам оформления необходимых для выезда документов (в том числе паспортов) и составления трудовых контрактов. Наконец, Товарищество вело переговоры с представителями государственной власти и транспортными компаниями о предоставлении польским эмигрантам различных льгот на проезд, при получении медицинской помощи, при остановке на ночлег; налаживало контакты с иностранными общественными организациями, способными оказать помощь польским эмигрантам после приезда за рубежом. Большое внимание уделялось также установлению тесных контактов с польским населением, уже проживавшим за рубежом [3].

Все время своей деятельности ТПЭ постоянно испытывало трудности, главным образом, финансового характера, не получая поддержки ни со стороны властей, ни со стороны общества [4]. Кроме того, оно вынуждено было противостоять мощной конкуренции немецких организаций, занимавшихся вербовкой сельскохозяйственных рабочих на сезонные работы в Германии. И все же, оценивая его деятельность, необходимо подчеркнуть, что в период, когда неблагоприятную для польских земель политическую ситуацию усугубляли еще и экономические трудности, деятельность подобного рода организаций, возлагавших на себя решение наиболее тяжелых – социальных – проблем, была не менее важна, чем деятельность разнообразных политических партий и организаций, борющихся за независимость.

Литература

[1] Groniowski K. Emigracja z ziem zaboru rosyjskiego (1864-1918) // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII-XX w.). Warszawa, 1984. S. 230-240

[2] Polski Przegląd Emigracyjny. 1910. №2. Уже в течение первого года деятельности отделения ТПЭ были открыты на всей территории Царства Польского, а также в Литве, на Волыни, в Центральной России, Сибири, Галиции, Великом княжестве Познаньском.

[3] Od Redakcyi // Wychodźca Polski. 1911. Z.1-2. S. 1-3; Sprawozdanie z działalności Towarzystwa Opieki nad Wychodźcami za rok 1911 // Wychodźca Polski. 1912. Z.5. S. 11-14.

[4] G?rski L. Kilka uwag w sprawie «Wychodźcy Polskiego» i Towarzystwa Opieki nad Wychodźcami // Wychodźca Polski. 1912. Z. 11-12. S. 1-5.

Подсекция «Историческая информатика»**Вопросы использования новой информационной технологии в историческом образовании в Кыргызстане**

Н. Алтымыш кызы, С.А. Щербакова

*Кыргызский Национальный Университет имени Ж. Баласгына,
Кыргызская Республика*

Стремительное развитие мировой информационной инфраструктуры вовлекает Кыргызстан в мировое течение. Если на рубеже веков в республике об Интернете многие лишь слышали, а пользовались единицы, то сегодня роль Интернета, как информационной среды постоянно возрастает. Аудитория Кыргызстана, использующая Интернет, включая единичного посетителя, наряду с активными составляет по оценкам 350 тыс. человек (общая численность населения республики 5 млн.) В среднем Интернет в сутки только в столице посещает около 630 человек. Средняя возрастная категория с 16 до 30 лет [1]. Тем не менее, высокая стоимость компьютерной техники и Интернет услуг, повлекший существенное отставание компьютеризации в регионах по сравнению с центром, обуславливает низкий уровень использования компьютера, и в том числе Интернета в Кыргызстане. Постепенное повышение жизненного уровня, наличие открытого гражданского общества в республике, а также официальная государственная политика внедрения новейших информационных технологий во все сферы общественной жизни, по словам президента Кыргыз-

ской республики Акаева А.А., приведет к 2006 году к охвату глобальной сетью Интернет все населенные пункты Кыргызстана [2].

Анализ внедрения компьютерных технологий в образовательный процесс, в том числе в исторической показал, что по сравнению с другими сферами общественной жизни, наблюдается диспропорция, существенное отставание в использовании НИТ (новая информационная технология) в учебных заведениях гуманитарного направления. Следует отметить, что в отличие от прошлого десятилетия, когда использование НИТ активизировалось через обучение, ликвидацию компьютерной безграмотности, то сегодня наблюдается другая тенденция – использование Интернета, в первую очередь для быстрой передачи и обмена сообщениями, а также поиска, нахождения информации на развлекательно-познавательных сайтах, в виртуальных сетевых магазинах и т.д. приводит к активному овладению компьютерными технологиями.

На наш взгляд такое состояние объясняется рядом причин: В образовательной деятельности преподаватели-историки, как школ, так и вузов в целом не используют НИТ, а также не рекомендуют Интернет ресурсы. Хотя, по всемирной истории можно было бы рекомендовать множество различных сайтов. В первую очередь – российских. Самостоятельный поиск информации студентами по заданным проблемам отнимает много времени в сети и зачастую приводит к использованию не наукоемкой информации. Педагогический коллектив профессиональных историков не создают определенные базы данных по своим предметам, которые можно было разместить на Web-сайте для широкого доступа особенно по дискуссионным проблемам, т.к. в постсоветский период в республике ощущается последствия информационной изоляции. Качество Интернет ресурсов по истории Кыргызстана не соответствует требованиям. Отечественные Интернет ресурсы по темам истории Кыргызстана находятся пока на стадии развития [3]. Во-первых, зачастую размещаются непроверенные, поверхностные сведения, во-вторых, быстрая сменяемость информации по истории Кыргызстана, отсутствие их печатного варианта не позволяет делать ссылки. В-третьих, имеющиеся научные сайты по истории Кыргызстана охватывают не все узловые вопросы, активно не обновляются.

Дальнейшее качественное образование историков – профессионалов предполагает широкое использование НИТ в учебных процессах. Для этого на наш взгляд необходимо решить ряд задач:

Расширить объем использования компьютерных технологии в учебном процессе на гуманитарных факультетах, в том числе на историческом.

Составление баз данных дипломных и курсовых работ студентов по специализирующим кафедрам факультета истории и регионоведения

Создание электронных учебных и учебно-методических пособий по основным направлениям истории Кыргызстана на русском и кыргызском языках.

Интернет ресурсы должны стать одним из основных элементов учебного процесса. Для этого на кафедрах в зависимости от специализации необ-

ходимо составление каталогов Web-сайтов рекомендуемых студентам с их краткими аннотациями, а также создание специальных Web-сайтов для быстрого ознакомления с электронными ресурсами музеев, архивов и библиотек в виде каталогов размещенных на специализированных Web-сайтах.

Создание по основным дискуссионным вопросам по истории республики специализированных сайтов, где на форумах, возможно, было бы обсуждать, и обмениваться мнениями.

Организовать специализированные студенческие электронные журналы, в которых публикуемые статьи принимали бы научный статус. Информация поступающая в Интернет должна быть разносторонней и интересной. Публикации не должны дублировать друг друга. Целью должно стать, как бы отсеивание необходимой качественной информации, из огромного числа материалов должна отбираться наиболее наукоемкая часть.

Внедрить в практику виртуальное общение преподавателя со студентами не только в общении и обмене информацией, но и по контролю за выполнением определенных задач по учебной программе.

Все вышеизложенные предложения были разработаны нами в результате анализа учебного процесса и обучения на факультет истории и регионоведения Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, часть которых могла быть использованы для активного внедрения НИТ в образовательный процесс на гуманитарных факультетах ближнего зарубежья, так как на наш взгляд, вектор направления развития компьютерной технологии в постсоветском пространстве носит в целом идентичный характер.

Литература

[1] rus.geteway.kg

[2] www.kabar.kg

[3] Урстанбекова.З.Б Интернет ресурсы Кыргызстана по исторической тематике//История и компьютер. Москва-Томск 2004С.77-78.

Ad fonts ergo ad Internet:

вопросы к дискуссии об электронных версиях исторических документов

А.Ю. Володин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Динамично развивающийся научный сектор глобальной сети Интернет оказывает всё большее влияние на информатизацию исторической науки. В.Н. Владимиров, президент ассоциации «История и компьютер» в 2001 году сформулировал ключевые вопросы, характеризующие основные этапы взаимоотношений историков и Интернет: 1. «Так что же всё-таки такое Интернет?»; 2. «Насколько нужен Интернет историку?»; 3. «Где можно найти необходимые ресурсы?»[1]. Сегодня к этим вопросам следует добавить становящийся всё более насущным вопрос: «Как создать грамотный историко-документальный электронный ресурс?»

«История пишется по источникам» — так в конце XIX века была сформулирована аксиома профессиональной истории [2]. Известно, что в задачи большинства исторических исследований входит введение в научный оборот новых исторических источников. Учитывая, что публикация книги с документами, на основе которых было проведено исследование, не всегда возможна, а ознакомление научной общественности с ключевыми источниками исследования — необходимо, то принципиально важным и достаточно реалистичным выходом для реализации такой задачи решением можно считать организацию историко-документального электронного ресурса [3].

В основу историко-документальной электронной публикации может быть положен принцип *документальной коллекции*, т.е. «систематизированного собрания различных типов исторических источников, представляющих историческую, научную, художественную ценность и объединяемых понятием «документ» (письменные, графические, машиночитаемые, кинофотофонодокументы)» [4]. Отличительным свойством любой документальной коллекции является *интерес* к ней пользователя *как к единому целому*. Такого рода документальная коллекция может быть организована и хронологически, и проблемно, отличительным же её свойством должна быть целостность и систематичность включенных в её состав документов (т.е. признаки *тематического электронного ресурса*).

В основе историко-документальной коллекции в Интернет лежат *электронные копии исторических документов*, определение юридического статуса которых находится на этапе становления [5]. В процессе создания электронной копии исторического документа (т.н. *ретроконверсии*), включающем получение доступа и прав на копирование документов, сканирование, распознавание текста источника, организацию каталога и информационно-поисковой системы, одним из самых спорных вопросов является вопрос о выборе формата публикации и способах представления документа в рамках этого формата.

Сегодня значительно увеличилось число публикаций, соответствующих главному критерию отнесения издания к научному типу, а именно «полноте корпуса исторических документов, их текстов и научно-справочного аппарата» [6]. Однако, часто наблюдается отсутствие самостоятельного значения у большинства электронных публикаций, особенно явной становится их зависимости от прежних книжных изданий. Обретение самостоятельного значения, как и постепенное усложнение *гипертекстовой модели информации*, которая позволит любому пользователю согласуясь со своими целями и ассоциациями организовывать собственное знание из наличествующей информации, является перспективным путем развития научных ресурсов Интернет [7].

Необходимо также учитывать, что *научная коммуникация* подразумевает достаточно сложную и разветвленную систему внутрикорпоративной проверки достоверности результатов исследования каждого ученого. Сегодня такой же

процесс наблюдается и в отношении к электронным ресурсам: проверка аутентичности документов определяет доверие к конкретному ресурсу [8].

Таким образом, формирование документальной коллекции, представленной, согласно продуманной гипертекстовой модели, в рамках тематического электронного ресурса, содержащего точные и полные электронные копии исторических документов, снабженных подробной метаинформацией, можно считать одной из важных задач сегодняшнего дня, решение которой позволит обогатить научную коммуникацию и поднять престиж отечественной исторической науки.

Литература

[1] Владимиров В.Н. Интернет для историка: и всё-таки новая парадигма! // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и Компьютер». М., 2001. С. 288.

[2] Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux ?tude historique. Paris : Nacheette, 1897. P.1.

[3] Подобный ход дела согласуется с текстологическим принципом, сформулированным Д.С.Лихачёвым: «Сперва изучить текст – потом его издать» (Лихачев Д.С. Текстология. СПб., 2001. С. 583).

[4] Российская музейная энциклопедия. М, 2001. Т. 1. С. 172-173.

[5] Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М., 2002.

[6] Правилах издания исторических источников в СССР. 2-е изд. М., 1990. С. 9 (курсив мой. –А.В.).

[7] Соколов Б.Г. Гипертекст истории. СПб., 2001.

[8] Парадоксы сети Web: этика и степень доверия // Вестник архивиста. 2003. № 3(69). С. 257-262.

Эволюция крайне правых партий (на примере РНЕ и РПНСД)

Н.Г.Горбачева

Пермский государственный университет

В настоящее время идет дальнейшее становление многопартийной системы в России. Происходят и определенные изменения на крайне правом фланге политического спектра. Одним из проявлений этих изменений является дифференциация партийно-политических структур. Это выражается в отколе и создании на основе отколовшихся частей одной партии новых партийных образований. Так, от Русского Национального Единства откололось Русское Православное Национал-Социалистическое Движение. Можно предположить, что одной из причин образования новой партии стали идейные расхождения внутри партии. Задачами данного исследования стали: проанализировать идеи и программные положения партий РНЕ и РПНСД; выявить наличие расхождений и преемственности у рассматриваемых партий; сформулировать положения о возможных причинах образования новой партии.

Для решения поставленных задач использован метод компьютеризированного контент-анализа с помощью программы ТАСТ.

Основным источником исследования стала периодическая печать изучаемых партий (у РНЕ это газета «Русский порядок» за 1992-1995 гг., а у РПНСД – газета «Мировоззрение» за 2000-2004 гг.). На основе этих источников были созданы полнотекстовые базы. В качестве основных словоформ, отражающих идейные основы партий, были определены такие категории, как «нищета» (индикаторы – «нищета», «обеднение», «обдиранье», «обворовывание», «бедность», «обкрадывание», «голод»), «антиправославие» («атеизм», «безверие», «богоотрицание», «богоотступник», «богоненавистник», «сектантство», «оккультизм», «антиправославный», «исламизация», «безбожие», «язычество», «антихристианский»), «экстремизм» («радикализм», «шовинизм», «терроризм», «анархизм», «сепаратизм», «экстремизм», «фашизм»), «национализм» («антисемитизм», «нацизм», «расизм», «национализм», «шовинизм», «рознь»), «антирусский» («русские», «дискриминация», «русофобия», «русоненавистники», «американизация», «угнетение», «антирусский», «антинациональный») и др. Анализ проводился с помощью запросов по словоформам, категориям, на совместную встречаемость словоформ (например, проблема экономической зависимости России от стран Запада рассматривалась через совместную встречаемость таких словоформ, как «сырьевой придаток», «придаток Запада»).

В результате компьютеризированного анализа были получены данные, которые позволяют сделать следующие выводы.

Партии концентрируют свое внимание на различных по характеру проблемах. Так РНЕ делает больший акцент на национальных проблемах современной России (к примеру – дискриминации русского народа другими национальностями) – суммарный показатель по категориям, посвященным национальным проблемам России, у РНЕ составляет 394 смысловых единицы, тогда как у РПНСД несколько меньше – 292 единицы. В свою очередь, РПНСД особое внимание уделяет религиозной проблематике (например, распространение сект, оккультизма) – показатель составляет 473 единицы, когда у РНЕ эта проблема стоит менее остро – ее отражает лишь 66 смысловых единиц.

Анализ показал различия во взглядах между РНЕ и РПНСД по многим проблемам современной России и ее истории. Например, РНЕ и РПНСД, говоря о бедственном положении населения, имеют несколько отличный друг от друга взгляд на содержание этой проблемы. Так РНЕ считает важной проблему безработицы среди населения, а РПНСД акцентирует внимание, в основном, на проблеме голода. Интересно, что в вопросе об идеальном государственном устройстве обе партии предпочитают монархию, но с разной ролью элиты в монархическом строе (у РНЕ элита занимает подчиненное положение по отношению к монарху, тогда как у РПНСД – равное). Но взгляды партий на ряд проблем не только различны, но часто и противоположны. В частности, это выражается в отношении к Великой Отечественной войне и вождям СССР и

Германии. Например, РНЕ относится к Сталину с долей симпатии, говоря о его вкладе в победу в войне, а РПНСД крайне негативно высказывается о вожде СССР, называя его «главным безбожником», «палачом», «людоедом» и т.д.

В то же время, по ряду показателей партии сохраняют сходные представления — это в основном проблемы, касающиеся экономического положения современной России (например, превращение России в сырьевой придаток Запада), и национальный вопрос (к примеру, негативное отношение к американизации всех сфер общественной жизни).

Такое отношение партий к различным проблемам современной России и ее истории позволяет говорить не только об определенных отличиях в мировоззрении партий, но и о некотором сохранении преемственности РПНСД по отношению к РНЕ. На этом основании можно утверждать, что новая партия занимает так же крайнее правое место в политическом спектре. Таким образом, осуществленный анализ показывает, что, несмотря на определенную долю преемственности, РПНСД имеет существенные отличия, которые иллюстрируют больший радикализм этой партии, что и стало одной из причин выделения ее из РНЕ.

**Количественные подходы в изучении международных отношений:
модель Д. Розенау.**

И.Ю. Губернаторов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Развитие науки о международных отношениях с 60-х годов XX века происходило в условиях отсутствия единых теоретических и методологических установок. Существование глубоко укоренившейся традиции рассмотрения международных отношений как сферы уникальных и неповторимых феноменов вело к описательности в науке, недостаточному вниманию к изучению закономерностей объекта исследования. Внешняя политика государств зачастую представлялась как продукт исключительно внешних сил (реакция конкретного государства на окружающий мир) или, наоборот, результат внутреннего развития общества и государства. Вопрос о соотношении разных факторов, влияющих на формирование внешней политики, не получил серьезной разработки. В результате объяснения природы международных отношений оставались односторонними и непоследовательными. В связи с этим задача создания общей теории международных отношений, которая смогла бы устранить противоречия между конкурирующими подходами в науке, приобрела особую актуальность.

Американский ученый Джеймс Розенау пытался решить данную задачу путем построения такой модели, которая сделала бы возможным единообразный анализ поведения государств на мировой арене. Необходимым условием успешной разработки этой модели было создание возможности эмпирической проверки сделанных на ее основе выводов. Розенау стремился осуществлять такую проверку, опираясь на количествен-

ные данные. В порядке гипотезы он выделил пять наборов переменных (индивидуальные, ролевые, правительственные, социальные и системные), которые в той или иной степени влияют на политику любого государства. Индивидуальные переменные заключались в уникальных характеристиках лиц, определяющих политику государства (их ценности, таланты, опыт); ролевые определяли поведение тех же лиц как обладателей определенных ролей (должность, принадлежность к партии и т.п.), которые диктуют их поведение, независимо от личностных свойств. Правительственные переменные в модели Розенау охватывали структуру государственного аппарата, ее воздействие на формирование внешней политики; социальные переменные относились к свойствам конкретного общества (его ценности, степень национального единства, уровень индустриализации и урбанизации и т.п.), а системные — к внешним условиям существования государства.

Таким образом, он включил в свою модель практически все показатели, которые использовались учеными-международниками в качестве факторов, определяющих поведение государств на международной арене. Вслед за этим Розенау поставил задачу оценить сравнительную силу воздействия этих переменных на внешнюю политику государств. Для этого он выдвинул вторую гипотезу — для каждого государства ранжировка данных переменных по уровню их значимости зависит от того, является ли государство большим или малым, его экономика — развитой или неразвитой, а его политическая система — открытой или закрытой. Розенау не без оснований считал, что любое государство можно охарактеризовать, используя показатели размера, экономической и политической систем. Он даже утверждал, что различные комбинации этих показателей образуют восемь своего рода «генотипов» и каждая из существующих стран относится к одному из них, например, «большие, развитые, с открытой политической системой» (США) или «малые, развитые, с закрытой политической системой» (восточноевропейские страны).

Следующим шагом в построении его модели стало выстраивание иерархии переменных по степени их влиятельности для разных «генотипов» государств. Так, Розенау предположил, что в «больших, развитых государствах с закрытой политической системой» (СССР) наибольшее влияние на внешнюю политику оказывают ролевые переменные, на втором месте по значимости находятся индивидуальные переменные, на третьем — правительственные, системные — на четвертом, и наиболее слабо влияют социальные переменные. Полученные таким образом предположения могли быть подвергнуты проверке при помощи чисто количественных показателей. Скажем, для оценки правильности ранжировки переменных по влиянию на внешнюю политику в вышеприведенном примере могла быть использована обработка систематизированных данных о внешней политике СССР за определенный период времени. Каждое событие с участием Советского Союза оценивалось с точки зрения того,

какая именно переменная (или переменные) в наибольшей степени определяла его политику в этом случае.

Данная модель могла быть использована для эмпирической проверки имевших широкое хождение в научном мире тезисов о том, что в государствах с закрытой политической системой ведущую роль в выработке политики играют индивидуальные переменные, а с открытой – социальные и т.п. Несмотря на то, что получаемые на ее основе результаты имели серьезные недостатки (трудности в обработке эмпирического материала, грубое дихотомическое деление «генотипов»; не учитывалось взаимодействие факторов, определяющих внешнюю политику), она была достаточно полезна как методологическое пособие и могла послужить отправной точкой для дальнейших исследований. Сам Розенау на ее основе провел сравнительное исследование, целью которого было выявить сравнительное влияние на характер поведения государств (склонность к конфликту или сотрудничеству) внутренних (размер, экономика и политическая система государства) и внешних факторов. Эти внешние факторы имели вид диад, т.к. строились путем соотношения одного государства с другим: их географическая отдаленность, социокультурное сходство и военное равновесие между ними. В качестве гипотезы, подлежащей проверке, Розенау использовал основанные на «здравом смысле» представления о том, что более вероятно конфликтное поведение со стороны больших, развитых и открытых государств, а также в случае близкого расположения государств, их социокультурной гетерогенности или военного неравновесия между ними. Проверка этих гипотез продемонстрировала, что утверждения о характере поведения государств, основанные на внутренних факторах, больше соответствуют эмпирической «реальности», чем основанные на внешних факторах. Также выяснилось, что источники конфликтного поведения и стимулы к сотрудничеству не противопоставлены: государства с одинаковыми характеристиками демонстрировали наибольшую склонность и к конфликту, и к сотрудничеству.

География и ресурсы	Большие				Малые			
	Развитая		Неразвитая		Развитая		Неразвитая	
Экономика	Развитая		Неразвитая		Развитая		Неразвитая	
Политическая система	Закрытая	Открытая	Закрытая	Открытая	Закрытая	Открытая	Закрытая	Открытая
Ранжирование переменных	Рол. Инд. Пра Сис. Соц.	Рол. Соц. Прав. Сис. Инд.	Инд. Рол. Прав. Сис. Соц.	Инд. Рол. Соц. Сис. Прав.	Рол. Сис. Инд. Прав. Соц.	Рол. Сис. Соц. Прав. Инд.	Инд. Сис. Рол. Прав. Соц.	Инд. Сис. Рол. Соц. Прав.
Примеры	СССР	США	КНР	Индия	Польша	Бельгия	Гана	Кения
Склонность к конфликту (гипотеза)	8	7	6	5	4	3	2	1
Склонность к сотрудничеству (гипотеза)	1	2	3	4	5	6	7	8

8 = меньшая склонность, 1 = большая склонность.

Значение модели Розенау состоит, конечно, не в этих частных выводах, а в том, что она показала возможность использования количественных методов в изучении международных отношений не только в целях проведения узко прикладных исследований (например, влияние электоральных предпочтений или отдельных экономических показателей на внешнюю политику), но и для разработки общетеоретических вопросов и сравнительного анализа.

Литература

[1] Современные буржуазные теории международных отношений. Под ред. В.И. Гантмана. М., 1976.

[2] Comparing foreign policies. Theories, findings and methods. Ed. by J. Rosenau. New-York, 1974.

[3] Rosenau J. The scientific study of foreign policy. London, 1980.

Любовь в куртуазном сознании средневекового человека: неожиданный рост престижа Дамы или оригинальный способ возвышения вассала?

С. В. Путилин

Курганский государственный университет, Россия

Понятие и сущность явления, обозначаемого словами «куртуазная любовь» (ст. фр. *fine amor* – «утонченная любовь») практически с момента появления и до наших дней интригуют умы и души людей различных стран и народов. Конечно, имеют место и дискуссии, но на данный момент большинство историков и культурологов разделяют до известной степени единодушно следующие положения: главная **причина** появления куртуазной любви состоит в широком распространении майората и ограничении количества браков, породившие сексуальную распущенность среди множества необеспеченных в материальном плане младших отпрысков – холостяков из благородных семей (иными словами, это форма бунта против сексуальной морали того времени), ее **сущность** – новая форма чувственно – физиологических взаимоотношений между мужчиной и женщиной, согласно которым Дама выступает в качестве любовного объекта, а рыцарь, испытывая возвышенные любовные чувства исполняет роль влюбленного, полностью подчиняемого в служении госпоже по строго установленным правилам поведения, а **последствием** явилось повышение положения женщины в обществе в целом и улучшение общественных нравов [1]. Однако качество и методы изучения данного уникального феномена средневековой жизни, на наш взгляд, не позволяют в действительности самым серьезным и доказательным образом подкрепить вышеуказанные положения. Требуется высокая степень систематизации информативных данных, которые содержатся в средневековых исторических памятниках.

В этой связи был проведен тщательный контент – анализ литературных источников самого разнообразного свойства (в том числе произведе-

дения и жизнеописания трубадуров и труверов, различные куртуазные романы.) в объеме около **8 000 000** знаков [2]. Попробуем выявить социальную природу, сущность и структуру одного из ярких самобытных явлений средневековой культуры – «куртуазная любовь». Основные выводы исследования рассмотрены ниже.

Основополагающими причинами появления куртуазной любви необходимо считать **оформление сеньориально – вассальных отношений**, наличие количественных диспропорций (низшие слои по численности превосходят верхушку знати в несколько раз) и **острой психологической напряженности** (между вассалами и сеньорами) внутри знати. В пользу данной точки зрения свидетельствует наиболее частое употребление понятия «seigneur» (20,7%) среди других социальных представлений («home» – 18,8%, «rei» – 14%, «chevalier, cevaler» – 12,3%, «dame, dòmna» – 11,3%). О количественных и психологических диспропорциях присутствует информация практически в каждом источнике независимо от социальной принадлежности автора.

Квинтэссенция явления. «Куртуазная любовь» – это особая мышления и **поведения**, инициированная и присущая, главным образом, низшим слоям знати и частично простолюдинам, которые посредством служения (**соития**) Даме – части (честь) сеньора, создали параллельно социальному куртуазный (психологический) вассалитет «равенства». Другими словами, «куртуазная любовь» есть **оригинальный способ достижения вассалом психологического статуса сеньора, а Дама – лишь средство его достижения**. В менталитете рыцаря «куртуазная любовь» – это возможность повышения психологического статуса «с вассала до сеньора», материальное благополучие, слава, турнир, борьба, завоевание, физический иммунитет. В качестве доказательства приведем следующие факты. 1. Социальными адептами (субъектами) куртуазной любви являлись: **51,5% – низшая знать** (вассалы: простые дворяне, шевалье), 19,1% – высшая знать (сеньоры: шателены, графы, герцоги), 17,6 % – простолюдины, 11,8 % – благородные Дамы. 2. Ключевым в данном случае является выявление в представлениях людей благородного происхождения ценностного компонента понятия «chevalier», который включает 20 структурных разделов [3]: **1) воля, желание** (volontat) – 8,1%, **2) доблестных качествах** (preu, fort, valor, vaillant) – 7,9%, **3) значительный и выдающийся** (grant, meillor) – 6,7%, **4) хорошие и добрые качества** (bien, ben, bon) 5) разум, мудрость (razon, sens, saveir) – 4%, 6) любовь, дружба (amor, ami) 3.2%, 11) служение (servir, mestier) (1.2%) Иными словами, «любовь» и «служение» являются не синонимами понятия «рыцарь», а всего лишь слабыми его элементами, что указывает на «служебный» характер их употребления в качестве средства для достижения своих целей. 3. Интересным представляется употребление понятия «chevalier» в контексте социальной иерархии. Дама в большей степени в подчиненном положении у рыцаря (56,8%), нежели рыцарь у нее (43,2%) Вместе с тем наиболее часто употребляемой по отношению к рыцарю социальной ролью является «сеньор». Стремительного возвы-

шения Дамы в обществе не было в 12 – 13 веках и даже сегодня нет равноправия между французскими мужчинами и женщинами во всех сферах общественной и семейной жизни [4]. 4. Понятие «amor» употребляется интенсивно с понятиями «conquier» (завоевать), «honneur» (честь), «los» (слава), «pris» (уважение), «amie» (подруга), «armas, armes» (вооружение), «guerra, guerre» (война), «batalha» (бой, сражение), «veindre» (побеждать), «torneis» (турнир) и т.д. 5. Структура **куртуазного вассалитета** полностью идентична социальному. Главное отличие куртуазного вассалитета от социального в том, что феодал от начальной к высшей стадии изменяет свое содержание: от сердца к телу (!!!). На заключительном этапе вассал **«обладает»** дамой, честью – **частью физиологической природы сеньора** («соитие»). Он становится равным сеньору психологически.

Главным последствием куртуазной любви стало **психологическое равновесие**, закрепившее и укрепившее основы новой социокультурной ситуации в средневековом обществе.

Литература

1. Муравьева М. Г. Куртуазная любовь // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 132 – 133; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Сретенск, 2000. С. 327-328; Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 98 – 105; Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 90-96.

2. Anthologie poetique francaise. Moyen age. – Paris, 1977. Т. I – II; Cansons et vidas dels trobadors // www. cam.org; www. co-prosperity.org; www. chez.com; www. cardinal.free.fr; www. arrakis.es; www. rialc.ununa; www. lluisvives.com; www. perso.wanadoo.es; www. ictisp.com; mallorqui.org; www. aragoneria.com; www; marchif.crosswinds.net; Les Romans de Chretien de Troyes edites d'apres la copie de Guiot, publie par Mario Roques. P., 1973; Хрестоматия по истории французского языка с IX по XV вв. / Сост. В. И. Шишмарев. М. – Л.: Академкнига, 1955; Bernay A. de Roman d'Alexandre // www. fh.-augsburg.de; Bodel J. Fabliaux // www. fh.-augsburg.de; Le Pelerinage de Charlemagne // abu. – cham.fr; Le Couronnement de Louis // abu. – cham.fr; Le Roman de Troie par Benoit de Sainte-Maure // abu. – cham.fr; Le jeu d'Adam // abu. – cham.fr; Le Roman de Rou par Wace's // abu. – cham.fr; La Chanson de Roland // www. fh.-augsburg.de

3. Структурный раздел объединяет разные структурные единицы, обозначающие одну и ту же ценность разными словами. Например, структурный раздел «Доблестные качества» объединяет все слова, обозначающие данные качества человека: hardi, ~du (смелый, храбрый), fort, force, -che, esfors, ~-rt, (сильный, сила, усилие), pro, preu, proz, pros, prou, preus, prex, pruz (дельный, доблестный, храбрый, смелый), и т.д. Заметим, что структурных единиц ценностно – ориентационного компонента понятия «chevalier» насчитывается более 100 наименований.

4. Halimi G. Les femmes et la vie politique // Le monde diplomatique. n°487, octobre 1994; Remy J. A quoi sert le féminisme aujourd'hui? // L'express. 2004. mars.

Белые генералы и адмиралы: к характеристике коллективного портрета высшего офицерства Белого движения

Д.М. Софьин

Пермский государственный университет

Целью исследования является выявление на основе применения метода просопографического исследования ряда существенных черт социально и политически значимой в истории России начала XX в. группы – высшего офицерства Белого движения. Белое офицерство уже становилось объектом исследования отечественных учёных с использованием количественных методов (А.Г. Кавтарадзе, С.В. Волков) [1]. Объектом нашего исследования является высшее офицерство (генералы и адмиралы, т.е. не ниже IV класса Табели о рангах), представители которого служили в белых войсках на любых должностях.

Для проведения данного исследования была создана просопографическая база данных, включающая 424 записи. Для того, что выборка была максимально репрезентативной, мы использовали алфавитный принцип: были взяты практически все генералы и адмиралы Белого движения, чьи фамилии начинаются с букв от «А» до «З». Основным источником сведений стал справочник С.В. Волкова «Белое движение» [2]. Использовались и другие работы (К.А. Залесского, Н.Н. Рутыча, В.В. Клавинга, И.Б. Иванова, В.Е. Шамбарова, В.Г. Черкасова-Георгиевского, И.Ф. Плотникова) [3], мемуары (А.И. Деникина, барона П.Н. Врангеля, Я.А. Слащова-Крымского, Г.М. Семёнова) [4].

В столбцах базы данных отражены следующие атрибуты – фамилия, имя, отчество, социальное происхождение, год и место рождения, год и место смерти, пребывание в эмиграции, служба в Гвардии, обучение в Николаевской академии Генерального штаба, вид и род войск, чин в 1917 г. и чин к моменту смерти, должность в 1917 г. и главная должность во время гражданской войны, фронт гражданской войны.

По параметрам не по всему массиву базы удалось установить данные. Поэтому по отдельным атрибутам за 100% брались соответствующие показатели.

На основании запросов к базе данных и их анализа получена следующая характеристика белого высшего офицерства как социокультурной и профессиональной группы.

По социальному происхождению высшее офицерство было представлено в основном выходцами из дворян и казаков, соответственно 46,84% (в том числе 5,79% – из титулованных) и 40,53% (в т.ч. 18,95% из казаков-дворян). Преобладание выходцев из дворян среди высшего офицерства можно объяснить, в первую очередь, тем, что многие дворяне тради-

ционно предпочитали военную службу статской. Абсолютное большинство представителей белого высшего офицерства были зрелыми, опытными и трудоспособными людьми: подавляющему большинству (74,40%) во время гражданской войны было около 40-50 лет. Подавляющее большинство белых генералов и адмиралов (87,02%) оказались в эмиграции. Большинство белых высших офицеров представляли привилегированную высокообразованную часть российского офицерства. При этом обнаруживается наличие довольно значительной взаимосвязи между службой в Гвардии и обучением в Николаевской академии Генерального штаба. Из высших офицеров Белого движения к Армии принадлежало 92,27%, а к Флоту – 4,11%. Таким образом, в Белом движении подавляющее большинство составляют сухопутные офицеры. При этом численность кавалерийских офицеров значительно превышает количество пехотных (46,60% против 37,63%).

На 1917 г. генералами и адмиралами было чуть больше половины высших офицеров Белого движения – 52,52%. Таким образом, почти половина белого генералитета получили звание высшего офицера только во время гражданской войны. Во время гражданской войны генералитет численно намного преобладал в войсках Южного фронта (72,17%) над войсками Восточного фронта (20,76%). Число находившихся на различных высших должностях во время первой мировой войны не превышает 15% по каждой должности. Также и во время гражданской войны. Кроме того, анализ распределения по занимаемым должностям показал, что почти 1/10 часть генералитета (8,25%), находившегося в составе белых войск, оказалась фактически невостребованной в ходе гражданской войны, состоя в резерве чинов.

Литература

[1] Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М., 1988 (здесь автор для сравнения привёл количественные данные по белым офицерам – участникам Ледяного похода); Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

[2] Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. СПб. – М., 2003.

[3] Залесский К.А. Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. М., 2002; Клавинг В.В. Гражданская война в России: Белые армии. М. – СПб., 2003; Иванов И.Б. Краткие биографические данные чинов Русского Корпуса, упомянутых в настоящем сборнике // Русский Корпус на Балканах (1941-1945). СПб., 1999. С. 389-442; Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2002; Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999; Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск, 2000; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Ростов н/Д, 1998.

[4] Деникин А.И. Очерки русской смуты: [В 5 т.] Минск, 2002; Врангель бар. П.Н. Записки: [В 2 т.] Минск, 2002; Слещов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990; Семёнов [Г.М.] О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999.

Подсекция «Археология и этнография»

Этнические стереотипы русского и татарского народов через призму фольклора (на примере анекдотов, пословиц и поговорок).

Д.Ф.Абдулина

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина.

Объектом нашего исследования явились анекдоты, пословицы и поговорки 2-ух культур русской и татарской. Предметом исследования была оценка данного типа этнокультурного источника с точки зрения возможности их использования для выявления этностереотипов. Актуальность темы продиктована необходимостью разработки проблем этностереотипа, его генезиса, и резкого отхода его на негативный полюс сознания современного человека. Почему во все более техногенезирующемся обществе Российский социум испытывает потребность в этническом самосознании, и все более антагонизируя.

Результаты жизнедеятельности этноса являются теми реалиями, которые должны обязательно учитываться. Этнопсихологические особенности не могут не отражаться, не проявляться в характерных чертах материальной и духовной культуры. Следовательно, изучение их образцов — то, что дает основание говорить о наиболее существенных характеристиках этноса. Таким образом в анекдотах, пословицах и поговорках, проявляется целый комплекс параметров — исторических, социально-экономических, культурных. Видится возможным раскрыть данные вопросы реализуя тему данной работы. Работа проводилась на основе сборников анекдотов и пословиц и поговорок. Количество текстовых примеров — 1674 единицы. Материал получен при помощи сплошной выборки. Проанализировав методом понятийного, интерпретативного и контент-анализа получены следующие результаты:

Анализ анекдотов обеих культур проводился в 2 этапа. На 1 этапе он проводился по 2-ум гендерным концептам: «мужчина» и «женщина». На 2 этапе объем полученной информации был соответственно разделен на характеристики: семейно-родственные отношения; возраст; конфессиональные представители; имущественное положение; профессия; пороки.

На 1 этапе мы получили такие результаты: в концепте «мужчина» всего осуществлено 468 апелляций, для чего использовано 66 различных единиц. В концепте «женщина» 147 апелляций, где использовано 18 различных единиц-. Сравнивая приведенные выше количества апелляций,

можно однозначно сказать о первенствующем положении мужчины в сюжетах анекдотов. Но если посмотреть апелляции к гендерному признаку в чистом виде, то получим 1,09% апелляций к концепту «мужчина» и 8,9 к концепту «женщина». Превалирующее положение концепта «женщина», связано с тем, что женщина является основой семьи, но не в материально-приносящем аспекте, а скорее как централизующее зерно в гендерных отношениях. Таким образом, мы можем увидеть потаенный смысл анекдотической ситуации, когда мужчина является формальным лидером в общественных отношениях, а женщина неформальным.

При ценностном подходе к изучению пословиц и поговорок встречаются следующие типы ценностей: 1) этнические, 2) общечеловеческие 3) групповые.

У русского этноса: 1) этнические-«На одного жида -2 грека, на грека-2 татарина, на одного татарина-2 полтавских дворянина», 2) общечеловеческие- «Оттерпимся —до чего-нибудь дотерпимся», 3) групповые- «ешь дружки набивай брюшки по самые ушки, точно камешки»; у татарского этноса: 1) этнические-«скажи «дай»- урыс (русский) глух, скажешь «на»-наострил слух, 2) общечеловеческие-«ходит беда не по деревьям —по людским головам», 3) групповые- «Дом с детьми-базар, без детей-мазар(кладбище). Этническая специфика в русских пословиц и поговорок в том что они построены на сравнении, а татарские на характерных особенностях. Как пословицы так и поговорки могут трансформироваться в речи, но семантическая сущность остается неизменной. В ходе работы замечена закономерность: в пословицах и поговорках присутствуют этносы с которыми изучаемый народ вступал в тесное взаимодействие так в русских пословицах и поговорках это: немцы, французы, поляки, литовцы, шведы, цыгане, евреи, татары, калмыки, чувашаи, мордва.- построено по степени встречаемости. В татарских пословицах и поговорках это лишь русские, чувашаи, марийцы. Также интересно сравнение ценностных определений: Родина-«глупа та птица, которой гнездо свое не мило»(рус.), «без родины милой будешь птицей безкрылой»(тат.), Труд-«пилось бы да елось, да работа на ум не шла»(рус.), «чиновник на свой пост, лиса на свой хвост, а работник на свои руки надеется»(тат.)-в процентном соотношении у русского народа более 75% пословиц и поговорок посвящено лени, а у татарского народа более 64%-труду. Возможно это связано с процессами социализации народа. Важной характеристикой духовной жизни человека является «Бог»-«Господь богатит и высит, убожит и смеряет»(рус.), Аллах помогает верующему зримо, а неверующему наставлено.»(тат.). В татарской культуре Высшей силе причисляется вся полнота власти, в русской культуре она поделена между Богом и царем, скорее всего это объясняется тем что пословицы и поговорки сформировались на протяжении монаршей истории России. Проводя подобный анализ раскрываются доминанты на которых шло формирование культуры. В перспективе планируется дальнейшая реконструкция этнокультурного пространства по средствам афористических жанров.

Литература

- 1) Даль В.И. Пословицы русского народа. Тверь, 2000.
- 2) Исанбет Н. Пословицы и поговорки татар. Казань, 1987
- 3) Татарские пословицы и поговорки. М., 1996
- 4) Пословицы и поговорки русского народа в наше время. М., 2004

Две гипотезы происхождения языгов.**Е.В. Вдовченко***Ростовский институт сервиса**Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса*

Языги — хорошо известное античным авторам сарматское племя, которое далее других сарматов продвинулись на запад. Этноним «языги» отмечен впервые на территории к западу от Дона и относится к началу I в. до н.э. (Аппиан сообщает о языгах, описывая события 74 г. до н.э. [Митридатовы войны, 69]). Затем племя мигрирует на запад, на территорию Северо-Западного Причерноморья, где фиксируется Страбоном [География, VII, III, 17]. В середине I в. н.э. языги перемещаются в область Карпатского бассейна, которая становится местом их постоянного проживания [Корнелий Тацит, *Анналы*, XII, 29, 30, *История*, III, 5; Арриан, *Поход Александра*, I, 3, 2; Плиний Старший, *Естественная история*, IV, 80; Птолемей, III, 5, 7; III, 7, 2; Дион Кассий, 71, 7, 1-5; Аммиан Марцеллин, *История*, XX, 8, 31; Иордан, *Гетика*, 74].

Согласно археологическим данным, в I в. н.э. на территории Карпатского бассейна появляются памятники сарматской археологической культуры, характерной чертой которых является ориентировка костяка в южный сектор. Сопоставление археологических памятников Карпатского бассейна и Северо-Западного Причерноморья и античной письменной традиции позволило прийти к выводу о том, что южно-ориентированные комплексы сарматской археологической культуры соответствуют языгам [1, 2].

В связи с определением археологических памятников языгов появляется возможность поднять вопрос об их происхождении. Традиционная гипотеза связывает это племя с язаматами, обитающими в последних веках до нашей эры на Северном Кавказе и в Приазовье. Первыми эту гипотезу выдвинули исследователи XIX в. Ф.Укерт и К.Мюлленгоф [3]. К.Ф. Смирнов тоже допускает возможность появления языгов из среды яксаматов-язаматов Восточного Приазовья. Сближают языгов и язаматов В.Б. Виноградов, В.Е. Максименко, А.В. Исаенко [4, 5, 6]. Эта гипотеза опирается на созвучие этнонимов языгов и язаматов и на факт их соседства (в последних веках нашей эры и те, и другие фиксируются в соседних областях Приазовья).

Анализ археологических памятников, приписываемых языгам, позволяет выдвинуть еще одну версию их происхождения. Ранние комплексы Карпатского бассейна и Северо-Западного Причерноморья по погребаль-

ному обряду близки поздним памятникам раннесарматской культуры. Таким образом, основная масса мигрантов в I в. н. э. происходила из области распространения раннесарматской культуры (различия в погребальной обрядности и материальной культуре сарматских памятников Карпатского бассейна и раннесарматских памятников Поволжья и Подонья II – I до вв. н. э. объясняются неизбежными при миграции культурными трансформациями). Исходя из этого, истоки языгов можно связать с массивом сарматских племен, происходящим из Поволжья и Приуралья.

Литература

1. Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев., 1993, с. 111-112.
2. Вдовченков Е. В. Участие языгов и роксоланов в миграционном движении сарматов на запад // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Сб. научных трудов. Вып. 3. Часть 1. Ростов-на Дону., 2004, с. 268-277
3. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984, с. 119
4. Виноградов В. Б. Еще раз о язаматах // Вестник древней истории, 1974, № 1, с. 153-160
5. Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности, Азов., 1998, Вып. 5, с. 163
6. Исаенко А. В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ., 1993, с. 164
7. Вдовченков Е. В. Миграция носителей сарматской археологической культуры из Подонья на территорию Среднего Дуная в I в. до н. э. – I в. н. э. // Иранский мир и юг России: прошлое и современные перспективы. Южнороссийское обозрение. Выпуск № 22. Ростов-на-Дону., 2004, с. 53-68

Соматические модификации: практические аспекты изучения

И. А. Гринько

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Уже давно в отечественной и зарубежной этнографии наметился отход от классических этнографических тем, в пользу прикладных социологических исследований. При этом создается обманчивое впечатление, что классическая этнография отжила свое и имеет только историографическую ценность. Это положение в корне неверно. При правильном подходе и грамотной постановке задачи, классическая этнография может и должна способствовать разрешению насущных прикладных проблем.

В качестве примера возьмем проблематику соматических модификаций [1], которой в той или иной степени уделяли внимание практически все классические этнографы конца XIX – середины XX вв., и которая с тех пор фактически не подвергалась ревизии. Тем не менее, за последние десятилетия возникали многочисленные юридические, политические, эт-

нические споры и конфликты, которые непосредственно были связаны с соматическими модификациями.

Политика: Одной из самых распространенных и популярных соматических модификаций является обрезание. Видимо, по этой причине правительство Малайзии приняло решение, что обрезание должно стать неким символом в преодолении этнической и межконфессиональной напряженности. Вполне серьезно обсуждается возможность проведение межконфессиональных церемоний коллективного обрезания. Это еще одна попытка сгладить противоречия между мусульманской и китайской общинами Малайзии. И не исключено, что она может иметь успех, учитывая рост популярности обрезания у немусульманского населения страны. На подобный шаг готовы пойти и власти Ботсваны.

Однако подобной точки зрения придерживаются далеко не все. Так в Уганде президент Йовери Мусевени (Yoweri Museveni) заявил, что собирается законодательно запретить этот обычай, даже если это будет стоить ему голосов избирателей. Мотивы подобного политического хода, он озвучил в своем заявлении: «Меня не волнует потеря голосов... Я не могу искать популярности у людей, которые могут завтра умереть, заразившись при обрезании». Несмотря на заявления некоторых медиков, что обрезание снижает риск заражения СПИДом, на Африканском континенте очень часты случаи инфицирования непосредственно во время операции обрезания. Помимо этических и медицинских аспектов африканских политиков, в гораздо большей степени волнует то, что такие соматические модификации как обрезание являются одной из характерных черт трайбализма[2]. И борьба с ними, это, во многом, борьба именно с трайбализмом и его проявлениями.

Законодательство и права человека. В этой области происходит столкновение, основанное на полярности западного менталитета и традиционной культуры. Для европейцев соматические модификации являются открытым нарушением прав человека, а некоторые (например, женское обрезание) еще и одной из форм дискриминации. Помимо этого, европейское общество не может принять соматические модификации, из-за их прямой опасности для здоровья. Для народов носителей подобных традиций запрет или ограничение соматических модификаций, входящих в часть ритуальной системы является грубым вмешательством в этническую культуру и также нарушением их прав на свободу вероисповедания и культовой практики.

Проблемы с юридическими и медицинскими аспектами обрезания возникли в Швеции. В октябре 2001 года там был принят закон, касающийся порядка проведения обрезания. Эта процедура может проводиться лишь под наркозом и в присутствии квалифицированного врача или медсестры. Этот закон вызвал бурю протеста со стороны мусульманской и иудейской общин, которые убеждены в том, что подобный законодательный акт нарушает их право на свободу отправления религиозных обрядов.

Еще более решительно правозащитные и общественные организации настроены против традиции женского обрезания, все еще широко распространенной в Африке и странах арабского мира. В декабре 2002 года в Брюсселе прошла международная конференция, посвященная борьбе с женским обрезанием. Эта конференция организована по инициативе европейских и африканских правозащитных организаций. Для европейцев эта проблема стала актуальной в связи с большим количеством эмигрантов из стран третьего мира. За последние 10 лет были зарегистрированы случаи женского обрезания в Британии, Франции, Германии, США и даже Финляндии. В Британии, несмотря на то, что женское обрезание было законодательно запрещено еще в 1985 году, обрезание грозит более чем 10000 девочек и девушек, и эта цифра, по прогнозам социологов, будет расти. Британская Ассоциация Врачей (БАВ) призвала медиков бороться с религиозной практикой так называемого «женского» обрезания, зачастую приводящего к тяжелым увечьям половых органов.

В США в ходе переписи, проведенной Центром по контролю и профилактике заболеваний, было установлено, что, по меньшей мере, 168 000 девочек и женщин в Соединенных Штатах были подвергнуты обрезанию на свой страх и риск. За последние несколько лет в США, конгрессы и правительства девяти штатов сочли эту практику преступной и были приняты соответствующие законы. Однако до сих пор ни один человек в США так и не был привлечен к ответственности по новому закону. До этого были прямо противоположные случаи, когда уголовному преследованию подвергались люди могущие стать жертвами традиций. Фазия Кассинджа, из Того, провела более года в домах предварительного заключения после бегства в Соединенные Штаты в 1994 из-за угрозы обрезания. В начале, иммиграционный суд отказал в ее жалобе на преследования, заявив, что в ее истории не хватает «рационализма».

Для стран третьего мира борьба с подобными «дикими» проявлениями традиционной культуры, является в какой-то мере таким же символическим действием, как и сами соматические модификации. Отказ от них знаменует собой приобщение к европейской культуре. Борьба с женскими обрезаниями и там выходит на правительственный уровень. В июне 2003 года в Каире состоялась конференция, посвященная проблемам женским обрезаниям, участниками которой стали представители государственных структур и общественных организаций из 28 стран Африки и арабского мира. Итогом их деятельности стало подписание декларации, которая призывает отказываться от традиции обрезаний. Верховный Суд Египта еще в 1997 году принял решение об официальном запрещении женских обрезаний.

Помимо Египта женское обрезание законодательно запрещено еще в 14 африканских странах. Предусмотренные наказания варьируются от штрафа в 300 долларов до 20 лет заключения.

Пытаются бороться с соматическими модификациями и экономически. В 2002 году Всемирный Банк Реконструкции и Развития субсидировал пилотный проект, названный «Прекращение обрезания женских гениталий».

Есть и просто курьезные прецеденты, так в сенаты штатов Мичиган и Иллинойс были поданы проекты биллей о запрещении модной соматической модификации «змеиного языка» (хирургическое раздваивание кончика языка), которую посчитали физическим увечьем. А в армии США солдат с подобным «украшением» сразу же отправляют к хирургу, который возвращает языку первоначальную форму.

Подобное разнообразие проблем, связанных с соматическими модификациями, и методов их решения, требует наличия теоретической базы, которой в данный момент не существует. Ее создание несомненно будет способствовать скорейшему и наиболее объективному разрешению подобного рода конфликтов.

[1] **Соматические модификации (от англ. Body-modification)** — преднамеренные нарушения целостности или изменения формы органов человеческого тела, проводимые в рамках ритуальной практики или эстетических норм.

[2] **Трайбализм** — общее название процессов, связанных с борьбой африканских племен за свое самоопределение

Сани в похоронной обрядности Северного Прикамья XIX — начало XX века

А.А. Космовская

Пермский государственный университет

Тема исследования — роль в похоронной обрядности такого материального компонента, как сани. Временные рамки привлеченные источники и литература позволяют ограничить XIX — началом XX века. Интерес представляет архаичность обрядов, связанных с санями. До наших дней изучение дохристианских, архаичных компонентов служат важной характеристикой преобразований в мировоззрении населения, в его отношении к загробному миру. Это помогает исследовать сложный комплекс представлений наших предков о смерти, дает возможность реконструировать важные этапы переходного похоронного обряда.

Северное Прикамье — район с хорошей сохранностью традиционной семейной обрядности в силу его удаленности. Немаловажен тот факт, что миграции северорусского населения в эту местность продолжались с XI века, часть его еще не восприняла православную обрядность. Языческие представления русских переплетались с языческим мировоззрением автохтонного населения — коми-пермяков. Результатом этого явилась разнохарактерная обрядность со значительной архаической компонентой. Одним из ее проявлений является использование саней при похоронах.

Сани в похоронной обрядности — традиционный материальный компонент для славян. Вывоз умерших на санях осуществлялся независимо

от времени года — и зимой и летом использовались сани: «отвозят покойника на погост непременно на санях, несмотря ни на какую погоду» [1]. Большинство источников отмечают существование этого обычая у коми-пермяков. «Несомненно, сани имеют какую-то тайную связь с прежним религиозным культом пермяков, но удержались сани до сих пор среди их христианских обычаев, кажется, в значительной мере именно благодаря инертности жизни» [2], ввиду отсутствия телег. Тем не менее, подобное явление было распространено и у русского населения. «Независимо от вероисповедания везли покойного на санях и оставляли эти сани на кладбище, предварительно перевернув оглоблями вверх или привязывали эти сани к березе» [3].

Здесь как раз и хотелось бы коснуться обрядов, связанных с санями и их значения для населения Северного Прикамья. Сани (или дровни в местном наречии) оставлялись из-за боязни возвращения покойника. По представлению местного населения душа, пока безглазая, еще существует в этом мире, причем может быть озлоблена на живых. Она может возвратиться домой и «во всякое время по злобе может напугать и причинить много зла обывателям» [4]. Повсеместно известны обряды запутывания пути обратно покойнику — засыпание дороги пихтовыми ветвями, поворачивание саней с гробом по солнцу на перекрестках, дабы запутать следы.

Такие же охранительные действия совершались с санями на кладбище. Для того чтобы душа, приняв дровни за тело, не возвратилась домой, они «либо закапываются наполовину в могилу, либо просто оставляются на кладбище» [4], что не давало гарантии невозвращения покойного. В Северном Прикамье была очень развита вера в колдунов, которые вполне могли совершать более длительные прогулки, нежели обычные умершие. Для обезвреживания колдунов и зачастую простых покойных сани 1) закапывались; 2) втыкались оглоблями в могилу (чтобы труднее было достать); 3) направлялись полозьями в противоположную от дома сторону. Таким образом, покойный, по представлениям местного населения, если хотел посетить родственников, то ему приходилось сначала откапывать сани руками, что, ввиду трудоемкости процесса, вряд ли бы завершилось «до петухов» (до наступления рассвета) [4]. По поверьям, это занимало много времени, к тому же покойник, даже если и извлекал сани, не мог определить верное направление из-за направленных в противоположную от дома сторону полозьев и уезжал не к родственникам.

Еще хотелось бы отметить такой интересный момент в роли саней в похоронной обрядности в качестве компонента, связанного и с миром живых, и с миром мертвых, как представления о святочных духах. Существовал запрет (детям) кататься в святочный период на санках с крутых речных берегов, чтобы «куття» (коми-пермяцкое обозначение святочного духа) не утащил в прорубь. Представляли этих святочных духов в виде «маленьких человечков», таскающих за собой железные санки, на которых они и увозили свои жертвы [5]. У северорусского населения свя-

точные духи назывались шуликины Сани как основной инвентарь для перевозки в мир иной здесь фигурируют достаточно явно.

На основе фактического материала стоит сделать следующие выводы:

1) Сани играли большую роль в похоронной обрядности населения Северного Прикамья, о чем свидетельствует широкая распространенность их у русского и нерусского населения.

2) Можно говорить о вариативности охранительных обрядов, связанных с саними.

3) Интересно толкование обряда в источниках и литературе XIX-XX века: 1) запутывание обратного пути покойнику [4]; 2) пережитки коми-пермяцких религиозных представлений (здесь не учитывается существование этих же обрядов у русского населения) [2]; 3) необходимость саней покойному в загробном мире [5]. Последняя точка зрения, вероятно, тоже верна, так как распространены были обычаи класть в могилу нужные вещи, средства производства и т.д.

4) Сани как материальный компонент похоронного обряда получили интерпретацию в других мировоззренческих сферах, в частности, в представлениях о святочных духах.

Таким образом, можно говорить о важности этого компонента для похоронной обрядности Северного Прикамья и существовании отчетливого и разветвленного мировоззренческого оформления значения саней для местного населения.

Литература

1. Крупкин А. Верования пермяков-инородцев. Часть вторая // Дмитриев А.А. Исторический очерк Пермского края. Пермь. 1986. С.5.

2. Жаков К. По Иньве и Косе. Сарапул. Типография и Литография И.Н.Колчина.1906. С.102.

3. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. – М.: Наука, 1989. С.296.

4. ПОКМ. Ф.16943. Д.164. Струминский В.Я. Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости №45,6 ноября 1904 года. С.502.

5. Конаков Н.Д. Куття // www.komi.com/Folk/myth/txt240.htm

Одежда населения Среднего Прикамья по материалам Тарасовского могильника

А.А. Краснощёров

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Россия

В погребениях пьяноборского времени практически не сохраняются остатки ткани, поэтому судить о покрое одежды можно лишь по ее отделке. Однако достоверно выделить комплекс украшений нижней одежды практически невозможно.

Этнография зафиксировала у финноязычного населения верхнюю распашную и нижнюю нераспашную одежду. Нижней одеждой в пьяно-

борскую эпоху была, вероятно, рубаха, скроенная из двух узких полотнищ, перекинутых через плечи и сшитых посередине. По мнению Н.И. Гаген-Торн, рубашка этого типа связана с культурой земледельцев финно-угорской языковой группы, а рубаха из цельного полотнища, с вырезом для головы – с традициями степной, кочевнической культуры. Она также отмечает, что сшитой одежде этого типа предшествовала такая же распашная [1]. Рубаха из двух полотнищ имела вертикальный разрез по центру груди, точнее несшитую часть, которая требовала ношения нагрудника или закалывания ворота сьюльгамой. Находки остатков нагрудников и сьюльгам, лежащих высоко (у шеи) является, по нашему мнению, доказательством бытования именно такого типа рубахи.

Верхняя одежда была распашная, скреплялась застежками (фибулы, сьюльгамы) и поясом. Размеры, особенно поздних, фибул, сохранившиеся остатки ткани, свидетельствуют, что верхняя одежда шилась из грубой ткани, вероятно шерстяной, могла иметь меховую отделку. На поселениях до сих пор не найдены остатки ткацких станков, можно, однако, предполагать, что процесс изготовления тканей был достаточно сложен и трудоемок, поэтому вряд ли одежда имела дополнительные оборки, т.к. материя расходовалась бы неэкономно. Застежки служили для скрепления и ворота рубахи и пол верхней одежды. Однозначными являются только случаи нахождения двух застежек одновременно, либо одной на другой, либо одной «выше» другой. В таком случае более мелкая, или нижняя определяется нами как застежка ворота рубахи, а более крупная и верхняя – как застежка пол кафтана. По расположению украшений в некоторых погребениях можно восстановить характер запаха одежды и степень налегания пол одежды друг на друга.

О длине рукава можно судить по находкам их обшивок (найжены в 22 погребениях) они представлены бронзовыми бляшками и/или пронизками, нанизанными на кожаный ремешок, пришитый в один ряд, либо в два, от горловины вдоль плеча и руки до локтя, иногда несколько ниже. Иногда пронизки проходят вокруг рукава в районе локтя.

В четырех захоронениях обнаружены обшивки пол одежды. Бисер из погребения 865, судя по расположению в одну линию без разрывов, украшал нижнюю одежду – рубаху. Обшиты были горловина и, частично, правое плечо. На груди, с обеих сторон от позвоночника найдены вертикальные ряды бисера, вероятно, обшивавшие грудной разрез. Перпендикулярно от него, влево, шли два коротких ряда бисера.

Полы кафтана, запахивавшегося, вероятно, слева направо были обшиты бляшками (в одну линию – погребение 949), бисером (в виде зигзага – погребение 1875). Отмечена и отделка пол кафтана снизу – в погребении 917 вертикально обшиты обе незапахнутые полы, а в погребении 1318 угол правой полы был обшит бляшками.

Некоторые украшения можно интерпретировать как обшивки подола. Поперек колен, иногда чуть ниже или выше, располагался один, два, а в одном случае – три ряда украшений. В погребении 1185 передняя часть

подола, вероятно рубахи, на уровне колен, была украшена рядом бронзовых бляшек и крупных накладок. Обычно эти украшения расчищены лишь с одной стороны, либо между колен, однако, по зафиксированным в трех погребениях остаткам можно предположить ширину подола: 76 см (погребение 1131), 39 см (погребение 1186), 45 см (погребение 1252).

Найденные украшения позволяют реконструировать внешний вид и покрой одежды. Рубаха длиной, вероятно, до середины голени или несколько ниже имела разрез до середины груди, и могла обшиваться по горловине и на груди бисером. Возможно, часть обшивок подола относится к нижней одежде, в частности более узкая зафиксированная ширина подола (39 и 45 см) может относиться именно к рубахе. Столь длинные нагрудные обшивки являются еще одним свидетельством, что основа рубахи шилась из двух полотнищ со швом посередине. Разрез у шеи скалывался сьюльгамой.

Верхняя одежда представлена «кафтаном» длиной несколько ниже колен, без ворота, запахивавшимся, возможно, слева направо. Рукава были, вероятно, до запястья, однако, украшались, в основном, только до локтя или чуть ниже. Полы «кафтана» скалывались фибулами, крупными сьюльгами или застежками-бляхами.

В семи погребениях найденные украшения можно интерпретировать как отделку штанов. Украшения располагались либо у одной штанины, либо у обеих. Длина штанов не менее чем до середины голени.

Литература

1. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960, с.10, 14, 74

История дунганского народа на перекрестке Великого Шелкового пути (исторические ретроспективы)

К. Э. Курбанов

*Кыргызский Государственный Университет Строительства,
Транспорта и Архитектуры. Бишкек Кыргызстан*

Караванные тропы древних торговцев и путешественников, сходясь и расходясь в горных ущельях и песчаных дюнах, образовали трансконтинентальную трассу под названием Великий Шелковый Путь, который соединил множество стран и народов. Диалог культур, религий и цивилизаций на этом пути сделал мир богаче, краше и спокойнее. Кто знает, может быть, благодаря народной дипломатии на этой, одной из важнейших транспортных артерий нашей планеты в истории человечества было войн меньше, чем могло бы случиться.

Тема моего доклада «Дунгане на Великом Шелковом Пути». Многие из вас, наверное, знают дунган по тому, что большинство из них работают на полях, выращивая овощи, но не каждый задавался вопросом: кто они? как они попали сюда? где их родина? какова же их история?

По вопросу этногенеза дунган в истории литературы существует множество разных гипотез. Они выдвинуты русскими, советскими, в том числе и исследователями из Кыргызстана – представителями самих дунган, и, разумеется, китайскими учеными.

Происхождение этнонима «хуэй» в обыденном сознании дунган связано с фактом переселения арабских воинов в Китай. [1]

Этот же факт давало представление об общем происхождении хуэй и их некоем родстве через арабских воинов с арабами, а через китайянок, ставших женами этих воинов, с китайцами. Основываясь на этом легендарном, а возможно, и реальном факте, во всяком случае для некоторых групп, дунгане считают арабов, выражаясь терминами родства по отношению к себе, «дядями со стороны отца» –баба, соответственно китайцев признают жюжю- «дядями со стороны матери».

Существует так же и другие версии происхождения дунган. Так, например ученые А.М. Решетов и Н.И. Чебоксаров считают, что дунгане – своеобразная группа хуэй как ответвление китайского этноса, принявшая мусульманство. [2]

Другой ученый- исследователь истории, культуры и этнографии дунган – М.Я Сушанло, выдвинул гипотезу о тангутских корнях дунган. Он также утверждал о несостоятельности общего происхождения китайцев и дунган.

Исследователь С.И Брук высказал об этногенезе дунган следующее суждение: «Весьма вероятно, что дунгане являются смешанной группой, и различные теории их происхождения взаимно дополняют друг друга».

Нынешние дунгане Центральной Азии – это в основном потомки тех дунган, которые более 120 лет тому назад переселились из Китая в тогдашнее Российское государство. Тогда значительная масса людей решились покинуть своего многовекового обитания, которые считали своей исторической родиной. Они стремились перейти в подданство другого государства, спасаясь от угрозы поголовного истребления.

После поражения дунганского восстания на северо-западе Китая отступающие войска в месте со своими семьями в районе города Аксу (Синьцзянь) разделились на группы и самостоятельно стали двигаться в трех направлениях Русской границы. В начале ноября 1778 года группа ганьсуйских дунган во главе с Юсуфом Да Сыфу, сын Ма Хуалуна –руководителя восстания в провинциях Ганьсу и Нинься перешла границу в районе перевала Бедель, движение караванов через который обычно происходило лишь в летнее время и прибыла в г.Каракол в количестве 1116 человек.

Первыми на помощь бедствующим дунганам пришли их единоверцы-кыргызы из ближайших окрестных айылов. Весной беженцам выделили наделы земли в 6-7км западнее от г.Каракол, где они основали селение Ирдык.

Другую группу из Аксу через Марал-Баши в Кашгар вел Ма Дажень. Возглавляемая им группа двинулась через труднопроходимые перевалы Эргаш-Таш и Терек-Даван, направляясь к г.Ош. Областные ферганские и

уездные ошские власти уже осведомлённые о движении дунган, смогли оказать своевременную помощь обмороженным и голодным беженцам, спасая их от верной смерти. В город прибыло до 1000 беженцев. Всех их разместили в многочисленных узбекских мечетях.

Наибольшие трудности при переселении дунганских повстанцев в пределы Российской империи выпали на долю третьей группы, состоявшей в основном из шэньсийский дунган, предводительствуемых Бай Яньху. Её особенно преследовал цинский военачальник Лю Цзиньтан (Люшо, как его называли дунгане).

По пути этой группе предстояло преодолеть Чакмакское ущелье. В начале декабря 1877г эта группа пересекла границу русского государства и достигла пограничного г.Нарын, а 27 декабря достигла г.Токмок. К тому времени в группе осталось 3314 человек. Весной 1878г они обосновались в урочище Каракуруз в 8 км от г.Токмока.

Второе переселение дунган относится к 1881-1883гг. Тогда они расселились вдоль Великого Шелкового Пути от Джаркента, Чарына, Челека до Алматы, Бишкека и с.Александровки. [3] Это как раз те регионы, откуда караванные тропы древних торговцев вели через горные ущелья и песчаные дюны на север – в Монголию и Россию, а также на северо-западе – в Среднюю Азию, на Ближний и Средний Восток.

Общая численность дунганского населения в странах СНГ около 115 тыс. человек. Они расселены в основном на территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и др. На территории Кыргызстана в данное время проживают более 50 тыс. дунган, по статистическим данным дунгане занимают 4-ое место по численности населения Кыргызстана.

В Кыргызстане сформировался современный литературный язык. В системе НАН КР создана единственная в мире (за пределами Китая) самостоятельная структурная единица, которая ведет научные исследования по истории и культуре дунган – отдел Дунгановедения.

Дунгане живут и развиваются не только в нашей стране, волею судьбы они разбросаны по всему свету. И именно на Шелковом пути, который немислим без Китая, они проживают в своём большинстве. По данным переписи 1990 года их около 9 млн. Дунганские диаспоры встречаются в странах Юго-восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и т.д.), в США, Канаде, Австралии, Саудовской Аравии, Пакистане и т.д.

Итак, судьба распорядилась так, что значительная часть дунган проживают вдоль Великого Шелкового Пути, где сошлось множество культур, религий и цивилизаций. Здесь люди не только занимались торговлей, перемещаясь с места на место, но и находили общий язык, учились взаимовыживанию и толерантности, обменивались культурными ценностями.

Литература

1. М.Я. Сушанло Дунгане, из-во Илим Фрунзе 1971г
2. Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сборник научных статей/ под ред. М.Х. Имазова. Выпуск 1,2 Илим 2002,2003.

3. Очерки истории советских дунган. Под ред. М. Сушанло и Г.Г. Стратановича. Фрунзе 1967
4. Общественно-политический и художественно-публицистический журнал «Хуэйзу» – Дунгане. Бишкек Вып.1-3.2001-2002гг.
5. Дунганская газета «Хуэймин Бо» // Роль дунган в отношении Китая и стран Средней Азии// 24.03.2004
6. О Бай Янь-ху, М.Я. Сушанло Дуганское восстание во второй половине XIX в. и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе 1959 .

Семантика элементов похоронно-поминальной обрядности казахов

Н.Ш. Курумбаев

*Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова,
Казахстан*

Похоронно-поминальная обрядность является одним из консервативных в обрядах и ритуалах жизненного цикла, который включает в себя разнообразную информацию о культурах и верованиях народа. Данная проблема, исследование семантических аспектов представляют большой научный интерес для этнолога.

Семантика элементов современной похоронно-поминальной обрядности казахов тесно связана с магическим, апотропейным и символическим содержанием обрядов и позволяет судить о мировоззрении, происхождении и бытовании многих традиционных норм поведения и быта.

По насыщенности знакового содержания элементы похоронно-поминальной обрядности можно условно разделить на те, в которых семантическое содержание сохранилось почти без изменений и отчетливо проявляется в настоящее время, и те, семантическое содержание которых хотя и сохранилось, но сильно трансформированном виде.

Одним из главных семантических моментов в похоронно-поминальной обрядности является представление о покойном как о «госте» живых до момента погребения. То, что покойника помещают на правой стороне дома, можно объяснить тем, что в прошлом в юртах правая сторона считалась почетным местом, предназначенным для гостей – тор, а левая – семейная. Покойника помещали на правую сторону, так как по представлениям казахов, его считали «гостем» живых, который скоро отправится в последний путь. И даже сейчас, когда сообщают о смерти, то говорят: «конак болып калды», то есть – «он стал гостем». Годичные поминки (ас) называли также «актык той» (последний той усопшего) [1]. Отправителем обрядов погребально-поминального комплекса является обычно весь социум в целом. С позиции носителей культуры очень важно участие всех близких и дальних родственников. Последнее, обусловило, закрепление культурной темы на нескольких уровнях, апеллирующих к наиболее важным в сознании этноса ценностным установкам.

Выбор места захоронения покойника – важный момент в контексте мировоззрения казахов в целом. Казахи при выборе мест захоронения

обычно отдают предпочтение погребению на родине, около близких родственников. Как отмечает казахстанский этнолог Ж.Т. Ерназаров, оно символизирует неразрывную связь усопшего члена коллектива с «родной землей», то есть жизненный путь человека должен завершиться там же, где начался [2].

Могилы предков – неотъемлемая часть пространственного континуума казахов-кочевников. Они выполняли ряд функций, в том числе ориентировали человека в пространстве, указывая на источники воды, близость поселения, место отдыха, то есть превращались в некие материальные объекты, структурирующие пространство.

Важную семантическую нагрузку несли и те элементы похоронно-поминальной обрядности, которые связаны с конем. До конца XVIII века казахи хоронили покойника со всеми личными вещами и принадлежностями конской сбруи. О последних пережитках обычая писал А. И. Левшин: «Иногда вместе с телом зарывают оружие, конскую сбрую и уборы умершего; иногда же, сверх того убивают лошадь и мясо одной, сварив, едят, а кости на той же могиле сжигают» [3]. Отголоски средневекового культа коня у кочевых народов Евразии сохранилось до настоящего времени. Хотя традиции захоронения туши или частей коня у казахов исчезли почти повсеместно уже в XIX веке, но по свидетельству респондентов до сих пор бытуют представления о коне как медиаторе в мир усопших: «атка мингизип жиберипти» – «отправили на коне». Для поминальной трапезы считается предпочтительным забой именно лошади. Запрет дробить кости жертвенного животного (коня) также связывается с их (т.е. коня) предназначением хозяину в потустороннем мире [4].

В цикле допохоронной обрядности в настоящее время есть элементы обрядов, которые, утратив прежнее семантическое содержание, приобрели новое – которое так же обеспечивает их устойчивое бытование и высокий знаковый статус. Например, «кузету» – обычай, связанный с «охраной» покойника: покойника нельзя оставлять одного, и ночью, в одном помещении с умершим, обычно находились старики. Сейчас этот обычай чаще понимают как проявление уважения и почета, долг близких и друзей перед покойником. Тогда как в прошлом его смысл был однозначен: «охрана» умершего, который находится в промежуточной – наиболее «опасной» зоне – от действия злых духов [5].

Обряд «Фидия» – магический «перенос» грехов покойного имеет доисламское происхождение. В древности этот элемент погребального обряда, видимо, был связан с переносом грехов на какой-либо предмет (например, разноцветную веревку). В настоящее время грехи покойного «принимает» один из друзей или сам мулла, то есть обряд и его смысловое значение сохранилось в прежнем виде, изменились лишь участники обряда.

Исследования знакового содержания похоронно-поминальной обрядности казахов в эволюционно – трансформированном аспекте позволяет выделить наиболее значимые традиции, понять механизм их воспроизводства. По нашим наблюдениям, основным конструктивным элемен-

там обряда соответствуют устойчивые «толкования» и представления, которые являются частью картины мира казахов. Некоторые из них восходят к архаическим временам, другие связаны с нормами шариата. Функциональное назначение их может быть двойственным. Но семантическое значение отдельных элементов обряда не зависит от других его функций (магических, апотропейных, практических), хотя часто перекликается с ними. В случае утраты или трансформации прежнего знакового содержания конструктивные элементы обряда (например, «кузету», «Фидия») обретают новое, которое так же обеспечивает его устойчивое бытование, высокий знаковый статус.

Литература

- [1] Каракозова Ж.К. Казахская культура и символ. Алматы, 1997.
- [2] Ерназаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003.
- [3] Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- [4] Полевые материалы автора. Фонд полевых этнографических материалов кафедры древней и средневековой истории Республики Казахстан Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова
- [5] Курумбаев Н.Ш. Символика похоронно-поминальной обрядности казахов (археолого-этнографические аспекты) // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. Тезисы докладов. Караганда, 2004. С.64-66.

Возможности использования древних письменных источников при интерпретации археологических материалов раннескифского времени Алтая

И.Ю. Леонова

Алтайский государственный университет, Россия

Реконструкция мировоззрения древних обществ на основе археологических материалов на определенном этапе исследования обнаруживает необходимость привлечения дополнительных источников. При анализе памятников бесписьменных культур использование древних литературных произведений проблематично, так как отсутствует убедительное методологическое обоснование такого подхода. Целью данной работы является отражение возможности использования архаичных текстов при интерпретации археологических материалов, в частности, памятников раннескифского времени Горного Алтая.

Бийкенская археологическая культура представлена памятниками, зафиксированными в основном в Центральном и Юго-Восточном Алтае и датирующимися концом IX — первой третью VI в. до н. э. [1]. Могильники расположены на террасах по берегам рек, в горных долинах. Большинство курганов скомпонованы в микроцепочки, вытянутые с юго-запада

на северо-восток, иногда с юга на север. Наиболее крупный курган располагался с юго-запада. Места скопления погребений содержат поминальные сооружения, петроглифы. Курганы представляют собой каменные наброски, под которыми находятся кольца из камней. В их центре располагались погребения людей в каменном ящике либо кольце из камней на уровне древнего горизонта (реже — в неглубокой яме). Лошади, захороненные в каменных ящиках, кольцах из камней либо ямах помещались к юго-востоку от погребальных камер людей. Каменные ящики ориентированы по линии юго-восток—северо-запад, человек располагался головой в северо-западный сектор, как и конь. Из инвентаря характерны элементы конской узды, наконечники стрел, зеркала и ряд других предметов. Для реконструкции мифологических представлений людей, оставивших описанные выше погребальные комплексы, нами рассматривались дополнительные источники—тексты Авесты, Ригведы, Упанишад, И-Цзин, Каталога гор и морей и ряд других.

Привлечение литературных источников осуществлялось в рамках структурно-семиотического подхода, который предполагает рассмотрение фактов культуры как текста, состоящего из обладающих различной смысловой нагрузкой знаков [2]. Использование в работе указанных письменных памятников помогает воссоздать идеологический фон эпохи, рассмотреть отдельные мифологические универсалии в рамках мифологического мышления [3]. Мифологические универсалии—системы воззрений на основные элементы картины мира, присущие всем народам на определенной стадии развития [4]. Мифологическое мышление—форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов [5].

В качестве иллюстрации результатов выявления семантики для погребального обряда общностей раннескифского времени Горного Алтая остановимся на таком его элементе, как ориентировка по секторам горизонта захороненных в курганах людей и животных, а также погребальных конструкций в целом. Для выявления мифологических представлений, которые стали причиной такого положения, необходимо определить семантику различных интересующих нас сторон света.

У многих народов север считался стороной смерти, зла. Авеста фиксирует представления, согласно которым с севера прилетает ветер за душой грешника, там находится страна враждебных дэвов, связанная с главной негативной силой, — Ахура Манью. Согласно Упанишадам, перед началом утреннего песнопения, направленного на обеспечение бессмертия богов и на то, чтобы доставить небесный мир жертвующему, жрец обращается лицом к северу, который связан с черным солнцем, «благоденствующей» стороной, бессмертием и небесным миром. В китайской книге обрядов Лизцы указывается, что умерших кладут головой на север, в то время как живые смотрят в сторону юга, подобная традиция была типична для периода Трех царств.

Запад — классическое место расположения в мифологии страны мертвых, что связано с заходом солнца. В символике И-Цзин данная страна света ассоциируется с прошлым, предками. В древнейших мифологических описаниях «Каталога гор и морей» на западе (северо-западе) располагалась сакральная гора бессмертия Куньлунь, называемая «земной столицей предков», а также река бессмертия. Сторона заходящего солнца в знаковой системе Упанишад соотносится с черным солнцем, Варуной. Символика запада Упанишад также содержит упоминания о стране мертвых: о солнце говорится, что сразу после заката от него зависят предки. Данная страна света в Ригведе ассоциировалась со смертью («отправиться на запад» означало «умереть»), с путешествием в страну мертвых.

Южная сторона представлена как благая в Авесте. Согласно мифологическим представлениям И-Цзин, юг — область, наиболее одаренная светом, место, где солнце достигает своего максимального проявления. В китайской традиции южная зона почиталась особо: она была связана с солнцем, красным цветом, огнем.

Согласно Авесте от востока исходит благоприятное. В Упанишадах и Ригведе при описании молитвы, обрядов упоминается, что верующие обращались лицом на восход солнца.

Положение головой на запад, северо-запад, север в курганах бийкенской культуры означало, что душа человека после смерти направится в сектор горизонта, соотносимый со страной мертвых, прошлым, предками, черным (солнцем), но в то же время и бессмертием как возможностью возрождения. С юго-востока (благоприятной стороны) от погребения человека располагалось захоронение лошади. В памятниках бийкенской культуры противопоставление юго-востока и северо-запада, воплощенное в конструкции погребальных сооружений и их ориентировке является отражением дихотомий «положительное» — «отрицательное», «жизнь» — «смерть». Особенностью данной традиции можно считать установку не на оппозицию «север-юг — запад-восток» (характерные для многих народов), а на антитезу «юго-восток — северо-запад».

Таким образом, привлечение дополнительных источников для определения семантики археологических памятников позволяет (при методологическом обосновании такого подхода) выявить смысл, заложенный в них создателями.

Литература

[1] Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 163—166.

[2] Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 363—371.

[3] Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

[4] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

[5] Жбанков М.Р. Миф // Новейший философский словарь. Мн., 2003. С. 634.

Место женщины в скифской и сарматской моделях общества

Л. В. Обуховская

Национальный авиационный университет (Украина)

Сегодня часто обсуждается место женщины в современном обществе, проводятся дискуссии на эту тему. Во все времена женщина в обществе чувствовала себя «второй». И не всегда она могла изменить эту ситуацию или вообще не пыталась. В начале «железного века» ценностные ориентиры в людском обществе начали изменяться, вскоре окончательно утвердились в обществе того времени патриархальные семейные отношения, главная роль перешла к мужчинам. Территорию современной Украины в те времена тоже не обошли такие изменения. Тогда Приазовско-Северочерноморские степи Украины были заселены новыми праарийскими племенами, которые приходили через Кавказ с восточного средиземноморского бассейна. Многочисленными среди них были киммерийцы (сведений о них сохранилось мало), скифы и сарматы.

Одним из первых о скифах и об их соседях – сарматах написал Геродот (V в. до н.э.), отведя им отдельную, четвертую книгу своей «Истории» – «Мельпомена». Впоследствии к скифской тематике обращались и римские историки: Страбон, Плиний Старший, Эман и др. Знаменитый древний греческий географ Клавдий Птолемей (ок. 90 – 168 гг. до н.э.) в своем «Руководстве по географии» описал Сарматия. Скифскую культуру и историю тщательно исследовал российский академик Б. А. Рыбаков.

С расцветом железной эпохи (рубеж II и I тыс. до н.э.) в украинских степях появились скифы, иранские племена, которые, начиная с XIV в. до н.э., продвигались с территории Поволжья на запад, а согласно другой версии [3], со Средней Азии или Сибири. Начало истории скифов было отмечено их войной с киммерийцами и захватческими походами скифов в Малую и Переднюю Азию на протяжении двадцати восьми лет. В сер. – II пол. VI в. до н.э. произошло переселение центра скифов в Нижнее Поднепровье и степной Крым, где скифская культура существовала в наиболее «чистом виде». В кон. VI в. до н.э. здесь сформировалась держава Скифия, которая своего наивысшего развития достигла в IV в. до н.э. Сперва военное дело и грабежи считались достойным воинов-кочевников способом жизни, но позднее половина племен перешли к земледельческой отрасли хозяйничества, начали осваивать ремесла.

В таком воиномозированном обществе женщине было нелегко. Она была стержнем семьи. На ней держалось все хозяйство, которое у кочевников было очень трудоемким, и женщина в нем была главной работницей. Прежде всего, женскими занятиями были приготовление пищи, прядение и ткачество. В отличие от других первобытных народов, по мнению ученых [1, с. 300 – 301] преобладало воспитание детей женщинами-матерями.

Особенностью скифского общества было и то, что незамужние женщины владели оружием и входили в состав войска во время военных кампаний [1, с. 299 – 300]. Об этом свидетельствуют женские захоронения, в которых, кроме истинно женского инвентаря (посуда, украшения, прялки), обнаружено оружие. Судя по предметам (отсутствуют топоры и мечи), женщины в войске были преимущественно лучницами, т.е. составляли легкооснащенную его часть. Такие захоронения известны как в степной, так и в лесостепной зонах. Захороненные в этих могилах женщины отличались от других своим социальным положением.

В скифском обществе существовали и женщины-жрицы. Об этом свидетельствуют своеобразие украшений, найденные в курганах. Серьги с изображением богини оранты носили только жрицы [1, с. 298]. Скифское жречество было преимущественно мужским за составом (основная часть – предсказатели). За женщинами оставались, главным образом, домашние дела, а также обряды, связанные с захоронениями, и некоторые тайные обряды. Если среда «культуры» принадлежала мужчинам (соответственно, наиболее важные достижения в ней связаны с героями мужского пола), то с женщинами ассоциировалась среда «дикой» природы, сил земли. Роль женского жречества усиливается в IV в. до н.э. с упадком военного дела. К IV в. до н.э. относятся многочисленные захоронения женщин-жриц в богатых золотых уборах в сопровождении повозок и коней [1, с. 314 – 315]. Интересно, что пантеон богов скифов, по свидетельствам Геродота, возглавляла богиня Табити (богиня домашнего и небесного огня и мать первого человека-царя). Возможно, в этом нашли отображение отголоски матриархального прошлого скифов.

Матримониальное поведение в скифском обществе определяется ранним замужеством большинства женщин, риском раннего вдовства и связанным с ним обычаем левирата, когда на вдове должен был жениться брат или другой близкий родственник усопшего [1, с. 300]. По другой версии [3], жену скифа, а также его коней убивали и хоронили вместе с умершим.

К к. III в. до н.э. территория Скифии значительно уменьшилась под давлением сарматов, которые пришли з-за Дона и Волги. Со временем у сарматов образовалась рабовладельческая держава Сарматия со столицей в г. Танаис (около устья р. Дон), которая имела достаточно большое влияние на международные отношения того времени и распростиралась степями от р. Тобол на востоке до р. Дунай на западе [2]. Сарматы господствовали в причерноморских степях почти 400 лет – со II в. до н.э. по II в. н.э. их цари вели завоевательные войны. На протяжении всего своего существования сарматы были кочевыми скотоводами, к тому же, достаточно подвижными, являя собой т.н. народ-войско [1, с. 366]. И не удивительно, что все сарматы были чудесными наездниками, и не только одни мужчины: женщины тоже прекрасно держались в седле. Этой способностью сарматов наделили в своих работах Тацит, Страбон и Овидий (а именно «История» и «Анналы», 11 – 14-ая книги труда «География», «Понтийские послания» соответственно).

Неоспоримые факты о том, что в женских захоронениях повсеместно находят разные украшения, посуду, «женские вещи» (зеркала, прялки, иголки и т. д.), свидетельствуют, что на женских плечах держалось почти все домашнее хозяйство: приготовление пищи, изготовление одежды и др.

Но особенно впечатляет и у сарматов роль, которую играли в их обществе женщины. Они, кроме ловкости и изобретательности, отличались смелостью и воинственностью. Довольно часто во главе племени могла у них стоять женщина, которая руководила общиной во всех делах, в том числе и в военных. Как упоминает Геродот, сарматские женщины выходили верхом на охоту, принимали участие в войнах на уровне с мужчинами, а также одевались, как мужчины. В наше время это сообщение Геродота подтвердили археологи [1]. Почти в трети найденных сарматских могил похоронены женщины с оружием. Кроме того, они нередко исполняли функции жриц. А именно, как служительниц культа огня, что подтверждается многочисленными следами костров в насыпях курганов, а также солярными или хтоническими амулетами и курильницами, которые нередко попадают среди инвентаря женских захоронений [1, с. 378].

Таким образом, женщины в сарматском обществе имели равные права с мужчинами, но исполняли и чисто женские (домашние) обязанности. Воинственный дух сарматов вызывал удивление и восхищение соседних народов и породил сказочные повествования о их происхождении. По легенде, которую пересказывал Геродот, сарматы происходили от союза скифов с амазонками [4, с. 53, 85 – 86].

Литература

1. Історія української культури: Наукове видання. У п'яти томах. Том 1. Історія культури давнього населення України. – К.: Наукова думка, 2001. – с. 271-380.
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. В 30-ти тт. 3-е изд.-е. Т. 22. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – с. 599.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. В 30-ти тт. 3-е изд.-е. Т. 23. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – с. 508.
4. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. – М.: Наука, 1979. – с. 45-92.

Технология изготовления височных подвесок Верхнего Прикамья (на примере одного варианта)

С. А. Перевозчикова

Удмуртский государственный университет (Россия)

Исследования могильников неволинской культуры в Сыльвенско-Иренском поречье позволили выявить многочисленный и разнообразный инвентарь: украшения, предметы вооружения и снаряжения всадника, предметы труда и быта, культовые вещи. Одной из наиболее массовых категорий являются украшения. Далеко не последняя роль среди них принадлежит височным подвескам. Они выявлены преимущественно в

женских захоронениях (по 1-4 экз.); в основном, с обеих сторон от черепа, реже — на костях грудной клетки или в ногах. Своеобразным вариантом являются височные подвески с привеской в виде одного или двух металлических шаров. Они обнаружены в погребениях Неволинского (25 экз.), Верх-Саинского (16 экз.), Сухого Лога (6 экз.) и Бродовского (11 экз.) могильников. Бытование украшений данного типа в Верхнем Прикамье относится к концу VII — VIII в. и характерно преимущественно для неволинской стадии культуры [1].

Данные височные подвески изготовлены из бронзы в технике литья, пайки и штамповки. Основу подвески составляет круглопроволочное височное кольцо овальной, треугольной или округлой вытянутой формы с несомкнутыми концами. Для крепления привески к кольцу применяли плоскую проволоку, которой огибали нижнюю часть кольца. Таким образом, получался стержень-основа привески, середина которого выглядела в виде петельки, а концы были опущены вниз. Иногда в нижней части височного кольца находился перехват с выемкой посередине, на которую надевался стержень (Неволино, погр.261; Сухой Лог, погр.4).

Шар состоял из двух полых половинок с отверстиями в центральной части каждой из них. Для крепости его заполняли смолой, травой или иными органическими остатками, в дальнейшем половинки шара припаивали друг к другу. Сквозь отверстия продевали стержень так, чтобы его концы выходили наружу. Концы стержня, выходящие из шара, разгибали в разные стороны, что служило креплением привески. Имеются и некоторые разновидности крепления стержня: так, в погр.1 кургана 54 Верх-Саинского могильника концы стержня были спрятаны под полыми полугорошинами, которые были припаяны к шару. В погр.4 могильника Сухой Лог стержень состоял из проволоки круглого сечения, один конец которой огибал перехват в нижней части кольца и затем припаивался к основе стержня, а второй — выходил из шара и был закручен в виде узла, закрепляя таким образом привеску.

Между петель и шаром располагался ободок из плоской пластины со швом сзади или сбоку. Ободок мог быть как коротким цилиндрической, так и удлиненной конусообразной формы. Короткий ободок изготовлялся из прямой или рифленой пластины. Известны два экземпляра височных подвесок, у которых ободки выполнены из плоской пластины в виде удлиненного граненого прямоугольника (Сухой Лог, погр.20).

В некоторых случаях привеска вместо шара и ободка состояла из двух шаров разных размеров, соединенных последовательно (Верх-Сая, погр.77; Неволино, погр.69; Броды, погр.115). Другой особенностью является привеска с соединенными последовательно полушаром и шаром. Полушар состоял из полый половинки шара, расположенной отверстием вниз, а краями вверх, закрытый сверху тонкой пластиной с отверстием в центре (Верх-Сая, уч.Х/15; Неволино, погр.139; Броды — погр.68, 124). Необходимо отметить височное украшение, у которого еще при использовании этой подвески обломалась петля и стержень прикреплялся к коль-

цу с помощью органической нити, обмотанной вокруг нижней части кольца и верхней — стержня (Неволино, погр.139).

Часто височные подвески данного типа были украшены одной-тремя полосками скани, которые одновременно служили в качестве дополнительного украшения и закрывали следы соединения ободка с шариком, двух половинок шара, петли с височным кольцом и ободком. В некоторых случаях полоски скани располагались на обеих боковых сторонах височного кольца (Сухой Лог, погр.4, 20, уч.В/28; Неволино, погр.65, 238).

Таким образом, для создания височных подвесок данного типа требовались достаточно профессиональные навыки, выраженные в изготовлении как самой основы подвески, так и отдельных фрагментов, украшающих ее.

Литература

1. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры. Иркутск, 1990, С.93

Роль письменных источников в изучении тюркской культуры

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет

Изучение различных аспектов истории древних и средневековых обществ должно базироваться на комплексном подходе и использовании самых разнообразных источников: археологических, этнографических, изобразительных и письменных. При анализе последних необходимо учитывать как аутентичные документы, так и материалы из сопредельных территорий. Для исследования истории тюркской культуры основным письменным источником являются китайские династийные хроники. Изучение их возможно благодаря трудам Н.Я. Бичурина [1] и Лю Маоцяя [2], осуществивших перевод значительной части документов по истории древних и средневековых племен Центральной Азии. Следует уточнить, что под тюркской культурой подразумевается единая общность, существовавшая только в период раннего средневековья [3].

При анализе любых письменных источников необходимо помнить о том, что свидетельства их испытывают значительное влияние политической и социальной конъюнктуры. Применимо данное утверждение и по отношению к китайским документам, содержащим зачастую противоречивую информацию. В настоящем исследовании рассматриваются возможности решения наиболее важных аспектов становления и развития тюркской культуры на основе привлечения сведений письменной истории.

I. Территория формирования этноса. Определение места сложения любой общности важно для более полного понимания особенностей ее материальной и духовной культуры, определения этнического и антропологического состава и т.д. Многие исследователи пытались установить район первоначальной локализации тюркских племен на основе сведений китайских династийных хроник. Анализ генеалогических легенд тугю позволил С.Г. Кляшторному [4, с. 12] выделить два этапа в ранней истории

тюрк: ганьсуньско-гаочанский и алтайский. Исследователь отметил, что только в V в., после переселения в Монгольский Алтай, племя ашина возглавило союз местных племен, получивший наименование тюрк. В целом согласен с подобной трактовкой генеалогических легенд Д.Г.Савинов [4, с. 93–94], подчеркнувший важность выделения ганьсуйско-гаочанского периода, показывающего, по его мнению, истоки государственности. Однако, по мнению исследователя, на территорию Алтая переселился уже сложившийся этнос тюрк, а не племя ашина. Казалось бы, процессы, происходившие в Северной Азии в эпоху раннего средневековья, в целом ясны. Но С.П.Нестеров [5, с. 69], основываясь на анализе тех же генеалогических легенд, предложил несколько иное видение начальных этапов формирования тюркской культуры и этноса. По мнению исследователя, на территории Алтая уже существовало племенное объединение Тюрк, которое и составило основу новой общности. Таким образом, при опоре только на сведения письменной истории, исследовательские возможности представляются весьма ограниченными. В данном случае необходимо обратить внимание на археологические материалы.

Основываясь на анализе погребальных и поминальных памятников Центральной Азии и прилегающих территорий, В.В.Горбунов и А.А.Тишкин [3] указывают на Горный Алтай как на территорию формирования тюркского этноса. Главным аргументом исследователей является то, что только там могут быть выделены самые ранние объекты тюркской культуры, датировка которых определяется 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. Археологические памятники этого времени были включены в выделенный авторами Кызыл-Ташский этап.

II. Погребальный обряд. Особенности ритуала являются чертой, наиболее ярко характеризующей любое этническое образование. Погребальный обряд тюрк-тугю достаточно подробно зафиксирован в хронике Чжоу шу. Вся сложность заключается в том, что на территории всей Южной Сибири археологических памятников, полностью соответствующих этому описанию, не обнаружено. Еще больше запутывает ситуацию сообщение династийных хроник о смене тюрками погребального обряда (с трупосожжения на трупоположение). На наш взгляд, с некоторыми оговорками можно согласиться с Д.Г.Савиновым [3, с. 95], предположившим компилятивный характер источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла. Если мы принимаем данное утверждение, то становится ясно, что сведения китайских авторов могут в данном случае носить только лишь вспомогательный характер.

III. События политической истории. Основное достоинство китайских документов состоит в том, что все события, описанные в них, датированы. Понятно, что археологический материал не обладает той степенью конкретности, как сведения письменной истории, поэтому использование информации китайских летописцев в данном аспекте представляется весьма перспективным. Опыт сочетания данных археологических ис-

следований и сведений письменных источников можно считать построение культурно-хронологической схемы развития культуры средневекового населения Алтая, этапы которой связаны с важнейшими событиями политической истории [6].

Также стоит отметить ценность сведений династийных хроник в плане изучения социальной структуры и мировоззрения населения тюркской культуры [7]. Разумеется, при этом нельзя забывать о постоянном противоборстве Тюркских каганатов и Поднебесной империи, что не могло не отразиться и на оценках процессов, происходивших в обществе кочевников. Немаловажным является и то, что китайские авторы описали общественный строй центра огромной державы тюрков, в то время как социальная иерархия периферии остается до сих пор почти не изученной. В подобной ситуации на первый план выходит рассмотрение археологических материалов, однако на сегодняшний день можно говорить о неразработанности данного направления.

Возможности анализа письменных источников далеко не исчерпаны. В настоящее время актуальным является: 1) более глубокое изучение и интерпретация уже имеющихся материалов (в том числе и памятников тюркской письменности); 2) расширение круга письменных источников (например, привлечение сведений арабских авторов). Следует также отметить, что уровень развития лингвистической науки и полученные археологические материалы позволяют осуществить проверку точности перевода китайских династийных хроник. Особенно это важно в связи с необходимостью уточнения некоторых географических названий, имен собственных, этнонимов и т.д.

Перспективы дальнейшего изучения процессов, происходивших в Центральной Азии в эпоху средневековья, связаны с применением комплексного метода исследований. Однако в любом случае основное внимание стоит обратить на анализ археологического материала как наиболее объективного источника информации.

Литература

[1] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.; Л., 1950.

[2] Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. Прил. 1.

[3] Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 43–46.

[4] Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

[5] Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

[6] Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 82–91.

[7] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

**Феномен бегазы-дандыбаевской культуры
(по материалам юга Западной Сибири).**

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет; Россия

В настоящее время бегазы-дандыбаевская керамика, ранее известная в основном по материалам центрального Казахстана, обнаружена археологами и на ряде памятников эпохи поздней бронзы степной полосы Обь-Иртышского междуречья. На большинстве поселений этого региона преобладают саргаринско-алексеевские комплексы, а доля бегазы-дандыбаевских не превышает 7-10% от всей керамической коллекции. Исследователи отмечают её совместное залегание с керамикой изготовленной на гончарном круге (станковой), процент которой в комплексах также невелик. Эти материалы вызвали всплеск интереса к проблемам реконструкции эпохи поздней бронзы Западной Сибири и Казахстана. В частности, с новой силой вспыхнула дискуссия вокруг бегазы-дандыбаевского феномена. Авторы большинства появившихся работ, определяя культурную принадлежность тех или иных материалов как бегазы-дандыбаевскую, стремились показать их близость центральноказахстанским. Вместе с тем, известны факты, придающие материалам степного Обь-Иртышья определенное своеобразие. Прежде всего, обращает на себя внимание, что бегазы-дандыбаевские памятники Казахстана в своем большинстве известны по погребальным комплексам, а на Алтае — наоборот, по поселенческим.

Несомненное своеобразие материалов показывает «бурлинский» тип памятников (поселения Кайгородка 3, Бурла 3, Гридино). Керамические комплексы этих поселений представлены бегазы-дандыбаевской и станковой (типа Намазга VI) керамикой. Их доля составляет от 40 до 50% коллекций. Саргаринско-алексеевская керамика, преобладающая на соседних памятниках региона (поселение Новоильинка, Кабанье, Старопесчаное 3 и другие), встречается здесь в незначительном количестве. Анализ хозяйственной деятельности населения, оставившего данный тип памятников, показал, что в отличие от носителей саргаринско-алексеевской и ирменской культур здесь существовало более развитое скотоводческое хозяйство. В нём намечались изменения в пользу кочевого стада (преобладание костных остатков овцы и лошади) [1]. Вместе с тем, ряд находок указывает на развитое земледелие. Бурлинский тип памятников был датирован автором раскопок В.С. Удодовым XIII — XI (X) вв. до н.э. [2].

На саргаринско-алексеевских поселениях, как уже отмечалась, бегазы-дандыбаевская и станковая керамика немногочисленны. Однако проведенный на поселении Рублёво VI планиграфический анализ распространения находок выявил некоторые особенности в керамических комплексах различных объектов поселения (жилище, зольник, межжилищное

пространство). В целом на памятнике преобладает саргаринско-алексеевская керамика, что и определяет его культурную принадлежность. Вместе с тем в коллекции посуды из зольника относительно велика доля бегазы-дандыбаевской (около 61,4% всей керамики данной культурной традиции) и станковой (78,6%) керамики, а также саргаринско-алексеевских сосудов орнаментированных пальцевыми защипами и оттисками ногтя. Это, вместе с фактом обнаружения в зольнике практически целых бронзовых изделий и обожженных человеческих останков, позволило Д.В. Папину высказать предположение об ином функциональном назначении зольника: «на поселении Рублево VI зольник был местом отправления культа, или, по крайней мере, одного из его этапов... что связано с погребально-поминальной обрядностью» [3]. Авторами раскопок было предположено, что бегазы-дандыбаевская и станковая керамика могли использоваться саргаринско-алексеевским населением, оставившим данный памятник, в ритуальных целях [4].

Известны бегазы-дандыбаевские материалы и на памятниках финальной бронзы. Так на поселении Гусиная Ляга 1 (конец VIII – начало VII вв. до н.э.), культурная принадлежность которого определена автором раскопок С.М. Ситниковым как позднеирменская, также в небольшом количестве зафиксирована саргаринско-алексеевская, бегазы-дандыбаевская и станковая керамика. Эти материалы стратиграфически не разделяются с основным позднеирменским комплексом, что говорит о сосуществовании и контактах носителей различных культурных традиций [5; 6].

Таким образом, бегазы-дандыбаевские материалы юга Западной Сибири укладываются в рамки XIII – VIII вв. до н.э., что противоречит централизованной датировке X – VIII вв. до н.э. [7]. Видимо, нижнюю дату следует связывать с началом формирования культуры. Присутствие незначительного количества бегазы-дандыбаевской и станковой керамики в комплексах поселений X-VIII вв. до н.э. мы склонны объяснять тесными контактами позднебронзового населения Алтая и Казахстана, импортом посуды из районов Центрального Казахстана и Средней Азии. Таким образом, особенности бегазы-дандыбаевских материалов юга Западной Сибири на наш взгляд вызваны как территориальными (пограничное положение алтайских степей между Прииртышьем и Приобьем, предгорьями Алтая и лесостепными районами Западной Сибири), так и хронологическими причинами. Вместе с тем проблема бегазы-дандыбаевского феномена ещё далека от окончательного своего разрешения. Скорейшее её устранение во многом затрудняют недостаточная публикация материалов ряда памятников (Казахстан, бурлинский тип памятников), отсутствие в настоящее время единой типологии керамики, а также неравномерная изученность территории (слабо исследованы Центральная (Алтайский край) и Западная (Казахстан) Кулунда, а также Новосибирская часть Северной Кулунды, в то время как Южная, Восточная и алтайская часть Северной Кулунды довольно хорошо изучены).

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ – 03-01-00-475а

Литература

[1] Гальченко А.В. Скотоводческое хозяйство древнего населения Северной Кулунды в эпоху поздней бронзы (памятники «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур») // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 33-45.

[2] Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

[3] Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево-VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 181-183.

[4] Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 152-155.

[5] Ситников С.М., Гельмель Ю.И. Новые материалы финальной бронзы Северной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 158-161.

[6] Белоусов Р.В. Поселение Гусиная Ляга 1 – памятник финальной бронзы Северной Кулунды // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 275-278.

[7] Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 363 с.

Верхневолжская этнологическая экспедиция в 1920-е годы

В. В. Цыков

Тверской государственный университет. Россия

В первые годы советской власти в стране отмечается оживление краеведческой работы и, одним из главных событий этого процесса стала Верхневолжская этнологическая экспедиция (с 1921 по 1925 год), собравшая многочисленные и очень ценные материалы о хозяйстве, быте и народном творчестве тверских крестьян того времени. К сожалению, материалы этой экспедиции остались почти не опубликованными.

Верхневолжская этнологическая экспедиция в Тверском крае была осуществлена по инициативе Разряда этнологии Российской Академии Истории Материальной Культуры и Бежецкого Научного Общества [1]. Руководство экспедицией было возложено на Д.А. Золотарёва, предварительно установившего связи с местными научными учреждениями и организациями, заинтересованными в этнологическом изучении родного края [2].

Экспедиция, приступая в 1921 году к работе, ставила себе общую задачу выяснить, что представляет собою в этнологическом плане Ярославско-Тверской регион, каковы особенности его населения и чем они объясняются.

В 1921 году, опираясь на организационное содействие Бежецкого Научного Общества, Академия осуществила Этнологическую экспедицию в

Бежецкий уезд под руководством Д. А. Золотарёва в составе С. А. Ерёмина, З. П. Малиновской, О. И. Олиференко, Л. И. Песселеп [3].

Успешное проведение работ, несмотря на крайне ограниченные средства, большой материал, собранный экспедицией по постройкам, одежде, средствам передвижения, орнаменту и промыслам населения вместе с антропологическими, лингвистическими и фольклористическими исследованиями и записями побудили Академию продолжить работы, перенеся их на территорию Вышневолоцкого, Весьегонского, Краснохолмского и Мологского уездов.

Не имея возможности осуществить планомерно самостоятельные работы экспедиции, Академия командировала ряд сотрудников в указанные районы для исследовательской работы по ранее принятому плану, пользуясь содействием и сотрудничеством ряда учреждений, как местных, так и центральных.

Согласие Отделения Этнографии Русского Географического Общества, Комиссии по изучению племенного состава населения России при Российской Академии Наук и Этнографического Отдела Русского Музея участвовать в экспедиции дало возможность воспользоваться рукописными материалами указанных учреждений, а также их программами для собирания данных. Лишь по языку и местному словарю была составлена специальная программа применительно к району работ экспедиции. Программа была разработана С. А. Ерёминым, обсуждена в совещаниях экспедиции и в Этнологическом Отделе Российской Академии Истории Материальной Культуры.

В составе Верхневолжской этнологической экспедиции работала группа сотрудников Этнографического Отдела Русского музея. В Тверском крае их исследования в основном сосредоточились в Ржевском уезде, в районе реки Молодой Туд, среди своеобразной группы населения, называемой тудовлянами. Тудовляне, зафиксированные в научной литературе [4], до времени экспедиции сохранили своеобразные бытовые и лингвистические особенности, сближающие их с белорусами.

Верхневолжская этнологическая экспедиция задумывалась как глобальное многолетнее и многоплановое исследование, но теория, как это часто бывает в жизни, разошлась с практикой — всеобъемлющего изучения не получилось, и экспедиции пришлось преимущественно заниматься изучением крестьянских построек, не упуская, по возможности, и разработки других вопросов.

В целом работа Верхневолжской экспедиции продолжалась пять лет с 1921 года. Причём работа основного ядра в составе Д. А. Золотарёва, М. И. Артамонова, Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринковой, Н. С. Розова, З. П. Малиновской не прекращалась и в зимнее время в связи с обработкой материала. В разное время участниками экспедиции были около 20 человек.

В Тверской губернии экспедицией были обследованы следующие микрорайоны: в Бежецком уезде — Подобинско-Сабуровский, Пореченский, Заручьёвский, Максатихинский, Толмачёвский, Делединский и Теб-

лешский; в Весьегонском уезде – Чамеровский и Сушигорицкий; в Ржевском уезде Молодотудский; в Вышневолоцком – Удомельский.

И, несмотря на значительные трудности и то, что эта экспедиция была первой в своём роде, она достигла значительных успехов, собрала огромный и очень ценный материал по этнографии карел и великорусов Верхневолжья.

Литература

[1] Архив Института Истории Материальной Культуры, фонд 2, 1923г., опись 1, дело 72, лист 6.

[2] Архив ИИМК Ф.2, 1922г., Оп. 1, Д. 69, Л. 58.

[3] Золотарёв Д. А. «Работа Этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях» // Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, Ленинград, 1924, том 3, С. 2.

[4] Гринкова Н. П. «Одежда тудовлян Ржевского уезда» // Этнография, 1926, Т. 1.